

ГУСЕЙНОВА ОЛЬГА

ЛЮБОВЬ
СО СМЕРТЬЮ

ПОДАРКИ ОТ ВЫСШИХ

Annotation

Обряд на удачу может спасти от провала!

Но кто же знал, что схитрить не получится и меня занесет в другой мир?

Хочешь не хочешь, а начинается новая жизнь. Теперь я потомственная аристократка, которой предстоит решить множество проблем. Еще поступить в академию магии и встретить любовь. Ведь обрести счастье целители могут лишь по большой любви и никак иначе!

А значит – за дело! И главное – ничего не перепутать...

- [Ольга Гусейнова](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Эпилог](#)
-

Ольга Гусейнова
Любовь со смертью

Глава 1

– Ты серьезно? – обернувшись к Жене, с иронией спросила Вика. – Магическая лавка ведуньи на тридцатом этаже самого престижного бизнес-центра?

– Я всегда считала, что ведьмы в глухих деревнях живут, прячутся, – проворчала я себе под нос, чтобы посторонние не услышали.

– Анхелле прятаться не нужно, к ней ходят только самые-самые, а у тех времени в обрез и по деревням ездить некогда. Вот и выбрала место под солнцем в самом центре города, – буркнула нам покрасневшая от смущения Женька.

– Ты так и не сказала во сколько нам обойдется этот ритуал удачи для продвижения нашей банд-группы? – с подозрением прищурилась Вика.

– Вот ляпнешь так при заказчиках – и нас реально за бандиток примут и вместо музыкальных выступлений пошлют...

– ...просто пошлют, ты хотела сказать? – быстренько подсказала я Женьке.

– И туда тоже, – хихикнула она.

– Так сколько это стоит? – не дала увильнуть наша главная по финансам.

Женя поморщилась и, не решаясь посмотреть Вике прямо в глаза, тихонько призналась:

– Она точную сумму не назвала. Сказала, сначала должна на нас посмотреть. Тогда и озвучит сумму и вообще, согласится ли с нами иметь дело.

– Понятно-о, развод чистой воды! – постановила Вика и развернулась, явно намереваясь отказаться от визита к ведунье, к которой нас с неделю уговаривала сходить Женька.

Но почему-то в этот момент не она, а я, схватив Вику за локоть, жалобно заныла:

– Викусь, ну давай сходим? Просто глянем одним глазочком, а то ж любопытно, сил нет, как это все выглядит. Я натуральную ведьму ни разу не видела. Если что, просто уйдем и все!

– Даром, Маш, только за амбаром выдают, а за все остальное в жизни приходится платить. – Мрачно, привычным менторским тоном заявила Вика, но все же обернулась и хмуро окинула взглядом сияющий стеклом и мрамором тридцатиэтажный деловой центр. – Хорошо, но больше пяти тысяч не дам!

Мы с Женей радостно запрыгали:

– Вперед, на мины!

И втроем, словно в бой, задрав повыше подбородки для солидности и уверенности, вошли в пафосное здание – царство светлого камня, стекла и света. Моментально прибывший лифт отразил нас с подругами на зеркально-гладкой поверхности дверей и плавно поднял на самый верх за несколько секунд. Мы невольно восхищенно замерли. Мы...

Я, Мария Васюнина, студентка четвертого курса медицинского университета, недоверчивый интроверт, при этом большой романтик, верящий в идеальные половинки и вселенскую справедливость. Богатая на выпуклости в нужных местах, хоть и ниже среднего роста, кареглазая морковка, как меня подруги прозвали за натуральный оранжево-рыжий цвет волос. Милая, но не более. Еще и зрение подкачало, поэтому приходится носить очки минус три, а не контактные линзы, на которые, увы, аллергия. И все же коричневые кожаные легинсы с белыми кроссовками и молочного оттенка свитером тонкой вязки и длиной до середины бедра, с «сердечком» на груди мне были очень к лицу, что я в огромном зеркале в холле и отметила. «В миру» ношу вполне подходящее прозвище – Томат.

На мое плечо оперлась вторая из нас, Евгения Корзинкина – девушка высокая, веселая, открытая, ранимая, вечно витающая в облаках и мечтающая о большой и любящей семье. А вот фига ей... и экономический факультет в помощь в борьбе за достойную жизнь. Подумаешь, модельная внешность, платиновая блондинка с черными глазами и темными бровями. Куколка, причем натуральная, мечтающая летать где-то в небесах или хотя бы на сцене, но идеальный рост и вес ей не помощники. Одеваться предпочитает в летящие платья пастельных тонов и, невзирая на высокий рост, носит тонкие шпильки. Женечку с детства прозвали Шпалой.

И третья, Виктория Невская, – невысокая и хрупкая синеглазая брюнетка с чуть более острыми чертами лица, чтобы считаться

классической красоткой, но симпатичная. Жаль, носит темные деловые строгие костюмы с белыми рубашками и глухие туфли «прощай молодость», впрочем, они не особенно скрывают ее внешнее очарование. И вот эта худосочная мелочь с младенчества была в нашем сплоченном трио бесспорным лидером и заводилой, благодаря смелости, деловой жилке и, главное, сильному характеру, ну, если с нашими сравнивать. Именно она, получившая прозвище Шапокляк, будучи студенткой четвертого курса юрфака уже устроилась в какую-то фирму по своему будущему профилю и зарабатывает больше нас обеих.

Мы с девчонками отличаемся друг от друга, как лебедь, рак и щука, при этом у нас общие увлечения и дружба с незапамятных времен. Я даже не помню, когда мы последний раз ссорились; если с одной из нас случалась неприятность, две другие тут же вляпывались в нее добровольно и с горячим энтузиазмом.

Двери лифта разошлись в стороны, и мы шагнули наружу.

– Интригующе... – пробормотала Вика, разглядывая несколько редких бежевых дверей вдоль длинного коридора с серым напольным покрытием.

В самом конце виднелась единственная дверь черного цвета.

– Похоже, нам туда, – немного нервно шепнула я, ткнув пальцем в эту выделяющуюся на общем светлом фоне дверь с нужным номером.

За черной дверью оказалась совершенно обычная приемная, где нас встретила не секретарша, а внушительный громила в деловом костюме, у которого на поясе заметно топорщилась пола пиджака. Там что – оружие?

Тревожно переглянувшись, мы осознали, что пятеркой не отделаемся, тем более громила сурово пробасил:

– К Анхелле? Вам назначено?

– Да-а... – в унисон проблеяли мы неуверенно.

– Она ждет, проходите!

И указал на еще одну зловеще черную дверь, без номера, зато с какими-то закорючками, написанными над ней темной краской прямо по молочным обоям.

Оказавшись за ней, мы сразу попали, ощутили, вдохнули атмосферу мистики. По стенам развешаны десятки самых жутких масок, в прорези глаз некоторых даже заглядывать было не по себе,

словно из них за нами кто-то наблюдал... с той стороны. Окна зашторены, но нет киношной темноты и горящих свечей. На широком, обитом зеленым сукном столе, вальяжно развалился черный кот и недовольно щурил зеленые глаза на чадающие в бронзовой миске благовония, от которых у меня засвербело в носу. Чихнули мы сразу втроем, понятно: витавшие в комнате ароматы «не зашли» и моим подругам.

За столом не менее вальяжно расположилась во внушительном и явно удобном кресле с высокой спинкой женщина без определенного возраста. Таким легко может быть за пятьдесят и около тридцати. Черноглазая, светлокожая шатенка с высоким хвостом на макушке, обычной среднестатистической фигурой, узкими запястьями и длинными, музыкальными пальцами в диковинных кольцах. И одежда на ней вполне привычная: черная водолазка, джинсы и темные балетки, выглядывавшие из-под стола. Никаких балахонов...

И все бы ничего, но вот ее глаза. Она словно вцепилась ими в нас троих сразу. Я ее взгляд физически ощутила – он прошелся, буквально прощупывая каждый сантиметр моего тела. Бр-р!

– Здравствуйте, Анхелла, я звонила вам недавно, и вы...

– Садитесь, – оборвала Женин лепет ведьма, указав как раз на три стула напротив своего стола.

– Сначала мы бы хотели узнать стоимость ваших услуг, а то вдруг они нам не по карману, – сухо заявила Вика.

Мы с Женей, было дернувшись к стульям, остановились за ее спиной.

Ведьма неожиданно усмехнулась, разглядывая нас, а потом наповал поразила:

– Вы трое родились в один день и даже в одно время?

– Положим, вы правы, – уклончиво признала Вика, чуть наклонив голову к плечу, как обычно делает, когда изучает «врага».

– Все трое отказники, которые не знают, кто их родители и почему от них отказались. В детский дом попали из одного дома малютки и с того времени всегда вместе. Один детский дом, одна жизнь на троих, одни увлечения и даже неудачи одни на всех. Отказники без защиты семьи и рода. Но сплотившись, вы создали свою семью, новый род и тем самым защищаете друг друга.

– Откуда вы знаете? – потрясенно пролепетала Женя.

– Эта информация в общем доступе, ее не трудно найти, зная всего лишь номер Жениного телефона, – отрезала Вика.

– Ты, Мария, – будущий целитель, ты, Евгения, любишь цифры, с ними тебе проще всего, ведь они не предадут и всегда логичны, а ты, Виктория, с рождения живешь с пустотой внутри, которую заполняет свет и любовь твоих подруг и собственная, пугающая тебя холодом темнота, – спокойно, с едва заметной улыбкой продолжила ведьма, вернее, ведунья, как в объявлении указано.

– Это тоже узнать не проблема, – почему-то хрипло заявила Вика.

– Думаешь? – еще шире улыбнулась Анхелла. – Ну хорошо, с вас, Томат, Шпала и Шапокляк, я возьму ровно пять тысяч, ведь именно эту сумму вы готовы мне заплатить, верно?

Дальше мы трое молча и робко расселись и ошеломленно вытаращились на ведунью, причем, мы с Женькой еще и испуганно, а Вика держала лицо, согласившись:

– Верно.

И, подчиняясь кивку Анхеллы, неуверенно вытатила и положила перед ней купюру, пока та продолжала нас изумлять:

– Вам по двадцать одному году, живете вы вместе, хоть и выбрали положенные каждой метры. Зарабатываете по-разному, но тратите все вместе из одной кубышки.

– Да-а... – потрясенно лепетали мы.

– Мужчин нет, ни одна из вас еще не познала любви, не потому что не было желающих, а потому что боитесь снова быть брошенными. Как отказались от вас родители...

– Мы... – Анхелла вскинула идеальную черную бровь, и Вика покорно замолчала.

– Вы мечтаете о многом, хотя пришли лишь за одним. Дружба и сиротство не единственное, что вас объединяет, есть еще любовь к музыке. У вас красивые голоса, но, насколько я вижу, ты, Маша, больше любишь танцевать, Женя – придумывать ваши номера, а Вика – петь.

– Все верно, – Вика продолжила быть нашим единым голосом, взволнованным и сиплым.

– Хотите удачи в музыкальном конкурсе? – ехидно усмехнулась Анхелла.

– Мы хотим удачи на музыкальном поприще, а не только в конкурсе, – осторожно поправила Вика, наша семейная акула бизнеса.

– Мудрая девочка! – неожиданно хихикнула Анхелла. Мне показалось, что ей не тридцать и даже не пятьдесят, а гораздо, гораздо больше. Выдержав паузу, ведьма хитро улыбнулась и встала: – Легко!

Обычная черная водолазка и джинсы отлично сидели на этой немолодой, но молодо выглядевшей женщине. Она согнала обиженно фыркнувшего кота со стола, затем достала из ближайшего шкафа корзину. Вытащила оттуда, расставила на столе и зажгла пять коротких толстых разноцветных свечей, две черные – рядом с собой, три светло-желтые – придвинула по одной каждой из нас. В центре условного пятиугольника поставила плоскую тарелку, в которой соорудила «стожок» из сухой травы. Пять маленьких мисочек с разноцветными неровными бусинами завершили ритуальный расклад.

Казалось, что воздух сгустился от нашего напряжения и любопытства. Анхелла молча сунула нам в руки по белой тонюсенькой восковой палочке, я втянула носом аромат своей и ощутила букет луговых трав. А вот Вика, повторив за мной, снова смачно чихнула.

– Ох и темная ты, девонька! Но твоим сестричкам по духу повезло, ты все их слабости закрыла, – заявила Анхелла, одобрительно глядя на Вику. И добавила «перцу»: – Тебе с ними тоже на редкость повезло – лютую тьму из твоей души выгнали, помогли сформироваться доброй и защищающей.

– Да, мы банда! – хихикнула Женька.

– Вы не банда, отныне вы одного рода. А значит, даже уйдя за грань, не потеряетесь, сможете защитить, поддержать друг дружку.

По коже аж мурашки разбежались от слов ведуньи-колдуньи, но почему-то не испугали, а наоборот, проникли теплом в самую душу. Мы, трое отказников, всегда мечтали о семье, считали себя семьей. И вот, эта зловещая тетка говорит, что мы где-то там, на энергетическом уровне стали роднее некуда. Что, даже умерев, сможем защищать друг друга. Хотя, конечно, лучше будем жить долго и вместе!

– Спасибо, – неожиданно смущенно сказала Вика, ей слова ведуньи тоже пришлось по душе.

– Ну что ж, перейдем, собственно, к цели вашего визита и моим магическим услугам, – объявила Анхелла. – Сейчас вы должны вылепить для себя магический амулет, каждая – собственный. Перед

вами восковые палочки, согрейте их теплом своих рук, чтобы сформировать браслет.

– Сами? – опешила Женя.

– Сами! – усмехнулась ведунья. – Но не бойся, недоверчивая моя, самую важную работу, активацию ваших амулетов, выполню я. Пять тысяч даром не пропадут.

Стоило нам, смущенно переглядываясь, разогреть восковые заготовки ладонями и начать сгибать дугой, Анхелла прибавила:

– Видите мисочки перед вами, достаньте из них бусинки. Можно сразу трех цветов, вы мне понравились, я сделаю вам подарок!

– Какой? – приятно удивилась Вика.

– Вы пришли только за удачей, а я вам подарю еще любовь и магию.

– Магию? – нервно хрюкнула от смеха Женька, благодаря которой мы здесь сидим и черте чем занимаемся.

Анхелла укоризненно покачала головой и как маленьким, улыбнувшись, пояснила:

– Музыка – это творчество, а любое творчество – это магия. Вы хотите стать успешными певицами, значит, магия вам тоже пригодится, помимо удачи! А любовь... я чувствую, что она вам очень-очень нужна!

– Всего и побольше – это хорошо!

– Мы согласны, – радовались мы.

И каждая пожелала.

– Хотим много магии, – я.

– Хотим много любви, – Женя.

– И много-много удачи! – весело припечатала и разошедшаяся Вика.

– Тогда собирайте браслет из красных, зеленых и желтых бусин. Сколько сможете набрать. А закроете набор черной, она защитит от неудач и негатива, – поторопила нас Анхелла, подвинув четвертую миску с черными бусинами.

Странно, каждая бусина словно энергию забирала. Это я поняла, когда решила начать именно с черной, защищающей, а потом к ней на согнутую дугой основу добавила следующую. Сначала нанизала по одной бусине каждого цвета, но после желтой ощутила себя обессиленной, с пудовыми руками, которые от стола не оторвать.

Однако жадность пересилила, жаль, что сил, вернее, упорства хватило только на дополнительную желтенькую, которая магию обозначала. Соединила края браслета – и тут же ощутила, что странное и непонятное состояние онемения исчезло!

Проверив как дела у подруг, порадовалась: они тоже завершили свои браслеты-поделки. Только у Жени оказалось две красных бусинки – она себе любви побольше захотела, у Вики – вторая зеленая красовалась. Значит, нашему трио всего дополнительно прибавится: и любви, и магии творчества и удачи!

– Теперь самое главное! – довольно объявила Анхелла, а потом слегка напрягла, сунув нам одноразовые скарификаторы: – Делаем прокол на указательном пальце и выступившей кровью смазываем браслет.

– Кровью? – опешили мы.

– Мы, простые смертные, берем плату деньгами. А вот высшим за подарки всегда платят кровью... своей, – объяснила с усмешкой Анхелла.

– Ясно, – нахмурилась Вика, вновь обретя очень ненадолго утраченную подозрительность.

Оглянувшись на нас, закусив губу, она подумала пару мгновений, потом кинула взгляд на одноразовые тонюсенькие скарификаторы и приняла решение, что от нас не убудет. И первой разорвала упаковку на этом крохотном стальном «копье». Следом мы с Женей вскрыли свои. Правда, протыкать кожу до кровяной жидкости пришлось друг другу, причинить себе боль оказалось невыносимо. Мысленно поплевав через левое плечо, так, на всякий случай, я извлекла кровью свою палочку с бусинками. Анхелла кивнула и продолжила:

– Вы девочки одаренные, если что увидите странное, не пугайтесь!

– Угу, – синхронно кивнули мы.

Девчонки, наверное, как и я, решили, что более странного, чем пускать себе кровь уже не случится.

– Надевайте на руки свои браслеты и держите над свечами. Даже если будет очень горячо, не снимайте, надо амулеты активировать!

Мы послушно выполнили. А ведунья, подпалив пучок с травой на тарелочке, подняла ее и начала, напевая, водить над нашими руками, замершими над горящими свечами.

Густой дым повис в воздухе, от запаха летнего разнотравья кружилась голова, грудной голос ведуньи завораживал и словно гипнотизировал. Не знаю, как у девочек, а у меня возникло дикое ощущение, словно вокруг густел не дым, а энергия и она зовет кого-то, открывает незримые двери куда-то. Стало жутко и невыносимо горячо: восковой браслет таял, расплзался на запястье вместе с пятью бусинами, тоже оказавшимися из воска и растекавшимися широкими цветными разводами. Все эти странные, будто живые, яркие, энергетические субстанции смешивалась и буквально впитывались в кожу...

Потом в голове стало пусто, звонко, как в кастрюле, в какой-то момент показалось, что браслет и вовсе исчез, полностью впитавшись. И словно издали прозвучал усталый, но довольный голос Анхеллы:

– Ну вот и все, девочки! Теперь с вами всегда будут удача, любовь и магия! Свою работу я выполнила, вы можете идти с чистым сердцем и душой...

Оторвав взгляд от совершенно невозможным образом очистившегося запястья – от воскового браслета не осталось и следа! – я ошеломленно посмотрела на Анхеллу и в ужасе замерла. У лица ведуньи трепетала странная дымка – тени кошмарных масок со стен ее офиса. Они то проявлялись сильнее, то рассеивались, то темнели, то тускнели. Так, будто сквозь Анхеллу на меня смотрели сотни потусторонних лиц и существ. Еще и за спиной ведуньи лениво, неспешно закручивалась темная воронка, потом она нависла над ней. Казалось, одна ошибка – и эта темная мощь накроет с головой, сожрет!

В этот момент на стол вспрыгнул толстый черный кот Анхеллы, по инерции сделал несколько шагов прямо в центр пентаграммы со свечами. Наступил на край тарелки с тлеющим сеном – сухие травинки взмыли вверх и опустились прямо в пламя свечей, оно вспыхнуло ярче, запыхало голоднее, азартнее.

– АмагРЕлим! Мстительная тварь! Ты что натворил! – испуганно взвизгнула Анхелла.

Мохнатый пакостник уже и сам перепугался, заметался по столу, хвостом сбил здоровенные черные свечи и сукно на столе тут же вспыхнуло. Начался настоящий мистический кошмар. На фоне огня ярче проявились призрачные маски, в прорезях глаз которых полыхнули отсветы пламени, оживляя «лица», а по комнате, еще

больше расширяясь, кружилась темная воронка. Что-то или кто-то таинственно зашептало, зашелестело, будто голоса издалека, из очень далекого «далека». На неизвестных языках, певучих и гортанных, птичьих или человеческих, не понять. Все смешалось в единый завораживающий шелестящий звук, который заполнил голову и отсекал лишнее.

Я настолько испугалась шепота потусторонних лиц-масок, что с воплем подскочила. Мой вой подхватили подружки и под ошарашенным взглядом Анхеллы, гасившей загоревшийся стол, откинув стулья и запинаясь в них, мы втроем кинулись прочь из жуткого места.

С силой оттолкнув появившегося в проеме с удивленной физиономией громилу-секретаря, мы вывалились в приемную и, распахнув черную-пречерную дверь из преисподней, ринулись по коридору к лифтам. Я неслась с ощущением, что нас преследуют, буквально висят за нашими спинами. Вот-вот догонят и...

А на этаже стояла пугающая тишина, двери закрыты, никого не видно. Слышно только наше заполошное, взволнованное дыхание и приглушенный топот. У выхода на пожарную лестницу послышалась громогласная мужская ругань и на волне паники она только подстегнула нас ускориться. Мы неслись, почему-то держась за руки, буквально слипшись в единое целое, затравленно оглядываясь назад. Звякнул колокольчик, двери лифта разъехались. А вот дальше...

– Ай! – крикнула Женька, влетев в лифт.

– Ой! – раздался придушенный возглас Вики.

Следом чудовищный рывок – и я лишь чудом, наверняка выдрав пару ногтей, успела зацепиться за край пальцами и каблуком, буквально вывалившись другой ногой в пустоту. Кабины лифта не оказалось на месте, она то ли внизу, то ли вверху, а под нами – бездна.

Женя держалась буквально на волоске, за тонкий Викин ремешок, Вика впиалась в мою руку. Я остро ощущала, как медленно и с дикой болью отрывались мои ногти, цепляющиеся за внутренний рифленый обод лифтового проема, подушечки пальцев неумолимо скользили, одновременно из второй руки также неотвратимо медленно выскальзывала рука Вики...

Мы встретились с девочками переполненными ужасом взглядами, все трое понимая, что...

Треск лопнувшей шлевки на Викиных штанах прозвучал выстрелом, ремень дернулся, Женя вскрикнула, но ее успела перехватить в последний момент Вика. Наш щуплый, слабый, самый стойкий борец. Но два роковых рывка сделали свое дело – мои ногти не выдержали, а каблук затрещал.

– Отпусти, ведь вместе погибнем... – прохрипела Женя непонятно кому, мне или Вике.

Мы с Викой затравлено, отказываясь принять, выдавили:

– Не-ет...

– Помогите-е-е!.. – заорала я, надеясь, что хоть кто-то услышит.

Но пути судьбы неисповедимы. И ни одна магия удачи не поможет! Мои вечно влажные от любого волнения руки, немало весившие подруги, хлипкие точки опоры... Я каждой клеточкой души и тела прочувствовала, как Викины пальцы скользнули по моим – между нами возникла зловещая пустота и вот мои любимые родные девочки в полном молчании обе исчезают в шахте. Время замедлилось, растягивая мою агонию, на самую подкорку запечатлевая падающих подруг и их распахнутые в ужасе глаза и рты в немом крике.

Моя рука ослабла, потеряла последнюю точку опоры, я начала заваливаться в бездну следом за девочками. Буквально доля секунды отделила меня от протянутой спасительной руки секретаря Анхеллы, который пытался схватить меня, но не успел. А я даже крикнуть не могла, как и подруги, падала молча, распахнув глаза от ужаса, ведь за спиной громилы-телохранителя ведуньи появились те самые потусторонние маски-тени. Секунда – и они нырнули следом за мной, устремляясь вниз, с азартом догоняя. От скорости падения шумело в ушах, но я слышала лишь жуткий шепот «той» стороны, нарастающий с каждым мгновением. Уже почти настигший...

– Мы выбираем Свет! – взвизгнула я в панике, глядя на посланников ада и, как обычно, даже в мыслях объединяя себя с Викой и Женей.

Следом резанула вспышка дикой боли, сознание взорвалось тем самым светом, слишком ярким, ослепляющим, режущим настолько, что я просто не выдержала и отключилась.

А ведь мы так сильно хотели жить, побеждать, любить...

Рожденные и погибшие в один день. Всегда вместе. Наверное, так напишут на наших могилах, если кому-то будет до нас дело.

Глава 2

Ощущения медленно возвращались. Сначала я просто осознала, что жива, потому что чувствовала дикую слабость и лютую усталость. Помнится, я себя ощущала так на следующий день после уборки картошки в большом хозяйстве, куда наш детдом ездил. Полезный жизненный опыт, надо сказать. Все, что мы собрали, отправили с нами, пусть было тяжело, зато весело. После и накормили отменным шашлыком, яблочным компотом, свежим хлебом. Еще и кучу подарков разных надарили. Теплые воспоминания сменились мучительным, прямо-таки зверским голодом и жаждой, от которой пересохло во рту.

Стоило вспомнить эту малость, в голове будто что-то вспыхнуло. Словно я попала в отдел телевизоров и их разом все включили на разных каналах и программах. Замелькали сотни картинок, заговорили десятки голосов, зазвучала музыка, кто-то кричал, кто-то пел, кто-то громко ругался, тихо шептал ласковые слова успокоения – сплошной хаос, болезненный, сводящий с ума. Мысли путались, моя реальность смешивалась с вымыслом. Мои воспоминания внезапно сменялись чужими, какой-то маленькой девочки Эмари фин Ришен из семьи потомственных аристократов. Картинки рассказывали-показывали ее жизнь, причем из настолько иной реальности, что сперва я думала, что мелькали кадры исторического сериала. Но его героиня росла и мне уже казалось, что это скорее фэнтези или фантастика. Потому что девочка, единственная наследница барона Гричана фин Ришена, обладала магией, как и ее родители.

Я даже увлеклась, чужими глазами наблюдая за жизнью семейства магов. Благодаря учителям, прислуге, родителям и всем-всем, я познавала новый мир – Хартан...

Огромный мегаматерик, тоже Хартан, окруженный океаном, где, в отличие от Земли, более важны не залежи полезных ископаемых, а источники магии. Учителя Эмари рассказывали, что эти источники делятся, как полюса магнита, на плюс и минус, только в случае с магией – на светлые и темные. Вроде сказка, а законы физики и равновесия сохраняются и здесь. Светлый и темный источник – это не деление на хороший и плохой, а исключительно характеристики

излучаемой энергии, как я для себя поняла. Светлой проще управлять, усваивать, генерировать организму и практически без побочных эффектов для тех, кто рожден с ней или на землях, где сама земля испускает светлый фон излучения. Темная сложнее в управлении, тяжелее усваивается, негативнее влияет на своих носителей и имеет кучу побочных эффектов. Зато ее обладатели гораздо сильнее!

Из-за тонкостей и «толстостей» в восприятии и усвоении организмами светлой и темной энергии на заре времен, когда Хартан только-только созидал разумные виды существ, на землях у светлых и темных источников появились магически и внешне различающиеся расы.

Слушая чужими ушами эти сказки, я испытывала не меньший, чем сама девочка, восторг, любопытство, жадный интерес, а порой – и сожаление, когда дело доходило до распрей между расами и народами. Радовало одно – на Хартане проживали, условно говоря «люди». Только одна часть из них разделялась по магии, темной и светлой, а другая имела еще и вторые ипостаси, и различалась по ним. Никаких там эльфов, фей и прочих «тварей» вроде как еще не обнаружили. С другой стороны, этот мегаматерик досконально не исследован, так что, кто их знает, может, где и живут.

Эмария видела огромную карту Хартана, похожую на лоскутное одеяло, где светлые пятна соседствовали с темными, а внутри эти «лоскуты» делились на множество более мелких, с разными названиями королевств, княжеств или территорий, подконтрольных отдельным видам оборотней и их кланам. Интересно, что на южной части Хартана преобладали светлые источники, на северной – темные.

Эмария живет в королевстве Байрат, которое на севере граничит с темными землями королевства Ирмунд. Между ними уже давно настоящее противостояние светлых и темных. И оба этих непримиримых соперника соседствуют с расположенными на северо-востоке территориями оборотней.

Как в любых добрых сказках, сама героиня и вся семья фин Ришенов светлее некуда и не просто потомственные аристократы, а из древнего целительского рода.

Я бы считала себя сторонним наблюдателем чужой жизни, зрителем, но отчего-то все становилось настолько реальным, осязаемым, что я буквально проживала навязанные чувства.

Насладилась чужим счастливым детством, милым, ясным, солнечным, когда любовь родителей безусловна и безгранична, а забота – безмерна. Да, балуют, но деликатно и неотступно учат жизни, не позволяют отлынивать от учебы и нанимают хороших учителей по различным наукам и магии.

Родовое поместье барона фин Ришена по здешним меркам довольно скромное, но добротное, ухоженное и уютное. И расположено на окраине города Ройзмуна, столицы королевства Байрат, рядом с великолепной дубравой. Помимо любящей семьи, в этом, по уже лично моим представлениям, просторном доме проживают около десятка слуг. В основном пожилые, без капли магии, но служившие еще отцу нынешнего барона и любимые всей его семьей.

К сожалению, большая часть близкой, да и дальней родни семейства фин Ришен уже почила. И это несмотря на то, что люди, наделенные магией, способны без проблем дожить до двухсот лет прекрасно сохраняясь внешне. А все потому, что фин Ришены, как и родня матери Эмари, в буквальном смысле сторали на работе, отдавая себя и свой дар страждущим или погибая на полях сражений. Или по неизвестным девушке причинам уходили в мир иной. Приверженность славным традициям светлых магов не пустые слова для фин Ришенов.

На мой циничный взгляд, именно в силу своей светлой целительской натуры барон Гречан фин Ришен был излишне добрым и мягким мужчиной, впрочем, как и его супруга Ромалия. Чем, увы, пользовались многие. Эта прекрасная, душевная пара родила и вырастила уточненную, красивую и нежную дочь, сердобольную и ласковую, но совершенно не приспособленную к жизни в той суровой реальности, которая их всех вскоре постигла.

Когда барон с супругой возвращались с очередного светского раута, на них напали в темном переулке, ограбили и безжалостно убили. В результате Эмария, этот ранимый юный цветок, осталась сиротой в семнадцать лет. Совершеннолетия она еще не достигла, поэтому Королевским судом был назначен опекун – алчный дальний родственник, троюродный кузен со стороны матери. Он быстро перекрыл подопечной доступ ко всем семейным счетам и назначил своего управляющего вести дела осиротевшего поместья. И вот уже шесть месяцев единственная наследница барона и пожилые, всю

жизнь прослужившие этой благородной семье обитатели поместья, которым даже и податься больше некуда, только если на улицу милостыню просить, вынуждены вести скучный образ жизни.

Наконец я добралась до финальной сцены этой драмы, некоторыми нюансами напоминавшей времена нашего восемнадцатого века. По части привычных технологий: паровых двигателей еще не изобрели; основной транспорт гужевой – лошади, телеги, кареты и тому подобное ретро. При этом наряду с тихоходным транспортом существуют магические порталы и грузоперевозки – плетное, по мнению местных жителей, хоть и дорогостоящее дело. В этом мире понятия не имеют о телефонах, телевизорах и централизованной почтовой связи, вместо них пользуются магическими вестниками, почтовыми артефактами-телепортерами и артефактами, создающими и транслирующими обучающие иллюзии.

Касаемо дамской одежды: аристократки носят красивые наряды, в которых не используют кринолинов и корсетов, но платья длиной до туфель, с рукавом до запястья. Хотя нижнее белье очень тонкое, изысканное и удобное. При этом женщинам разрешено носить брюки, только выглядят они скорее как амазонки для верховой езды с широкими штанинами. Интересная особенность: лишь высородным леям, как тут принято обращаться к леди и лордам, положено вступать в брак невинными, остальным вести скрытную, но активную половую жизнь не слишком возбранялось.

Любопытно, что в королевстве Байрат женщины наследуют титул, как бедняжка Эмария, но до совершеннолетия их опекает и управляет имуществом родственник мужчина. Даже если это, как в нашем случае, сомнительный кузен и третья вода на киселе. К тому же мерзкий козел, каких свет не видывал.

И все же на технологически отсталом Хартане существует много чего, что житель Земли захотел бы и себе: магию и созданные ею блага, помогающие значительно облегчить жизнь любому, магу или нет. Этот мир не знал рака и других тяжелых болезней, ведь магия продляла жизнь, лечила, создавала порталы и творила чудеса, куда ж без них!

Видимо, внезапная гибель родителей, непосильная ответственность за судьбу и пропитание пожилых слуг, безденежье и тонкая душевная организация толкнули Эмарию на самый крайний

шаг. Наверное, я «проживала» финальную сцену страшной трагедии. Девушка сидела у туалетного столика на широком, обитом бархатом стуле и смотрела на себя в зеркало. В нем отражалась светлая, очень девичья комната, обитая серо-розовой, чуть выцветшей тканью. В этом же цвете выдержана изящная мебель, если не ошибаюсь, в стиле барокко. Стулья, похожие на кресла, с выгнутыми спинками, украшенными деревянным кружевом, широкими подлокотниками. Столики и этажерки, секретер на ножках-лапах, с откидывающейся столешницей, множеством ящичков и письменными принадлежностями. Такое все изящное, нарядное, воздушное. Как и семнадцатилетняя хрупкая девушка, смотревшая на меня из зеркала.

Судя по прежним картинкам, роста девушка примерно метр шестьдесят пять. Стройная, я бы сказала, тонкокостная. Домашнее зеленое бархатное платье мягко облегалo ее узкие плечи, широкое декольте открывало тонкие ключицы и нежные полукружья небольшой груди. Изумрудный оттенок платья контрастировал с ее бледной кожей и подчеркивал большие зеленые глаза. Я уже в курсе, что яркого, насыщенного цвета зеленые глаза – признак целительской магии.

Овальное личико девушки осунулось, а под такими удивительно яркими и красивыми глазами залегли глубокие тени и совсем не от густых темных ресниц. Идеально гладкие блестящие волосы темно-шоколадного оттенка спадали на плечи и словно стекали по спине, как в рекламе шампуня. Девушка отвела от лица мешавшую прядь, и я полюбовалась ее белыми холеными руками с тонкими кистями и изящными пальцами. На одном из них красовалось широкое золотое кольцо с крупным изумрудом в оправе в виде замысловатой трехзубой руны или короны – фамильное, родовое кольцо, переданное ей королевской стражей после опознания тел родителей. Именно оно символ наследницы рода и баронского титула.

Кончик аккуратного носика этой юной аристократки чуть-чуть расширялся, лишаясь статуса идеального, но придавал ей капельку задорного «курносого» очарования. Чувственные пухлые губы сжались в скорбную линию. Округлый подбородок дрожал от подступивших слез отчаяния.

Мне стало жутко, ведь я как свои ощущала ее раздирающие душу эмоции: абсолютную, беспросветную безнадегу, черное отчаяние, когда просто не видишь выхода, когда не осталось ни капли сил

бороться. И вот пришел момент, когда это нежное семнадцатилетнее создание, потерявшее веру в хорошее и поддержку родителей, как и их самих, взмолилось к высшим простить ее за малодушие. И забрать душу!

С глухим хлопком выдернутая из темной бутылочки пробка – и обжигающая противная жижа потекла по моему горлу, вымораживая внутренности, сжимая в стальном кулаке дрожавшую от ужаса душу. А я знала, из ее памяти узнала, что это зелье двойного назначения: одновременно убивает человека и глушит магию целителя, чтобы не дать ей вылечить своего носителя, спасти от совершенно дикого, непоправимого и неправильного шага.

Я настолько прониклась жутким видением, что не выдержала и закричала на ту глупую девчонку, пытаюсь остановить:

– Нет, слышишь, нет! Ты что, сдурела? Так нельзя! Ты все сможешь, ведь главное – жизнь! У тебя все-все еще будет: любовь, семья, дети, карьера, в конце концов, приключения и радости. Разве можно от этого отказываться?

Но у меня вырвался лишь сип, злобно проскребший по растрескавшемуся горлу, рвавший обожженные голосовые связки.

– Тише-тише, девонька, не дергайся, все будет хорошо, – вклинился в водоворот чужой страшной сказки мягкий и смутно знакомый голос наверняка пожилой женщины.

Следом ее теплая шершавая ладонь опять же непривычно и привычно ласково погладила меня по лбу и макушке, губ коснулось что-то прохладное и пролилось освежающим, буквально оживляющим бальзамом в мое измученное горло. Мое??

– Мэтр Коллей, неужели моя бедная девочка не выживет? Ведь уже третий день не приходит в себя, слабеет, тает на глазах...

Раздался тяжелый вздох и мужской, искренне сочувствующий, обнадеживающий голос:

– Признаюсь откровенно, еще вчера я был уверен, что сегодня лею Эмарию придется хоронить рядом с родителями. Готов был поклясться, что душа бедняжки ушла за грань, на перерождение, хотя жизнь в ней еще теплилась. Думал, что остаточное проявление ее магии пытается поддержать физическую оболочку. Поэтому с тяжелым сердцем ехал сегодня к вам, готовился проститься с этим светлым и прекрасным ребенком. Но Эмария меня не на шутку удивила. Ее дар

проснулся и, что поразительно, я чувствую, он усилился. Рисса Лишана, будь вы, как и я, целителем, сейчас бы вместе любовались ее аурой, такой цельной и яркой! Дыхание смерти ей явно пошло на пользу, как это ни жутко звучит.

– Но как это возможно? – глухо спросила искренне беспокоившаяся обо мне женщина.

– Девочка из древнего рода магов жизни. Полагаю, это отголосок ее далеких предков. К сожалению, дар фин Ришенов со временем сильно ослабел, но, справедливости ради, стоит отметить, что во многих ранее сильнейших целительских родах полноценных магов жизни почти не осталось. Лишь пару родов в Байрате могут похвастаться сильным даром, но эти самородки все до единого служат королю. Так что могу вас успокоить: больше жизни леи Эмарии ничего не угрожает, – мужчина внезапно замолчал, а потом грустно добавил, – кроме нее самой.

– Мэтр, вы не представляете, насколько мы вам благодарны. Конечно, мы лишь слуги и не имеем...

– Рисса Лишана, поверьте, я разделяю вашу боль и озабоченность судьбой леи Эмарии. Ведь мы с ее отцом друзья детства, вместе закончили академию, даже оба были влюблены в ее маму, прекрасную лею Ромалию, поэтому мой долг – помочь бедной девочке. Ни вы, ни она мне ничего не должны!

– Если бы не вы... – всхлипнула женщина.

На мою руку вновь легла та самая теплая, чуть шершавая ладонь, недавно гладившая меня по голове.

– Полноте-полноте, рисса Лишана, теперь все будет хорошо. Дайте вашей подопечной еще денек отлежаться – и она встанет на ноги. Непременно!

– Ваши бы слова да в уши Высшим, – в голосе женщины слышалась робкая надежда.

– Главное – не выпускайте ее из поля зрения, присматривайте за ней. Во избежание повторения, так сказать, – посоветовал мэтр Коллей.

– Обязательно! Глаз с нее не спустим! – заверила целителя расстроенная женщина.

А я начала погружаться в темноту, как если бы наконец закончилась страшная сказка – выключился телевизор, так и не

переключившись на более веселый канал.

В себя я пришла, как обычно, просто проснулась. Выспалась. Правда теперь меня не мучил, а терзал дикий голод, словно я дня три не ела. Открыв глаза, несколько мгновений таращилась на серо-розовый балдахин над головой, а потом, ощущая, как в неясной тревоге ускоряется ритм моего сердца, приподнявшись на локтях, огляделась...

Сердце уже не бежало, оно рвано скакало, отчего пульс набатом бил по ушам. Я находилась в знакомой комнате с обоями из ткани, с «кружевной» мебелью на изящных ножках в стиле барокко, у стены слева стоял тот самый, из кошмарного сна, туалетный столик с роскошным стулом с подлокотниками, покрытыми золотистой краской. И мой зад прекрасно «помнил», какой он широкий и мягкий. В камине весело трещал огонь, согревая комнату и наполняя ее ароматом древесной смолы. Ну да, в той страшной сказке была зима и, несмотря на печное отопление, в комнатах предпочитали зажигать камины и вечерами наслаждаться их теплом и уютом.

Я медленно, с опаской приподняла пуховое одеяло и убедилась, что на мне длинная, теплая, молочного цвета сорочка с рюшами на груди. И изменения, к виду которых я совершенно не готова. Либо я все еще сплю, либо экстренно и сильно похудела. Э, нет, еще, кажется, и подросла немного... Я сильно ущипнула себя за непривычно худенькое бедро и с трудом удержала болезненное шипение. Ощущения совершенно не те, что были во сне, слишком острые, слишком... свои!

Передвинулась к краю кровати и села, свесив ноги. И только в этот момент заметила пожилую женщину, которая, повернув голову набок, спала в кресле у изголовья кровати. Ранее ее от меня заслонял балдахин. В натруженных руках моей преданной сиделки замерли спицы, а клубок с голубыми нитками скатился к ногам в теплых тапочках из валеной шерсти. На спящей женщине было длинное черное вдовье платье и белый фартук. И я знала, почему именно вдовье. Ведь я смотрела на риссу Лишану – нянюшку юной леи Эмарии, а до нее и ее отца, погибшего барона Гричана фин Ришена. Грабители убили не только родителей Эмарии, но и пожилого кучера, рисса Лукаша, ее мужа.

Я немного успокоилась, глядя на эту добрую, замечательную женщину. В моей груди разливалось собственное сочувствие, жалость и смешивалось с привычным теплом и любовью Эмари, будто я с рождения привыкла видеть нянюшку рядом с собой...

Чтобы не разбудить знакомую незнакомку, я осторожно встала и медленно, покачиваясь от слабости или не привычной геометрии тела и иного центра тяжести. Пока шла в ванную, старательно контролировала собственные ноги, ставшие длинными и худыми.

В голове царил хаос, апатия, мысли словно ватой забиты. Но мне было необходимо, жизненно важно убедиться, что у меня с головой не все в порядке. Потому что в противном случае...

Я не ошиблась и дверь напротив кровати вела в ванную, где мне тоже все было знакомо: и зеркало; и большая раковина с бронзовыми кранами, где можно смешивать воду; и бронзовая купель на львиных лапах; и мраморный пол; и керамическая плитка на стенах с растительным зеленым орнаментом; и даже допотопный унитаз из серого камня, ведь какая-никакая канализация в поместье есть.

В некотором ступоре я использовала унитаз по назначению. Слушая как в нем журчит, прислушивалась и к своим ощущениям. Да-да, к своим, и эта мысль начала пугать до ледяного комка внутри, который рос с каждой секундой, пока я вставала, одергивая рубашку и дергала за веревочку.

Зажмурившись, я переждала рой темных мушек перед глазами, затем решила заглянуть в зеркало. Несколько мгновений заторможенно следила, как расширяются глаза у моего-не моего отражения, пока картина целиком не предстала во всей своей невероятной правде.

Это не сон! Не чужая сказка, а моя личная.

Из зеркала на меня смотрела та самая худенькая зеленоглазая шатенка с волосами до талии. Только сейчас они не струились блестящим гладким водопадом, а всклокоченные, спутанные, напоминали воронье гнездо. И бледное лицо – не безупречной аристократки в энном поколении, а каким-то чудом выжившего призрака, с синяками под глазами и впалыми щеками. В гроб краше кладут...

Я медленно подняла руку и, чуть наклонившись над раковиной, коснулась зеркала, отражение повторило мое движение. А кончики

пальцев ощутили прохладную поверхность. Опустив руку, я осмотрела ее, затем и все тело, убеждаясь, что оно не мое. Не родимый рыжий пухляш метр с кепкой ростом по прозвищу Томат, а высохшая из-за болезни и страданий, костлявая вобла. То есть, меня каким-то чудовищным, а не сказочным образом закинуло в чужое тело. А судя по страшилкам, что я до этого принудительно смотрела в «исторической драме», хозяйка тела пыталась самоубиться, но в мир иной отправилась лишь ее душа. Я с минуту прислушивалась к «себе», пытаюсь найти отголоски кого-то еще, орала мысленно, звала Эмарию, но в ответ – тишина.

Пришлось снова пощипать себя, постучать костяшками пальцев по раковине, даже по лбу. Ну, а вдруг там кто-то откликнется. Но больно было лишь мне, новой мне!

– Я живая, – наконец призналась себе сиплым шепотом.

Только не от страха, я-то «помнила», с чего мой голос скрежетал. Но стоило принять одну истину, в голову внезапно вторглась другая: я живая, а Вика с Женькой – нет. Их больше нет!

Голову вновь, уже кажется привычно, взорвало от воспоминаний, своих и ее, той бедной девочки Эмарии, тело которой я заняла непостижимым образом. Они трое безвозвратно ушли за грань, а я осталась одна. Брошенная. Одинокая. Живая!

В грудь будто нож вонзили, такая боль разлилась, а из глотки сам по себе вырвался тоскливый вой. Женечка... Викусик... девчонки, мои любимые и родные девчонки...

– Лея... Лея Эмария... – в дверь посыпались удары, похоже, рисса Лишана пыталась прорваться ко мне. – Родная моя, открой, слышишь, открой мне.

В ее голосе слышался неподдельный ужас, страх за подопечную. А я осознала, что вою, как волчица, потерявшая всю стаю и выводок, с отчаянной и горестной тоской, выплескивая свою боль потери и одиночество.

Как же так, ведь Анхелла сказала, обещала, что мы с девочками даже за гранью будем вместе, помогать и защищать? Мы отныне родные, семья! А теперь я в ином мире, в чужом теле, живая и без них...

– Эмария, открой, открой, моя девочка! – все громче голосила нянька, к ней уже присоединились и мужские голоса: – Откройте,

откройте...

Я же пыталась удержаться на ногах, вцепившись в край раковины, и тарасилась в отражение. Только на меня смотрели не родные карие глаза, в разные стороны топорщились не рыжие волосы, не было груди третьего размера и крутых бедер. На меня глядели глаза чужого человека, хотя и в них больше не было той ранее привычной застенчивой кротости, они смотрели не ласково, а с отчаянием загнанного в ловушку зверя. А еще, в них зажглись невиданные ранее золотистые искорки, которых у прежней Эмарии не было!

Дверь вынесли вместе с защелкой, на пороге замерли испуганные слуги и каждый был мне знаком по воспоминаниям девушки. Только сейчас я в ужасе осознала, приняла, что видела в беспомысленности не кино в жанре исторической драмы, а перенимала чужие воспоминания. Роднилась с чужим телом и его памятью.

– Хозяйка, как же так-то... – удрученно вздохнул росс Парин – дворецкий, сухой невысокий мужчина лет семидесяти, который по крепости духа еще на ваших похоронах ненароком простудиться может.

В унисон с ним росс Лишана, няня девушки, взволнованно причитала, оглядывая ванную:

– Что-то случилось? Детка, ты кричала?..

Титаническим трудом я заставила себя выпустить край раковины из мертвенного захвата пальцев. И поглубже задвинув панику, отчаяние и страх перед невысказанной, нереальной и чудовищной подменой реальности, выпрямилась со словами:

– Прощалась с прошлым.

Мой голос был даже не сиплым, скрипучим, словно вдрызг простуженным.

– Лея Эмария, голубушка, не надо больше вредить себе. Это неправильно и...

– Полностью согласна, – оборвала я няню, а потом, поморщившись, хрипло «призналась», изображая досаду и стыд: – Это была кошмарная случайность. Накануне я вспомнила родителей... плакала... много и, видимо, в слезах нечаянно ошиблась. Так голова разболелась, что решила принять обезболивающее. Но перепутала бутылочки с зельями... а после, даже на помощь позвать не смогла. Голос пропал...

– Это правда? – с робкой надеждой выдохнула няня, глядя на меня такими теплыми, добрыми и родными, по воспоминаниям, карими глазами.

Вот как врать, глядя в глаза хорошему человеку, желающему тебе только добра? Но из лучших побуждений пришлось:

– Да!

И все, из меня словно все силы разом ушли, колени задрожали, меня затошнило, поэтому я прикрыла глаза и вновь вцепилась в раковину. Но не сползла на пол, постояла, переждав неприятные мгновения, и отметила, что следившие за мной слуги почему-то расстроено хмурились. Не поверили? Я бы тоже себе не поверила. Эмарию фин Ришен слишком хорошо готовили в целители, родители не пускали обучение на самотек, а тщательно следили. Перепутать яд с лекарством от головной боли, бред? Тем более как целитель легко бы сама могла справиться.

– Я такая голодная, что ноги не держат. – Расстроено пожаловалась я.

– Лея, вы правда хотите кушать? – с надеждой неуверенно переспросила рисса Лишана.

– Очень, – осторожно кивнула я, борясь с тошнотой.

Чем явно порадовала этих людей, искренне любивших юную хозяйку и нежно заботившихся о ней.

– Хвала Высшим! – глухо, с облегчением выдохнул рисс Парин, развернувшись и подталкивая на выход из ванной остальных.

Испуг медленно таял на лицах этих чужих-своих людей, а я осознала еще кое-что очень важное: случившееся до печенок напугало не только меня. В поместье Ришен, названному по имени хозяев, жили и служили десять человек, разновозрастных и разнополых, супругов и одиноких. Большею частью слишком старых, чтобы менять место. Эти десять слуг прожили бок о бок с семейством Ришен всю свою жизнь. Они потеряли не меньше Эмари. И осиротели. Тот, кто не имел семьи и дома, для кого самыми родными были две подруги и директор детского дома с воспитателями, как никто поймет боль и отчаяние именно этих людей.

Теперь я на месте Эмари фин Ришен. И в отличие от нее, не имею морального права, не смогу бросить тех, чья жизнь теперь зависит от меня.

Не зря у нас с подругами был девиз: «Своих в беде не бросаем!» Глаза защипало от сразу подступивших слез, грудь сдавило от боли и тоски. Пришлось пару раз глубоко вдохнуть-выдохнуть и вновь посмотреть в зеркало – убедиться, что сон не сон. Я закусила губу, потерла лицо свободной ладонью... Все реальность. Не вымысел большого сознания. Живая... больная... одна!

Но как же это случилось? Каким образом? Момент смерти – как в тумане, все остальное – в крошечной темноте без единого проблеска воспоминаний. Выжить, упав в шахту лифта с тридцатого этажа, нереально, мы трое погибли фактически одновременно, с разницей в секунды. Ритуал Анхеллы оказался не дурацким розыгрышем и шуткой, ведь она действительно открыла незримые двери в непостижимые для меня миры. Я своими глазами, лично видела тех до ужаса пугавших потусторонних существ, что до последнего гнались за нами.

Выходит, и слова ведуньи могут быть правдой: мы с девочками навечно связаны и не потеряемся даже за гранью. И если я приму этот вывод за аксиому, значит, ритуал, проведенный для нас перед смертью – правда!

Второй вывод: тогда правда и то, что ведунья добавила нам магии, причем, мне в двойном размере, вон даже местный целитель заметил, что у Эмари дар усилился. Женька просила любви побольше, а Вика хотела удачи с довеском.

Ну, раз мне повезло, значит и им тоже. Дышать сразу стало легче, будто с груди бетонную плиту сняли. Я приняла свою новую жизнь, я верю, что мы все трое живы! Ведь пока веришь, сказка становится былью. Мне ли не знать, стоя чужими ногами на холодном полу и испытывая дикий голод.

– Лея, вы хорошо себя чувствуете? – глухо, но очень осторожно спросила рисса Лишана.

– Плохо, нянюшка, но значительно лучше, чем недавно, – я старалась говорить привычным ей ласковым и кротким тоном Эмари и улыбаться похоже на нее. – Главное, жива осталась. Впредь буду очень-очень внимательной, этот урок я на всю жизнь запомнила.

– Лапушка ты моя, бедняжка, наверное, натерпелась страху-то, – с облегчением суежилась няня, обнимая меня за талию и помогая идти к дверям.

– Мне бы вымыться сначала, – прошептала я, ощущая как жар смущения заливает лицо.

Мы встретились взглядами, она почему-то с еще большим облегчением хихикнула и сказала остальной прислуге закрыть дверь. И мне впервые в жизни лично, а не наблюдателем в «кино», пришлось смиренно терпеть все «прелести» ухода за аристократическим телом от заботливой прислуги. Жесть!

Зато вскоре я, вымытая, накормленная и расчесанная до блеска, лежала в теплой кровати и слушала уютный треск пламени в камине.

Сон был без сновидений.

Глава 3

Мне потребовалось три дня, чтобы восстановиться физически. Не без помощи целителя – импозантного мэтра Коллея, прибывшего на следующий день к «бедняжке», чтобы проверить ее состояние. Как и в памяти Эмари, он оказался довольно высоким и крепким мужчиной на вид тридцати лет. Хотя внешность в данном случае весьма обманчива – возраст мага точно не определить, ведь благодаря магии ее носители могут долго сохранять свежесть и молодость. Но я знала, что мэтр Коллей – одноклассник «моего» отца, а значит ему примерно пятьдесят лет.

Целитель поводит над моим телом светившимися руками, отчего я замерла испуганно-восхищенно, порадовал няню, что с ее подопечной все в порядке. А лично мне попенял за невнимательность в обращении с ядовитыми зельями. Мою версию случившегося принял, конечно, но не поверил, по глазам видела. И уехал, мне показалось, с облегчением, что я теперь не его забота.

Так что физически я выздоровела, а вот ментально... Сложно полностью осознать и окончательно принять это весьма специфическое и сказочное переселение души. Слоняясь по дому, сидя в «своей» комнате, даже разочек побывав в саду, я ощущала себя призраком с того света, который нечаянно забрел в мир живых.

К тому же за мной следили, неумело, но преданно. Хотя у меня повышенное внимание домашних вызывало благодарную улыбку, ведь это тоже забота о человеке, пережившем трагедию, слабой юной сироте, которая просто не справилась. Такое, к сожалению, случается. Ведь и я потеряла двух самых-самых родных и близких. Жить с этой потерей еще предстоит научиться.

И хоть я поняла, что двигало Эмарией, как человек, попавший в схожую ситуацию, владела ее памятью, переживала ее чувства, но принять ее выбор, ее выход из душевных страданий не смогла. Жизнь дается богом и только ему ее забирать.

Этим утром я никак не могла найти риссу Лишану, она словно пряталась от меня. В итоге я решилась зайти к ней в комнату на первом этаже в крыле для прислуги. Подняла руку постучать в дверь и

услышала всхлипы. Не раздумывая, зашла. Увидев, что моя пожилая нянюшка содрогается всем телом, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки, я разволновалась:

– Рисса Лишана, что с вами? Вам плохо? Вы заболели?

Свою магию я ощущала лишь периодически, какими-то горячими волнами-приливами, но пока даже подступиться к ней опасалась. Я сама выбрала профессию врача, теперь еще и тело получила с соответствующим даром. Поэтому, увидев, что женщине плохо, на инстинктах и рефлексах собственного сознания и памяти прошлой хозяйки, положила руки на плечи сжавшейся от горя Лишане и невольно начала «сканировать».

Только спустя несколько секунд поняла, что сделала и, отчаянно волнуясь, уже осознанно взяла этот процесс под контроль. Даже увлеклась изучением того, что возникло перед внутренним взором. Я оказалась прямо как фантастический всевидящий сканер, а не допотопный рентген. Эх, вот бы на Землю такие умения всем врачам, какая жизнь бы началась...

Болячек у риссы Лишаны нашлось много, но ничего критического или серьезного, все по возрасту, увы. Используя память Эмари, я слегка подлатала ее тело, особенно поддержала изношенные сердце и суставы. Удивительно, но мне самой неожиданно полегчало, словно выпустила пар, как из кипящего чайника. Так, значит необходимо магичить, иначе простой и безделье на моем здоровье сказаться могут.

Довольная собой, я с облегчением, с улыбкой села на второй стул. И вот тут рисса Лишана подняла заплаканное, осунувшееся лицо и, страдая, задала самый неожиданный вопрос:

– Эмария... она же умерла? Ты ведь не моя девочка...

Мы замерли, глядя глаза в глаза. Я этого очень боялась, любящие и родные подмену всегда изобличат. И не важно, насколько хорошо ты владеешь знаниями о чужой жизни. Жесты, мимика, даже взгляд откроют истину тем, кто знает тебя с пеленок.

– Мне очень жаль, рисса Лишана, – хрипло шепнула я, кивнув.

Она тоже закивала, без криков и истерики, просто подтвердила свои самые страшные подозрения.

– Вы же понимаете, что вам никто не поверит? – осторожно уточнила я.

Она с горечью мотнула головой, передернула плечами и стиснула руки на столе в замок. Потом хрипло ответила, моргая от скапливающихся в глазах слез:

– Да теперь уже какая разница, мою девочку все равно не вернуть. Ни Эмарию, ни лея Гречана, ни моего Лукаша... Они все ушли за грань, а меня оставили одну... доживать свой век.

– Вы не одна, – попробовала я ее приободрить. – Рисс Парин, Ртышек, Глеарик, как же они без вас? Да и я тоже...

Рисса Лишана высморкалась в белый платочек, вытерла изрезанное морщинками, когда-то красивое лицо, пожала плечами и вздохнула:

– Справились бы и без меня.

– А как вы поняли? – тихо спросила я о самом важном, полагая, что она поймет о чем.

Рисса Лишана, опустив глаза, теребила влажный, смятый платок. Не решившись посмотреть на меня, призналась:

– Взгляд... Он у вас совершенно другой, более взрослый, подозрительный, как у затравленного зверя, который на все способен.

– О-о-о... – с досадой выдохнула я.

Мои девочки говорили, что я всегда смотрела исподлобья, как бы сквозь ресницы, пряталась за ними от всех и всего, ждала очередной подставы от мира. Скрывала вечно терзавший меня страх.

– За столом вам вроде все знакомо, но... нет привычной ловкости и изящества. Как держать столовые приборы. Как резать мясо или разделывать рыбу... Вы вздрагиваете каждый раз, когда прислуга меняет блюда, наливает чай...

– Вы правы, у меня была иная жизнь, – согласилась я, печально кивая.

– Я мыла тебя... Эмарию с рождения, она привыкла к моим рукам, как к своим, для вас же я совершенно посторонний человек. Вам настолько неловко сидеть обнаженной при мне, что вы не знаете куда деть глаза, невольно закрываетесь ладонями. Да и руки... я несколько раз ловила вас за изучением собственных рук, будто они для вас чужие, незнакомые и непривычные. Пришлось признать, что Эмария все же добилась желаемого, ушла к родителям, – женщина говорила на одном дыхании, будто боялась, что, если за раз не успеет,

просто не сможет. Горло сожмет от кошмарных предположений и догадок.

– Поверьте, вы не представляете, как я сожалею о вашей потере, – хрипло призналась я. – Ее память при мне, я знаю, как ей было страшно, как непосильно одиноко, что она не захотела здесь оставаться... проще оказалось уйти.

– Скажите, вы посланница Смерти? – наконец моя собеседница решилась на откровенный разговор.

В ее глазах было столько самых противоречивых чувств: страха перед чем-то запредельным, сожаления, любопытства и боли утраты.

Впрочем, я испытывала те же чувства, мне было жизненно важно кому-то рассказать о случившемся со мной, о моих девочках, об их потере, хотелось выплеснуть свою боль хоть одной живой душе. Поэтому сама не заметила, как внутреннюю плотину прорвало, тихонечко, почти шепотом, но буквально захлебываясь эмоциями, рассказала о себе все. Под конец мы сидели, прижавшись друг к другу, плечом к плечу, держась за руки, и оплакивали утраты. Опустошались до самого доньшка, больно, зато обрели спокойствие. И какое-то единство.

– У вас похожие имена, Эмария и Мария, – с печальной улыбкой заметила рисса Лишана, ее голова покачивалась верх-вниз, верх-вниз, будто кивала своим мыслям.

– Дома меня все звали просто Машей, – шмыгнув носом и вытерев глаза, поведала я.

И сразу ощутила, как от рук по лицу пробежалось приятное тепло. Ага, похоже, магия стирает последствия истерики.

Няня бывшей хозяйки тела светло улыбнулась:

– Лея Ромалия Эмарию называла ласково – Рия. Но Маша тоже по-доброму звучит, мило, душевно.

– Если хотите, если вам так будет легче, можете называть меня Машей. А другим скажем, что меня иногда родители коротко звали и теперь я хочу, чтобы так обращались. Хотя бы дома...

Рисса Лишана несколько мгновений растерянно смотрела мне в глаза, кивая. Явно неврология на фоне стресса. Затем опять мягко улыбнулась:

– Да, так мне будет действительно легче, благодарю вас, лея Маша.

– Если честно, мне тоже, – обрадовалась я.

– Тяжело тебе придется, девочка, без поддержки-то, – неожиданно с горечью заметила она. – Рисс Мурдяк – редкостный мерзавец, а он опекун... Эмари.

Будучи знакома с его мерзкой натурой по воспоминаниям несчастной девушки, которую он толкнул к черному пузырьку с отравой, я решила и сама не унывать, и пожилую женщину успокоить:

– Вместе мы непременно справимся!

Наши посиделки с няней прервал короткий стук в дверь. Затем в приоткрывшийся дверной проем просунулась рыжая вихрастая голова племянника дворецкого. Найдя меня взглядом, Глерик доложил, что к лее Эмари приехал опекун и хочет ее видеть. Ожидает в гостиной.

– Доложи ему, что сейчас буду, – кивнула я этому крупному безобидному тридцатилетнему детине с разумом подростка.

Я встала, мягко пожала плечо няни, а она неожиданно всполошилась, едва слышно зашептав мне:

– Будь кроткой и тихой, чтобы рисс Мурдяк не сказал и не сделал, сейчас только от него зависит твоя судьба! И старайся не смотреть ему прямо в глаза.

– Я настолько отличаюсь от прежней, что даже он способен заметить? – напряглась я.

– Да, ты взглядом бросаешь вызов, еще и этих золотистых искорок в глазах раньше не было, значит ты еще сильнее привлечешь к себе его внимание. Не надо этого делать, – торопливым шепотом советовала Лишана. – Он страшный, очень страшный человек. Будь предельно осторожной... лея Маша.

Она была такая теплая, родная и, несмотря на мое разоблачение, заботливой, что я поддалась порыву и крепко ее обняла, шепнув:

– Сделаю все возможное, нянюшка!

За дверью я на минутку остановилась, успокаивая дыхание и старательно собирая уверенность и спокойствие. Золотые искорки в глазах... Да, у Эмари их не было. А у меня проявлялись, только когда сильно волновалась, причем, я это лишь вчера отметила. Выходит, и няня тоже, а может и другие. Действительно, надо быть осторожнее: мало ли о чем эти искры говорят? Вдруг признают во мне подменную душу? Хотя в истории Хартана о подобных случаях не упоминали, вроде бы.

У окна в гостиной меня ждал высокий, худощавый, немного сутулый мужчина. Я остановилась в дверях рассмотреть его и столкнулась с очередным проявлением моей магии. Видимо из-за того, что я наконец потянулась к ней, начала использовать, когда лечила няню, мы с ней сроднились что ли. Я острее чувствовала окружающий мир и людей, их энергетику. Поэтому сразу же ощутила, что в моем троюродном кузене со стороны матери риссе Родиге Мурдяке нет ни капельки магии. То есть, он обычный человек, который проживет почти привычный мне, землянке, век. А еще он ведет совершенно нездоровый образ жизни, чем может этот самый век значительно сократить.

Чертов опекун обернулся ко мне с демонстративной, неторопливой и самодовольной уверенностью хозяина жизни. И впился в меня блеклыми голубыми глазами. Я же свои прикрыла веером ресниц и уткнулась взглядом в комод, в метре от него. Как выглядит этот мужчина, сживший со свету светлую душу, я прекрасно запомнила. Темноволосый, лет тридцати, не лез бы в чужую кассу и к Эмарии, был бы ничего, несмотря на фамилию. А так мне не нравилось, нет, не так, было противно в нем абсолютно все: вытянутое лицо, нос с широковатой переносицей и тонкими широкими крыльями, губы, узкие и «злые» с претенциозной ниточкой усов, острый подбородок. По-моему, его мерзкий, вороватый нрав лез ото всюду, проявлялся в каждой черточке, манерах.

Даже оделся, как распоследний хлыщ, в шелковый синий сюртук, прямые штаны из тонкой шерсти, туфли с большими серебряными пряжками. Все пальцы в кольцах, на груди жабо и большая брошь. Это смесь моды двух разных веков, дорого, заметно, но так оденется тот, кто, несмотря на принадлежность к древнему роду, не уверен в себе, не самодостаточен, у кого напрочь отсутствует чувство стиля и меры, даже если есть средства. В общем, дальняя непутная ветвь, десятая вода на киселе.

– Приветствую вас, рисс Мурдяк, – кротко проблеяла я.

– Лея Эмария, мне доложили, что ты чем-то отравилась и провела три дня в беспамятстве. Что произошло? – с места в карьер, без хотя бы формального приветствия заявил этот хам.

Я краем глаза отметила, как придирчиво и внимательно он меня осмотрел, и подобралась. Раз ему доложили о моем состоянии только

сейчас, спустя шесть дней, значит доносчик живет не в моем доме, а каким-то боком узнал, что у нас случилось. Это хорошо. Но Мурдяк забыл об этикете и элементарной вежливости и тыкает – это очень плохо. Ведь он рисс, хоть и состоятельный, а я лея – аристократка и наследница титула, по достижении совершеннолетия стану полноправной баронессой. Значит, несоизмеримо выше его по статусу, даже будучи бедной как церковная мышь.

– Я плохо себя чувствовала, магия шалила, пришлось принять зелье от головной боли. Но, видимо, перепутала и мне стало еще хуже. Хвала Высшим, оправилась! – я говорила медленно, подбирая слова, привычные этому миру, самой Эмари.

– Ты целительница, неужели не могла себе сразу помочь? – визитер разозлился не на шутку.

– Смогла, но на это потребовалось время, – тихо ответила я, усилием воли удерживая показное спокойствие.

Опекун приблизился ко мне почти вплотную и снова подверг мою выдержку проверке. Потому что вынудил поднять лицо и смотреть на него, придерживая мой подбородок. Совсем обнаглел. Но смотреть сквозь ресницы я научилась давно, поэтому вряд ли он увидит «звездную» расцветку моих глаз, если она проявится от волнения.

– Через три недели тебе исполнится восемнадцать. Я решил, что этот день прекрасно подойдет для брачного обряда.

Неужели я что-то пропустила в воспоминаниях Эмари про брак? Родители точно даже не заходили об этом речи, ведь живут маги до двухсот, куда торопиться?! Я растерялась, но тут в голову пришла логичная мысль:

– Вы собираетесь вступить в брак, рисс? С кем?

– С тобой. Я решил, что в этот день ты станешь моей женой, Эмария, – процедил Мурдяк.

На миг я зажмурилась, даже руки в кулаки сцепила, стояла перед ним натянутой струной, старательно заталкивая куда подальше свое возмущение и жгучее желание дать в морду. Уговаривала, напоминала себе, что не на Земле, не в детдоме! Не самостоятельная студентка двадцати одного года под защитой двух подруг, которые всегда придут на помощь советом и кулаком врагу в глаз. Здесь я кроткий безответный цветочек Эмария, не способная противиться опекунской воле. Пусть такой и считает. Пока.

Сил хватило коротко и как-то судорожно кивнуть и, втянув голову в плечи, отстраниться от чужих потных пальцев. Отступит на шагочек, чтобы вдохнуть глоточек воздуха подальше от слишком приторного запаха мужских духов.

Довольно хмыкнув, Мурдяк бросил на стол кошель, ну очень-очень скромненько звякнувший тощенький мешочек, наверное, парой монет.

– Я дал указание управляющему, на этой неделе тебе предоставят коляску с кучером, съездишь к портнихе в Ройзмун, купишь подвенечное платье.

– А обряд и...

– Он пройдет третьего января ровно в полдень. Коляску тебе снова предоставят к этому времени.

– Я вас услышала, рисс Мурдяк, – выбрала наиболее обтекаемый ответ.

– Только приведи себя в порядок, а то сейчас ты похожа на привидение. Бледная и замученная. Моя невеста не должна выглядеть так, словно ее силком в храм привели. Ты меня услышала? – раздраженно скривился жених.

– К сожалению, с этим могут возникнуть проблемы, – решила поторговаться я печальным голоском, самой себе противным. – У нас очень скудный стол, рисс, приходится экономить...

– Может, мне уволить часть твоей прислуги? Эту никчемную толпу престарелых нахлебников, раз тебе на нормальную еду не хватает? – взбесился опекун.

Я промолчала, только, не глядя на него, приподняла подбородок, всем видом показывая, что против этого предложения. Категорически! Так мы и стояли в тягостном молчании: он – взглядом прожигал меня, а я – старательно отводила свой, но упорно ждала ответа.

Рядом с сиротливо приютившимся на краю стола тощим кошельком злобно звякнуло несколько серебряных монет.

Ура, я выиграла, пусть и совсем крохотную битву. Я не гордая, я ответственная. Молча и деловито собрала деньги со стола и сложила в худосочный кошелек к действительно двум золотым, печально там томившимся. Затем кротко спросила:

– Благодарю вас, рисс, я могу я быть свободной?

У меня скулы сводило от напряжения. Ну хотя бы покладистость будущей жены успокоила этого подлого гада; видимо, оттого он не стал ни меня задерживать, ни себя. Кивнул и отослал меня коротким жестом холеной руки с некрасивыми узловатыми пальцами. Я еще раз кивнула на прощание и покинула комнату. Правда недалеко, спряталась за лестницу и проводила взглядом удалившегося «жениха». Стоило ему выйти из дома, я ринулась к ближайшему окну, чтобы убедиться: укатил!

Уехал на черной карете с гербом барона Ришена на дверях и запряженной двойкой породистых коней. Вот только этот экипаж моей семье не принадлежал! Как интересно. Выходит, муд... Мурдяк абсолютно уверен, что Эмария фин Ришен станет его женой и титул барона уже у него в кармане. Любым способом!

Когда задок подпрыгивавшей на ухабах кареты скрылся за затейливыми коваными воротами в глубине дубовой аллеи, мои кулаки сжались сами собой. Покорной овцой идти под венец? Ни за что. Но бросить поместье и пожилых людей, которые служили здесь всю свою жизнь, для которых оно родной и единственный дом, нельзя. Необходимо найти законный способ избавиться от опекуна и навязываемого брака. И взять бразды правления своей жизнью в собственные руки.

От Эмарии я многое узнала, но девушка-нежный-цветок была совершенно далека от юридических аспектов жизни королевства. А вот мне необходимо как можно быстрее познакомиться с ними и подружиться. Вопрос: где можно добыть в этом доме полезные книги и информацию? Покопавшись в памяти Эмарии, я направилась в кабинет ее почившего отца. Заодно попросила мне помочь испуганную и заметно нервничавшую риссу Лишану. Вдвоем веселее.

И правильно сделала! После разговора с няней с моих плеч словно огромный груз упал. Появилась ясность, большая уверенность, в душе, наконец, все улеглось. Я будто наполнилась жизнью, не когда очнулась, а именно сейчас, когда выплеснула все плохое. Когда рисса Лишана назвала меня Машей, а не Эмарией, словно выдернула меня из мира призраков, вдохнула жизнь. И теперь с каждой минутой я ощущала прежнюю жажду жизни, любви и победы.

Кабинет хозяина поместья, его святая святых, был защищен родовой магией. Очень даже правильное решение, дальновидное,

благодаря которому мерзавец Мурдяк и приставленный им к поместью пройдоха управляющий не смогли в него попасть. А Эмарию даже не попросили помочь почему-то, хотя ясно почему: что-то скрывают от нее... меня, жулики! Сама наследница ни разу не заходила в отцовский кабинет, ей было слишком больно находиться там, где все напоминало о родителях.

Коснувшись ладонью заветной двери, я вошла без проблем, только с трепетом пещерного человека, вновь ощутив отголосок магии. Надо срочно с ней знакомиться как можно теснее!

Няня оказалась бесполезной при обыске кабинета: круглыми от изумления глазами, с опаской понаблюдала за моими бесцеремонными действиями и хрипло призналась, что не знает, чем помочь. О том, что опекун задумал жениться на подопечной она заподозрила давно, но как его остановить, представления не имела. Ведь пока он опекун, назначенный короной, – всемогущ. Поэтому я ее отпустила и закопалась в найденных документах с головой.

Три дня я изучала каждый лист бумаги в кабинете отца. Простучала все стены и полы и не зря – обнаружила небольшой тайник! Помимо завещания, где я указана единственной наследницей баронства, там лежало несколько футляров с драгоценностями, родовыми, давным-давно принадлежащими семье барона. Это я поняла по плохо обработанным, но крупным камням, зато в изумительном, филигранном, серебряном и золотом оформлении. Одно ожерелье – словно кружевная сеточка. Аж дух захватывало! Подобные сокровища не продают за еду, их передают только по наследству, как память рода, как честь и гордость семьи.

Ничего доставать из тайника, кроме завещания, не стала. Сокровища лучше хранить только в тщательно спрятанном тайнике. А вот завещание изучила до последней буковки. Помимо него, еще и документы, из которых узнала, что именно мне досталось в наследство. Фин Ришены – давно обедневший дворянский род, ему принадлежит весьма и весьма скромный уезд с лесными угодьями и тремя деревнями, где жители – арендаторы. Так вот, выплачиваемая ежегодно аренда и являлась источником дохода барона и его семьи. Раньше его хватало, чтобы жить вполне комфортно, не испытывая серьезных финансовых трудностей. Без шика, конечно, но без надрыва

оплачивая прислугу, учителей наследницы, насущные потребности и налоги королю.

Наши земельные угодья плодородные, лес тоже кормит жителей, по уезду протекает река, по которой ходят мелкие торговые суда, рыбачат, за что тоже платится баронский налог. Но все эти деньги вдруг резко испарились, стоило за дело взяться Мурдяку с управляющим.

– Лея Маша, надо покушать, иначе совсем исхудаете, – отвлекла меня от новой находки рисса Лишана, ставя на стол в кабинете вкусно пахнущий поднос.

– Да-да, благодарю, нянюшка! – я нашла в себе силы беззаботно улыбнуться ей.

В глазах этой милейшей пожилой женщины таилась боль утраты, но она смирилась. И теперь от всей своей огромной души заботилась обо мне. Чтобы не расстраивать ее, я быстро поела и продолжила изучать кабинет.

Неожиданно я обнаружила еще один тайник – скрытый выдвижной ящик в столе. В нем оказалось несколько толстых тетрадей, исписанных мелким каллиграфическим почерком барона. Вчитавшись, поняла, что это мемуары, воспоминания, философские мысли, в общем, то что проще доверить бумаге, чем кому-то рассказать. Даже зачиталась и была вознаграждена за любопытство – почерпнула из записей барона очень и очень важную информацию. Ту, что спасет мне жизнь!

Мэтр Коллей, бывший однокурсник и хороший друг барона фин Ришена, не соврал. Магии у Эмариин фин Ришен после похода за грань добавилось изрядно. А может это ритуал Анхеллы сработал, и моя душа добавила свои «пять золотых» в общую копилку, ведь я магию просила у ведуньи – чего было мелочиться? – в двойном размере!

Семья фин Ришенов происходила из древнего рода магов жизни. Из категории магов с колоссальным резервом сил и способных на многое, пока в пациенте теплится хотя бы искра жизни. И золотые искорки в зеленой радужке – самый главный указатель на эту категорию магов. Мне бы порадоваться и корону закрепить – почти мегамагом стала. Но! Маг жизни не может ни убить, ни навредить, иначе получит магический откат, да такой, что сам сдохнуть захочет, только целительский дар не позволит. Не зря же Эмария пила ту

жуткую дрянь, чтобы заглушить свой дар, чуть не выжгла глотку до костей.

Оказывается, на силу любого светлого мага влияют эмоции: положительные – усиливают, негативные – ослабляют. Один из интересных нюансов этого влияния – все светлые маги в той или иной степени «страдают» честностью. По-разному, потому что откат зависит от степени негативных эмоций, испытываемых светлым магом, кто-то более совестливый, кто-то – менее. Оттого маги старательно избегают всего, что способно сдвинуть качели внутренней гармонии в сторону негатива.

Но целители – отдельная каста магов, не уникальная, просто с большей ответственностью. При поступлении в магическую академию они дают клятву, усиливая свою откровенность. На прямой вопрос целитель, причём любой категории, врать не станет, иначе заработает такой откат, что мало не покажется, если верить личному опыту моего биологического батюшки. Отсюда глобальный вопрос: как жить в мире, где тебе придется быть честным со всеми, а тебе могут врать прямо в глаза? То еще приключение! Придется научиться уходить от ответов, юлить и умалчивать, отвечать вопросом на вопрос, как моя любимая Шапокляк делала. Среди светлых магов это, оказывается, общепринятый и очень важный навык, которому с детства учатся. Только Эмарию этим умением обошли, увы.

Еще один неприятный для магов момент. Все, без исключения, люди заключают браки в храмах Всех Богов и разводы здесь, мягко говоря, не приветствуются, хоть и возможны. У обычных, не одаренных магией! Но ритуал в храме проводится жрецами с использованием магии, отсюда и неразрывная связь в том случае, если в брак вступают маги. Фактически это уже двойная связь, юридическая и магическая. В двойной «связке» не сбежишь!

И вот здесь кроется даже не подвох, а смертельная засада. Из мемуаров отца Эмарины следовало, что маг жизни влюбляется один раз и на всю жизнь. Его любовь такая же сильная и безраздельная, как и дар. А если мага жизни свяжут нежеланными отношениями, особенно браком с нелюбимым, – погубят. Дар не примет подделку, не вынесет страданий носителя, сначала будет жечь душу, а потом уйдет, иссякнет. Только потеря магии для мага жизни вовсе не означает жизнь обычного человека, не проживет он привычный человеческий век, не

дождется старости, ведь тело практически пронизывают энергетические каналы, питают его. Покинет магия – уйдет и жизнь.

В общем, если я не избавлюсь от навязываемого мне брака, просто умру.

Я сидела в отцовском кресле и размышляла. Похоже, рисс Мурдяк захотел поймать двух зайцев: стать бароном фин Ришеном, а попутно заключить с Эмарией магический брак, что позволит ему продлить свою собственную жизнь. Питаться крохами ее силы через брачную связь... Мерзавец.

Да уж, ситуация очень и очень нехорошая, несмотря на то что я обладаю знаниями Эмариин об этом мире и памятью своей и ее прошлой жизни. Потому что талмуды, где собраны все законы, подзаконы и правила местной юриспруденции вызвали отчаянное уныние даже у меня, бывшей студентки лечебного факультета медицинского университета. Наскоком эту вершину мне даже за год не осилить, про три недели до роковой даты уже молчу.

Постучав пальцами по столу в поисках новых идей, я натолкнулась взглядом на высокую стопку пожелтевших газет на комодке. Хм, как говорится, не можешь найти решение сам, спроси совета у более опытного и подкованного товарища. В его поиске мне и помогли аккуратно сложенные и, как в начале думала, зачем-то хранившиеся желтоватые газетные листы.

Я изучала их с фанатизмом студента-первокурсника перед сдачей анатомии. Мне было интересно все: от помолвок и свадеб до некрологов; выигранные или проигранные судебные тяжбы; рекламные объявления начинающих портних и уже солидных ателье; городские события и праздники. Нашла даже парочку весьма забавных статей, где журналисты во всю ругали отчаянных студентов Ройзмунской магической академии, которые под новый год ежегодно устраивали в столичных тавернах празднества, неизменно заканчивавшиеся потасовками и погромами с магическими проделками. Припомнили им перекрашенные в розовый цвет волосы городских стражников, явившихся наводить порядок среди пьяни. Были забавные ситуации, когда студенты меняли местами памятники на площадях. Из последних новостей: негодники поменяли вывески королевского суда и борделя. Начавшееся было громкое

разбирательство быстро затухло. Видимо, власти не захотели устраивать цирк из пьяной выходки.

Изучая судебную колонку на четвертом развороте в самом углу, я подметила одну частенько встречающуюся фамилию. Фамилию особо удачливого поверенного из низов, который вел самые неоднозначные дела, защищая интересы торговцев и более-менее состоятельных горожан. Его имя и адрес я выписала на отдельный листочек и спрятала в карман.

Спустя четыре дня за мной прислали коляску для поездки в столицу за венчальным платьем. В дорогу я отправилась в сопровождении риссы Лишаны. Хорошо, что компаньонка для леди в этом королевстве требуется только до совершеннолетия. Далее высокородная девица обретает права, даже более широкие, чем в схожие исторические времена на Земле. Хотя на Хартане многое отличается, очень многое. Здесь мир контрастов, в одном королевстве одни правила, в другом – другие. Но на данный момент меня волновали исключительно байратские реалии.

Да, Эмария много раз бывала в столице и ее улицы для меня не были незнакомыми. Но сейчас это именно я впитывала шумы, запахи, энергетику чужого города. Я все сильнее и глубже ощущала себя живой. Своей в этом теле, с этой магией, рядом с риссой Лишаной.

Няня меня еще в доме, перед поездкой, тихонечко предупредила, что хоть коляска с лошастью из Ришена, кучер чужой, явно приставленный женихом, чтобы следил за мной в городе. Мурдык как пить дать опасался, что сбегу. Но строгий нянин вид, черное вдовье платье и короткая шерстяная накидка, мой – испуганно-застенчивый вид в скромном темно-сером шерстяном платье и пальто, когда я даже в глаза прислуге не гляжу, сделали свое важное шпионское дело. Кучер совершенно расслабился и следовал нашим указаниям без единого пререкания.

По совету риссы Лишаны мы выбрали неброского вида ателье, но я узнала его: здесь шили для семьи барона, ведь бюджет скромный, а наряды по статусу должны быть приличными. Сразу после сердечных приветствий и соболезнований хозяйки ателье – художавой высокой женщины – рисса Лишана отвела ее в сторонку. Вскоре няня пила чай с владелицей, а я вышла через черный ход с задней стороны дома и дворами прошла на соседнюю улочку.

Шел снег, а мне было жарко, потому что я очень торопилась, необходимо было пройти целый квартал, чтобы добраться до цели – небольшого, но крепкого, аккуратного дома со скромной вывеской «Поверенный Демьян Аруш».

Отдышавшись, я вошла в приемную, а через минуту секретарь провел меня в кабинет поверенного – высокого, крепкого мужчины лет тридцати пяти, в котором не было ни капли магии, но через край уверенности. Он вежливо встал и предложил присесть напротив него. Я привычно, сквозь ресницы, разглядывала человека, которого хотела нанять защитником и спасителем.

– Секретарь доложил, что вы лея Эмария фин Ришен, он не ошибся? – несколько удивленно уточнил поверенный.

Как и на моей родине, в Байрате во время брачного обряда суженые обмениваются кольцами. У этого мужчины кольцо на пальце было, значит женат, уже хорошо. Серые глаза, умные, хитрые, очень внимательно изучали собеседника, меня будто разбирали по полочкам, чтобы узнать всю подноготную. Мне стало зябко от страха, я начала опасаться, что выбрала очень непростого человека для помощи в решении моих проблем.

– Все верно, рисс Аруш, я баронесса Эмария фин Ришен, – я твердо произнесла имя, выпрямила спину и, сложив руки на коленях, сказала: – Мне требуются ваши услуги.

– Могу я предложить вам снять пальто и горячего чаю?

– Благодарю вас, но у меня весьма ограничено время, – натянуто улыбнулась я.

– Хорошо, лея, я весь внимание, – кивнул рисс Аруш и откинулся на спинку кресла, сложив руки на краешке солидного стола.

– Мои родители погибли шесть месяцев назад при ограблении.

– Об этом знает весь Ройзмун, соболезную, – сухо кивнул мужчина.

– Восемнадцать мне исполнится третьего января, через шестнадцать дней, а до тех пор, согласно закону, я нахожусь под опекой троюродного кузена, рисса Родига Мурдяка.

– И в этом случае я могу выразить вам свои соболезнования, – с кривой усмешкой посочувствовал рисс Аруш.

– Четыре дня назад опекун уведомил меня о том, что в день моего совершеннолетия он решил заключить со мной брачный союз.

– И? – черная бровь Аруша приподнялась, а в голосе проскользнул легкий интерес.

– Я категорически против, но в силу ограниченных знаний юридических основ, не представляю, как этого брака избежать.

– То есть, третьего января вам исполнится восемнадцать и именно на этот день он назначил брачный обряд? – подался Аруш ко мне с любопытством.

– Да, в полдень.

– А родились вы когда?

– Э-э-э... на рассвете, – вспомнила я.

– Если опекун вступает в брак со своей несовершеннолетней подопечной, она, или иная заинтересованная сторона, могут оспорить этот брак. Его признают недействительным. Но вы родились третьего числа на рассвете и в полдень обретете свободный совершеннолетний статус, а значит, в брак, пусть и по принуждению, вступите добровольно. Такой брак никто оспорить уже не сможет.

– Я маг, как его можно оспорить или расторгнуть? – удивилась я.

– По решению Королевского суда жрецы проведут обряд отречения и разрыва связи. Это очень сложный, травматичный физически и психологически обряд. Его проводят только с разрешения короля. Но вы баронесса, именно в вашем случае законность соблюдения всех процедур очень важна. Для вашего опекуна!

– Ясно, – выдохнула я мрачно, передернув плечами.

– Простите, юная лея, но у меня слишком много дел для... ни к чему не обязывающих бесед. Зачем вам я? – поторопил меня рисс Аруш.

– Я хочу нанять вас... заключить договор. Чтобы с третьего января именно вы занимались всеми моими делами и защищали мои интересы, – решила я предложить.

– Послушайте, лея Эмария, – едва заметно поморщившись, осторожно начал рисс Аруш, – я искренне сочувствую вам, но благотворительностью заниматься пока не имею возможности. Ведь, насколько мне известно, ваше финансовое положение, мягко говоря, бедственное.

– Это сейчас, но через две недели мое положение в корне изменится, – я задрала подбородок.

Мужчина снисходительно качнул головой, пояснив:

– Все ройзмунские поверенные, в силу специфики своей деятельности, обладают хоть какой-то информацией о финансах большинства более-менее важных или известных фамилий королевства. Род фин Ришен обескровлен. Вашего дохода не хватит даже на оплату моих ежемесячных услуг. Хотя мои услуги не самые дорогие в столице...

Мои кулаки побелели, но я ожидала такого ответа, ведь не зря просидела почти четверо суток, изучая бумаги барона, поэтому предложила:

– Мою родовую казну обчистил нечистоплотный опекун и управляющий, которого он назначил сразу после гибели моих родителей. При грамотном юридическом подходе, мы... вы сможете вернуть хотя бы часть утраченного.

– А может и нет, – спокойно возразил рисс Аруш. – Рисс Мурдяк известен в определенных кругах, в очень нехороших кругах, юная леди. Он достаточно состоятельная личность, чтобы испортить жизнь любому, кто встанет у него на пути к титулу. Я просто не вижу смысла заступать такому человеку дорогу за сомнительную оплату...

– Заключив со мной договор, помимо денег, вы получите одно существенное и неоспоримое преимущество, которое мало кто еще способен вам предоставить в тех кругах, о которых мы с вами говорим и в которых вы, исходя из вашего социального происхождения, вынуждены возвращаться и работать, – я выложила свой единственный и главный козырь ледяным тоном.

– Это какое же? – деланно недоуменно спросил он, хотя наверняка понял, о чем речь.

Я ответила сухо и четко:

– Разумеется, звание главного поверенного рода фин Ришен. Вы получите право оттиска на любом вашем документе баронской короны. Что означает аристократические привилегии и преимущество в разборе любого вашего дела королевскими службами и судом. – Сделала театральную паузу и чуть иронично добавила: – Ведь мы оба понимаем, что это с лихвой компенсирует вам издержки, связанные с ведением моих скромных, по вашему же мнению, дел.

Рисс Аруш сверлил меня внимательными серыми глазами, уже не препарировав и не раскладывая на части, а скорее собирая в единое целое, правда с другими характеристиками. Изменив мнение.

– Вы правы, подобное предложение имеет свою ценность, – наконец кивнул поверенный. – Я согласен вести ваши дела и стать главным поверенным рода фин Ришен.

– Тогда мы с вами должны заключить договор на крови, что вы никогда не поставите мои интересы ниже своих. Никогда не предадите! И что только я могу разорвать наш договор в одностороннем порядке.

– Вы осознаете, что договор на крови – это...

– Осознаю и прекрасно понимаю, зачем и почему, – оборвала я его. – Видимо, потому что прежний поверенный подобной клятвы не давал, без особенных моральных терзаний перезаключил договор с моим опекуном. И позволил обокрасть меня.

– Я вас понял, – нахмурился рисс Аруш.

Поднявшись, он несколько томительных секунд постоял, явно раздумывая, затем решительно направился к двери в приемную. Быстро вернувшись, усаживаться за стол не стал, а оперся рукой о стол рядом с моим стулом. Наклонился надо мной, с явной целью надавить, не то харизмой, не то наглостью, лишить уверенности, смутить, и заявил:

– Как ваш поверенный в качестве оплаты я возьму процент с ваших будущих доходов.

Подняв голову, я снова скрестились с ним взглядом в молчаливом поединке. В Байрате принята фиксированная ежемесячная или ежегодная оплата услуг поверенных. С учетом его заявления про поверенных, которые все про всех знают, он однозначно надеялся получить больше, чем обычно. Каким образом, если мое наследство, по сути, лишь титул и три деревушки? Я осторожно ответила:

– Хорошо, я согласна, ведь в этом случае мы оба будем заинтересованы в увеличении доходов с моих земель, заботе о них и защите.

– Вы абсолютно верно поняли мои намерения, – улыбнулся мужчина с блеснувшим в глазах облегченным триумфом.

– С одной оговоркой. Это будет процент с дохода с земель или созданных предприятий, относящихся только к роду фин Ришен. В случае моего замужества, к имуществу и доходам моего супруга договор применяться не будет, – уточнила я сухо.

Длинные крепкие пальцы поверенного застучали по столу, пока он руками опирался на него. Пару мгновений досады и Аруш кивнул:

– Да, конечно, я это и имел в виду.

Да-да, я так и поняла. И принужденно улыбнулась:

– Отлично, а как же мы избавим меня от навязываемого брака? И вернем украденное?

– Первое – легко, второе – сложнее, – честно ответил мой поверенный. – На рассвете третьего января вы становитесь совершеннолетней и обретаете полную юридическую самостоятельность. Под моей защитой. Так что на навязанные брачные обряды можете просто не ходить, а все претензии – отправлять сразу ко мне.

– Хотелось бы взглянуть на его морду, когда он осознает, что свадьбы не будет, – не сдержала я мрачной усмешки.

– Лучше не дразнить людей, подобных вашему опекуну, – посоветовал рисс Аруш.

– Резонно, а как с возвращением денег? – поинтересовалась я о бременном.

– Как только вы станете совершеннолетней, я в присутствии законников по утру нагряну с проверкой расходных книг и извещу об увольнении вашего управляющего. Где он купил себе дом три месяца назад, я знаю. Исходя из результата проверки примем дальнейшее решение.

– Благодарю, вас! – обрадовалась я.

– Позвольте мне дать вам совет?

– За советы и опыт я вам и плачу, – с улыбкой позволила я.

– Прошу вас: оставшиеся до совершеннолетия время вести привычный образ жизни, не высовываться, чтобы ни ваш опекун, ни кто-либо еще не заподозрил вас в коварном плане обретения независимости. Этим вы избавите нас от дополнительных проблем и усилий, – усмехнулся Аруш.

– Я обязательно так и поступлю, – кивнула я весело.

– Кстати, договор мы с вами тоже заключим якобы третьего января, на рассвете, – напомнил Аруш.

С формальностями меня ждать не заставили. Вскоре секретарь принес нам всего два листа, где каллиграфическим убористым почерком были четко и внятно прописаны условия нашего

сотрудничества. Я придирчиво проверила текст соглашения, тайком изучив на скрытые невидимые надписи, уж как умела, но пришлось довериться своему новоиспеченному поверенному. Потом мы с Арушем подписали договор. Кровью! И самое главное, кольнуло не только острое палец, все мое нутро дрогнуло, ощутив отголосок магии крови. Правильно ли я поступила, узнаю потом, но тот факт, что разорвать договор могу в одностороннем порядке лишь я, успокаивал.

– Встретимся третьего января, – доброжелательно напомнил поверенный, церемонно провожая меня до дверей конторы.

Более того, свистнул куда-то в снежную морось улицы и посадил меня в сухое нутро подскочившего небольшого кэба. Еще и кучеру заплатил, пояснив куда и как меня по-тихому довести.

В ателье я вернулась умиротворенная, чем порадовала уже, наверное, окончательно поседевшую от волнения риссу Лишану.

– Как дела? – осторожно спросила она.

– Отлично! – улыбнулась я.

Потом поблагодарила хозяйку ателье, пообещав, что мы при первой же возможности закажем новый гардероб именно у нее. Сердечно распрощавшись с ней, мы с няней отправились домой.

Глава 4

Небольшая и вполне добротная закрытая коляска неспешно катила по городским улицам, но разглядывать местные пейзажи желания не было. Мне с трудом удавалось сохранять невозмутимость, пока внутри все дрожало от шквала эмоций, хороших и плохих.

Сегодня третье января, полдень, мне уже исполнилось восемнадцать лет. И отныне я совершеннолетняя девица, к тому же титулованная особа, целая баронесса. Увы, кроме титула ничем другим мне похвастаться нечем.

На рассвете рисс Аруш с местными законниками нагрязнул с финансовой проверкой к моему уже бывшему управляющему риссу Дарияну. В ходе проверки выяснилось, что опекун не только обчистил счета барона фин Ришена, но и вынудил арендаторов заплатить за три года вперед. Эти деньги он «честно» поделил с управляющим, в результате последний купил особнячок в центре столицы, а все остальное Мурдяк забрал себе. В результате баронесса Эмария фин Ришен осталась не просто без средств. В следующем году, когда придет срок платить налог королю, она окажется еще и в непомерных долгах.

Полдня возни с бумагами, допросов с пристрастием и угроз каторгой – и управляющий с горячим энтузиазмом согласился подписать признательные показания, переложив тем самым вину на рисса Мурдяка за мошеннические действия с моим наследством. Кроме того, Дариян подписал в мою пользу отказную на недавно купленный дом, таким образом вернув часть украденного. Как говорили на родине, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но особо радоваться «приобретению» было бы преувеличением: большая часть средств от продажи «нажитого непосильным трудом» будет лежать в банке для уплаты налога короне, а договорной процент уйдет моему поверенному за услуги. Рисс Аруш скорее уведомил, чем советовал, куда направит деньги. И тому было две уважительные причины.

Первая: он меня на первой минуте знакомства уведомил, что не работает бесплатно и не занимается благотворительностью. С учетом

моего бедственного положения неизвестно, когда и сколько я смогу заработать. Соответственно рисс Аруш ни гроша не получит с моих доходов.

Вторая причина и самая главная для нас обоих: титул и земли – мое единственное наследство, а за долги королю их запросто могут забрать. Или вместе с единственной беззащитной наследницей «подарят» нужному подданному – награда с «обременением» в виде невесты с титулом. В этом случае рисс Аруш лишится самого важного: того самого преимущества при решении всех своих дел, право оттиска баронской короны на печати.

Поэтому, в первую очередь, рисс Аруш позаботился о сохранении моего титула и земель и выплатах налогов на следующие три года, вне зависимости от моего будущего финансового положения. Строго посмотрев мне в глаза, весомо заметил: «Лея Эмария, голубушка, с короной шутки плохи. Лучше заплатить налоги и иметь крепкий сон и чистую совесть, пусть и на голодный желудок». Кто бы возражал? Вот и я – нет.

Теперь я свободна от опеки, от навязывания брака, моя судьба в моих руках. Но, как там Вика говорила, без оборотных средств, вдобавок с ответственностью за жизни десяти пожилых слуг, титул с причитающимися ему землями и уже полюбившееся поместье Ришен. Ришен за три недели действительно стал роднее некуда, а его обитатели – своими.

Когда все решили с управляющим и его под руки увела стража, поверенный предложил отвезти меня домой. Ришен за эти три недели действительно стал роднее некуда, а его обитатели – своими. И сейчас я не знала, чего испытываю больше, облегчение от свободы или страха перед будущими очередными проблемами.

– Рисс Аруш, что дальше делать? Мы сможем вернуть украденное у меня опекуном?

Сидевший в экипаже напротив меня поверенный, бросив на меня сочувствующий взгляд, ровно ответил:

– Нет.

Не доверять ему оснований не было, особенно после того, как увидела, с каким уважением к нему относятся столичные законники. Не боятся, а именно уважают.

– Почему? – Мне было еще и «технически» интересно сравнить реалии моей родины с новым местом жительства.

– Рисс Мурдяк был вашим опекуном, назначенным по закону. Даже при наличии показаний от управляющего тяжба может затянуться на год или два, если ваш опекун расстареется. А он уж точно расстареется! У вас нет средств, чтобы заплатить королевскую пошлину за длительное судебное производство, нет средств, чтобы подмазать нужных людей для его ускорения. Нет нужных людей, чтобы подать прошение или жалобу королю лично в руки. Вы, конечно, выиграете дело, но когда? В итоге Мурдяка заключат под стражу и отправят в тюрьму, но сможем ли мы ко времени, когда восторжествует справедливость, вернуть хоть что-либо из утраченного? Весьма сомнительно!

– Но он же украл и есть доказательства?! – расстроилась я.

Аруш внимательно посмотрел на меня, глубоко вздохнул и осторожно предположил:

– Лея, вы никогда не думали, кому выгодна смерть ваших родителей?

– Нет. Насколько я знаю, это было обычное ограбление?! – удивилась я.

Мой собеседник грустно улыбнулся, поморщился, видимо начиная непростой разговор:

– Ходят упорные слухи, но доказательств нет, конечно, что ваших родителей заказали...

– Заплатили за их убийство? – нахмурилась я, вся сжимаясь внутри.

Аруш многозначительно пожал плечами, вслух не подтверждая, кивнул и продолжил:

– Вас преднамеренно лишили средств к существованию, но при этом, повторяюсь, у вас все равно осталось кое-что слишком важное и ценное...

– Титул, – кивнула я мрачно, с горечью откидываясь на спинку.

Любопытно, но мой собеседник расслабился, видимо отсутствие истерики у юной подопечной и наличие понимания мотивов преступников его порадовало. И дальше он продолжал спокойным и уверенным тоном:

– Пока вы будете судиться-рядиться со своим опекуном, можете нечаянно умереть, как и ваши родители. Поэтому я вам настоятельно советую забыть о потерянных деньгах и прежде всего подумать о своей безопасности.

– Как это лучше сделать? – хмуро спросила я, ощущая ледяной комок в горле.

– С этими бумагами, – Аруш положил ладонь на портфель, где лежали признательные показания управляющего, – воровство мы в любом случае докажем, а вот убийство ваших родных – нет. Поэтому лучше бы вынудить вашего опекуна кровью подписать договор, где вы прощаете ему украденные у вас средства и прекращаете судебное преследование, а он отказывается от любых посягательств и претензий на ваше наследство и титул. Этим вы обезопасите свою жизнь. Дополнительно необходимо заставить его навсегда покинуть Байрат и прописать это условие в том же договоре, который он подпишет собственной кровью для надежности.

– Весьма дельное предложение, – удрученно согласилась я.

А сама пыталась придумать как мне теперь содержать не только себя, но и свой дом престарелых.

– Лея, а вы не думали выйти замуж? – неожиданно «придумал» росс Аруш.

– За вас? – растерянно ляпнула я, во все глаза уставившись на вполне себе импозантного мужчину, сидевшего напротив.

Ему лет тридцать пять, не более. Мне в той жизни стукнуло двадцать один, в общем-то небольшая разница.

Мой вопрос вызвал смущенную, но польщенную улыбку у поверенного:

– Нет, лея Эмария, я давно и глубоко женатый мужчина, но может вам стоит рассмотреть другие кандидатуры? Выгодный брак спасет вас из бедственного положения...

Я вернула ему смущенную улыбку, все же глупость спросила. И откровенно пояснила:

– Нет, росс Аруш, брак по взаимовыгодным причинам не для представительницы моего рода. Я выйду замуж только по любви и никак иначе.

И тут же пожалела о сказанном, забыла, что в поверенных у меня очень и очень умный мужчина, мгновенно насторожившийся:

– Вы настолько сильный целитель?

– Дело не только в силе, я обязана подумать о родовой магии, чтобы она продолжилась в моих наследниках, – выкрутилась я. Но в этот момент мне в голову пришла гениальная идея и я поспешила ее обсудить со своим поверенным, заодно и тему сменить: – Рисс Аруш, я могу как-то зарабатывать с помощью своего дара? Лечить, варить зелья... крема омолаживающие продавать?

– Во-первых, титулованной особе это не по статусу. Во-вторых, для любого из перечисленных видов деятельности необходима лицензия, а ее дадут только при наличии диплома об окончании магической академии или школы мастерства.

Н-да, обломал все мои мечты законник. Я постучала пальцами по бархатной обивке дивана в карете, пожевала губу, раздумывая, и продолжила гнуть свое:

– Хорошо, лечить нельзя, но готовить зелья и крема для продления молодости и красоты через посредников с лицензией тоже запрещено? Или на черном рынке...

– Вы знаете про черный рынок? – удивленно глянул на меня «глубоко женатый мужчина».

– Слуги разное болтают... – нашлась я и опустила покрасневшее лицо.

– Полагаю, я смогу найти для вас... посредника, который согласится сбывать ваши зелья и крема для красоты и молодости.

Я не смогла сдержать радостного вздоха, вскинув сияющий взгляд на своего спасителя.

А он напомнил с кривой усмешкой:

– Ведь я кровно заинтересован в наличии у вас доходов, чтобы получить причитающийся мне процент.

– Уверена, тогда все организационные и финансовые вопросы по сбыту вы также сможете взять на себя. Не хочу, чтобы имя фин Ришенов как-то связали с подпольной торговлей зельями, – многозначительно улыбнулась я.

– Если возникнут претензии к качеству, то...

– Родители дали мне прекрасное образование, – я позволила себе прервать Аруша.

– Договорились, – кивнул довольный поверенный, а потом польстил, заставив немного напрячься: – В очередной раз не перестаю

удивляться вашей разумности и предприимчивости в столь юном возрасте.

– Жизнь заставит, на многое изменишь взгляды, – натянуто улыбнулась я, а потом вновь нахмурившись, с тяжелым вздохом уточнила: – А с риссом Мурдяком мы когда...

– Не мы, а я. Не волнуйтесь, с ним я все сам решу, обещаю. Моему слову вы можете верить, ведь у нас с вами кровавый договор, где ваши интересы на первом месте прописаны.

Домой я вернулась с легким сердцем и четким планом на будущее. Рисс Аруш вновь решил на рекомендацию: если я не готова замуж по расчету, придется найти средства на обучение в магической академии. Ее диплом поможет в будущем зарабатывать легально, но, что еще более важно, по его мнению, расширив круг общения, я познакомлюсь с молодыми людьми из богатых и родовитых семей и, возможно, найду мужа по сердцу. В общем, Аруш видел для меня счастливое будущее только в замужестве. А академия и зелья из-под полы – это способы продержаться, найти или дождаться любимого графа или герцога, или, на крайний случай, согласиться на сына главы торговой гильдии, у которого миллионные доходы, а единственное, чего не хватает, невесты с баронским титулом.

Из кареты я вышла, невольно улыбаясь: с юридической поддержкой и защитой мне однозначно повезло!

Дом встретил меня взволнованной тишиной и испуганными глазами слуг, толпившихся в холле. О моих планах никто не знал, кроме няни, вот и ждали, что вернусь замужней, а значит, их вскоре выгонит новый хозяин.

Я устала до чертиков, потому что всю ночь не спала, опасаясь провала, вторжения опекуна и еще сотни разных засад и подстав. На рассвете, с первыми лучам солнца, мы с приехавшим за мной в карете поверенным укатили в город, в дом управляющего. Но, расправив плечи и широко улыбнувшись, я громко оповестила домашних:

– Брачный обряд с подлым, противным кузенком отменяется, теперь я свободная и самостоятельная баронесса.

По холлу пронесся облегченный и радостный вздох, только рисса Лишана укоризненно покачала головой, уже кажется привычно, тихонечко выговаривая мне:

– Лея Маша, где ваши манеры?

Шестнадцать дней, прошедшие с нашего откровенного разговора с няней не прошли даром. Я стала для нее именно Машей, а не Эмарией. Новой подопечной, которую необходимо в сжатые сроки воспитать достойной родового имени, которое так внезапно и неординарно мне досталось. И если первые дни Лишана еще опасалась моего возмущения или одергивания, то отметив безоговорочное принятие ее помощи и советов, взялась за меня по полной.

– Вы все – моя семья! – приобняла я ворчавшую старушку за плечи. – И я не хочу ради манер и приличий заставлять больше нужного вас нервничать и переживать. Лучше сама расскажу, чем вы будете мучительно ждать пересудов и слухов.

– Хорошая ты девочка, Маша, – ласково погладила няня меня по руке. А потом обеспокоенно спросила: – Удалось вернуть наследство?

– Нет, – поморщилась я и рассказала почему.

Няня расстроено всплеснула руками и растерянно опустилась на стул:

– А как же мы тогда жить будем?

Домашние, вроде бы покинувшие холл, похоже, толпились за дверями и шумно, расстроено вздыхали. Сейчас решалась их судьба.

– Мы с риссом Арушем нашли выход из положения, я буду готовить самые простые целебные зелья, которым... родители научили. И крема омолаживающие. Рисс Аруш найдет того, кто будет их покупать у меня. Без огласки.

– Вы считаете, этого хватит? – удивилась няня.

– Я считаю, что красота и молодость нужны всем. А нам пока слишком много не требуется. На налоги средства есть. Остальное уже мелочи. Еда, уголь и дрова для отопления дома – вот самые необходимые нужды и затраты на сегодня. Оплата услуг поверенного... – я усмехнулась, вспомнив рисса Аруша. – И еще, мне необходимо накопить на обучение в Ройзмунской магической академии.

Срок обучения в академии пять лет, плата за каждый год – двадцать пять золотых! Сумма очень весомая, а в моем нынешнем положении невероятная. Но я поинтересовалась ценами на зелья и крема, которые продавались в столице. Если очень-очень постараться, то за оставшиеся до начала нового учебного года восемь месяцев

заработать на первый год вполне реально. Ведь продержаться надо три года, дальше возобновится приток средств от аренды земли. Эх, жаль, что титулованные особы не имеют права учиться в магической академии на бесплатной основе, даже если они обеднели и осиротели.

Няня горестно покачала головой:

– Ох, лея, какую же вы непосильную ношу на свои хрупкие плечи взвалили.

– Да разве это ноша? Да еще непосильная? – оптимистично возразила я, тоже покачала головой и заверила заодно со старушкой всех подслушивавших за дверью: – В доме столько умудренных опытом людей живет, одна голова хорошо, а десять – лучше. Справимся!

– Вам виднее, хозяйка! – светло улыбнулась повеселевшая нянюшка.

Следующие восемь месяцев я вкалывала как одержимая. Поначалу было проблемно «вспоминать», вытаскивать из чужой памяти знания, умения, навыки. По сути, учиться заново. Сложнее всего было работать с магией, вот где частенько у меня случались проколы, когда почти готовое зелье внезапно меняло цвет, булькало или мутнело. Но благодаря жесточайшей нужде в деньгах, чтобы есть, пить, жить в теплом доме, для меня больше не существовало «не могу» и «боюсь».

В моем распорядке на сон и отдых отводилось не более восьми часов. Все остальное время я работала, училась, медитировала с магией и копалась в памяти Эмари. Позднее осознала, что тем самым теснее с ней срачивалась и, к сожалению, фактически стерла незримую грань между ней и собой. Еще приходилось много времени проводить в библиотеке – готовиться к поступлению в академию.

И все же нет-нет, да задавалась вопросом: как перенос души смог сохранить мою личность, память прожитых лет в другом мире?! Кто и как меня закинул в Хартан и в это тело? Зачем и почему? Ответа так и не нашла. О попаданках в истории нового мира не было ни легенд, ни слухов, ни иных данных. Я даже в храм съездила, полдня просидела в нем, мысленно умоляя откликнуться кого-нибудь из богов, которым поклонялись в этом королевстве. В ответ – тишина!

В это тяжелое время адаптации и безденежья мне особенно помогли трое. Рисса Лишана воспитывала из меня достойную

родового имени и титула лею. Не давала расслабиться, напоминала всегда и везде держать спину прямо, ходить, не размахивая руками и широким шагом, а плавно, размеренно, кошкой на мягких лапках ступать по брэнной земле. Не употреблять любимые словечки, которые так и норовили вырваться из меня наружу, и манеру говорить что думаю оставить.

И ведь добилась! Знание этикета стало как дыхание: дышишь – значит, соблюдаешь правила. Смешно сказать, она будила меня ночами, подлавливала в моменты самой кошмарной усталости и магического опустошения, когда открыть глаза казалось подвигом, и проверяла, насколько я запомнила, нет, насколько она вдолбила в меня нужные знания. Чтобы, даже находясь в бреду я до последнего рефлекса знала, какой прибор для какого блюда выбрать. Как сесть за стол, выйти из-за него, завершив трапезу. Книксены, поклоны, даже вежливый кивок прислуге или торговцу – все должно быть идеальным. И нянюшке это удалось.

Ценным помощником оказался рисс Парин, наш дворецкий. Без доходов с земель об управляющем можно было только мечтать. И как-то так получилось, что делами моего скромного, обобранного баронства занялся именно рисс Парин. Ведь необходимо было вести дела с арендаторами, а этот сухопарый пожилой мужчина всех жителей уезда знал лично и пользовался уважением.

Опять-таки надо было покупать у торговцев продукты, топливо, компоненты для производства, а это травяные сборы, масло, упаковка и так далее. Забот выше крыши. Спустя время мне стало понятно, что он отлично справляется – управляющий из него не хуже, чем дворецкий. Так я смогла опереться уже на второго человека в новом мире.

Помощь третьего человека, поддержавшего меня, была важной и неоценимой. Моя производственная деятельность совершенно неожиданно сдружила нас с риссом Арушем. Все началось с его супруги, совершенно неожиданно для меня высоко оценившей самые простенькие, но эффективные крема и лосьоны со скромным, но говорящим названием «Чудеса красоты», которые Аруш тоже неожиданно начал пристраивать в столичные лавки и аптеки. Раскрывать, что крема делаю я, Аруш даже супруге не стал, опасаясь извечно женского трепа в стиле «ой, я нечаянно тете Нюре

обмолвилась, что у соседки из пятой квартиры любовник Петя, кто же знал, что весь город узнает и ее муж его убьет».

Так вот, рисса Аруш восторженными отзывами о моих «чудесах» натолкнула мужа на очередную идею. Довольно быстро мой поверенный стал и моим покупателем. Еженедельно забирал свой большой заказ – уложенные в корзинки на ароматную сосновую стружку красивые баночки и бутылочки для красоты и молодости. Этой стружки здесь хоть завались, на растопку идет. Корзинки, в отличие от фабричных коробок и бумаги, стоили дешево. В ход также пошли ленточки, бантики и цветочки, придававшие подарочным наборам еще невиданного в Байрате очарования. В сущности, копеечные украшения, а как мило!

Насколько я поняла, деловой, продуманный рисс Аруш использовал мои «чудеса» в качестве подкупа и расположения. «Без задней мысли» дарил женам нужных ему законников, секретарям королевского суда, в общем, через женские слабости находил подход к самым неподкупным и вредным.

Именно благодаря Арушу и его специфической рекламе, пусть не сразу, но количество заказов начало расти. А ведь первый месяц я ночами рыдала в подушку от отчаяния и безысходности: товар продавался плохо и прибыли почти не приносил. Даже задумалась о продаже родовых украшений фин Ришенов, хоть и считала это кощунством, шагом, на который не имела морального права. Такие вещи должны из рук в руки передаваться наследникам титула. К весне дело пошло на лад, и к концу августа двадцать пять золотых на обучение в академии с горем пополам и невероятным трудом я заработала!

Глава 5

Байрат – большое королевство, но с высшими учебными заведениями для магов здесь сложно. Для простых смертных почти в каждом более-менее приличном городе открыты высшие школы мастерства. А вот магическая академия всего одна, в предместье столицы. Как ворчливо обмолвился рисс Аруш, не потому что маги – редкий зверь, а чтобы каждый был учтен короной, вдруг пригодится.

В сопровождении поверенного я съездила познакомиться с Ройзмунской академией магии еще пару месяцев назад, разведать что и как, узнать, какие документы нужны и время экзаменов. В ходе поездки выяснилось, что академия расположена в очень хорошем, безопасном районе предместья Мартинс, где дороги лучше, чем в центре, а вокруг красуются добротные дома зажиточных жителей столицы, утопающие в садах и парках. Сама академия занимает три внушительных здания и приличный кусок земли. А поверенный понадобился, чтобы заключить договор на обучение между академией и баронессой фин Ришен и исключить «мелкий шрифт» с неожиданными обязательствами и подводными камнями. Поэтому в моем саквояже лежала папочка с подписанным договором в двух экземплярах.

Первое сентября – день приемных испытаний в Ройзмунской академии магии. С восьми утра до десяти вечера будут отбирать будущих студентов. Всего один день, но его хватает, чтобы набрать первокурсников. А к учебе они приступят уже с третьего сентября.

Ришен я покинула рано – мой дом на противоположном конце города и ехать около часа, к тому же хотелось с самого утра решить вопрос с поступлением и, наконец, выдохнуть. Пока коляска стучала колесами по городским улочкам, я то нервно сжимала руки в кулаки, то поправляла края серых перчаток и рукава своего строгого элегантного платья из тех, что на любой случай. Не маркое и благородное. Тонкая, но достаточно теплая ткань мягко облегла высокую грудь и узкую талию. Высокий воротник, манжеты длинных рукавов и подол расшиты серебряным растительным узором. Благодаря немногочисленным складочкам платье не стесняло

движений и красиво сидело. Густые, шоколадного цвета волосы я уложила в сложный узел на затылке и спрятала под хорошенькую небольшую шляпку – дань этикету, не больше.

Слава богу, ой, хвала Всем Богам, как принято говорить в Байрате, ведь здесь поклоняются нескольким высшим сущностям, гардероб у Эмарики оказался, по местным меркам, более чем – полностью укомплектован всем необходимым на любые случаи жизни. Если потребуется, я не побрезгую воспользоваться нарядами ее почившей матушки. Так что ничего нового покупать не стала. Средств у меня впритык, а еще к зиме готовиться и травы с маслами закупать.

Среди высоких деревьев показались светло-серые здания академии. Меня невольно охватило волнение: как все будет? В этот ранний час на дороге мы с Глериком, правившим моей коляской, были не одни. Пешим и конным ходом, в собственных экипажах или наемных, в академию добиралось довольно много желающих. Следом за другими мы нырнули в тенистую аллею и вскоре подкатили к главному входу трехэтажного здания. Я приказала Глерику найти свободное место и ждать меня. Как освобожусь, пошлю ему вестник, чтобы забрал. И взяв небольшой дорожный саквояж, в котором помимо самого необходимого (например, платочка) лежала с таким трудом заработанная сумма и документы, отправилась поступать в очередной вуз.

Эх, вступительный мандраж я испытывала уже в четвертый раз. Первый – это собственные вступительные экзамены в медицинский, второй и третий – я дико переживала за Вику с Женькой, а сейчас вот четвертый – снова за себя. Заталкивая грустные мысли о своих девчонках подальше, остановилась у первой ступени широкого каменного крыльца главного академического здания, невольно взглянула в небо Хартана и выдохнула тихую мольбу:

– Боги всех миров, помогите моим девочкам, Вике и Женьке, пусть у них все удачно сложится!

Смешно, но в этот момент из-за крыши здания выглянуло солнышко и его лучик коснулся моего лица, ослепляя, заставляя зажмуриться, но при этом согревая, будто кто-то, услышав меня, приласкал. Возникла необъяснимая уверенность, что меня услышали.

Я с облегчением шепнула:

– Спасибо!

– Вы мне, лея? – рядом раздался удивленный мужской голос, глубокий, хрипловатый.

Обернувшись, я увидела остановившегося на второй ступени черноволосого, высокого крепко сбитого мужчину, вопросительно приподнявшего бровь. Со шрамом на правой щеке и черными глазами, изучавшими меня.

– Нет-нет, не вам, извините, так, мысли вслух, – смущенно зачастила я.

Незнакомец мягко и снисходительно усмехнулся:

– Вижу, на целительский поступать собрались? – Я кивнула, и он подсказал: – Как зайдете, поверните сразу направо и идите в конец коридора. Там целительский деканат.

– Благодарю лей... – я предложила назваться незнакомцу или обозначить свой статус, а то по строгому черному сюртуку из добротной, недешевой ткани не понять, кто он.

– Рисс, лея, – поправил он меня с улыбкой, поняв мое затруднение, и добавил, – мэтр Дей Лорес – преподаватель стихийной магии с боевого факультета.

Кивнул и быстро ушел, похоже, торопился в свой деканат на прием студентов. А я помедлила, размышляя на интересную тему, точнее, о магическом феномене, который в будущем придется не раз учитывать при общении. Только у целителей и некромантов магия находит отражение в цвете глаз. Первые поголовно с зеленой радужкой, чем насыщеннее и ярче, тем сильнее дар. Благодаря чему носителей дара жизни узнать легко и просто. А вот носителей магии смерти гораздо сложнее определить. Они все черноглазые, правда «глубина их черноты» мало кому заметна. Черные и черные. При этом обе категории магов к стихийным не относятся. Остальные маги с совершенно разным цветом глаз, который передается им по наследству.

Этот мэтр Дей Лорес, преподаватель стихийников, вероятно, какой-нибудь воздушник или огневик. Именно они чаще всего выбирают боевой факультет. При этом он черноглазый. Отсюда вывод: некроманты – темные и загадочные личности как снаружи, так и внутри. Ведь получается, их легко можно спутать с обычным стихийником, кому черный цвет достался от родителей, а не благодаря магии смерти.

Я последовала за мэтротом в огромный холл, в громкоголосый гул жаждущих поступить. Месяц назад здесь было тихо как на кладбище, а сейчас, словно на базар попала. Благодаря предусмотрительности и вьедливости рисса Аруша, который подсказал все формальности уладить заранее, мне не пришлось толкаться в очереди к стойке и что-то уточнять. Я сразу отправилась в свой деканат, чтобы отметитья и получить «зачетку».

Интересный документик, надо сказать. Этакая узкая, но пухленькая тетрабочка с магической печатью на первой страничке, со списком предметов, которые я обязана сдать для поступления, и номерами аудиторий, где проходят испытания. Более того, если я успешно все пройду, она останется со мной на весь пятилетний срок обучения до завершения академии и туда будут вносить результаты будущих тестов и экзаменов. Благодаря ей я узнаю, приняли меня или нет. И только при положительном результате вернусь в свой деканат, чтобы внести плату и для иных формальностей.

Я слишком решительно устремилась покорять очередную «высоту», потому что, завернув за угол, больно столкнулась с высокой девицей. Я бы сказала, валькирией – рослой, широкоплечей, фигуристой, с густой, буйной шевелюрой медного цвета, глубоко посаженными голубыми глазами, носом-картошкой и пухлыми, сочными губами. Не красавица, но яркая и интересная девушка в простенькой длинной серой юбке, белой рубаше и темном кожаном корсете, крепко державшем ее большую грудь и подчеркивавшем узкую талию.

– Простите, рисса... – едва успела сказать я до того, как девица-гренадер плечом оттеснила меня со своего пути.

Да еще и невежливо буркнула:

– Ходят тут всякие...

Похлопав ресницами, я проводила фактурную незнакомку растерянным взглядом, прежде чем идти дальше. А через несколько шагов будто на стену напоролась, поймав себя на неожиданной и пугающей мысли: «Из-за слияния с памятью Эмари, под влиянием ее характера вместе с теплой, домашней атмосферой интеллигентного дома фин Ришенов и благодаря титаническим ежедневным и ежечасным усилиям риссы Лишаны по моему „облагораживанию“, я изменилась не только внешне, но и внутренне. После столкновения я

не послала хамку далеко и надолго, а, прижавшись к стене, растерянно провожала ее спину. Значит, изменения во мне в разы глубже и кардинальнее, чем я представляла».

Подаренная мирозданием новая жизнь подкидывала все новые и новые неоднозначные сюрпризы.

Первым в списке стоял самый главный и основополагающий экзамен по специализации. Сдам его – полдела сделано; по другим предметам комиссию даже минимальные балы устроят.

Возле тридцать третьей аудитории толпилось не менее сотни взволнованных парней и девушек. Я переживала не меньше, а может и больше, чем остальные. Ведь они со своим даром роднились с пеленок, а я – всего восемь месяцев, даже если в моих глазах в минуты сильного волнения сверкали искры и, согласно мемуарам отца, я, вроде как, маг жизни. Внутри у меня все сжималось от страха и неуверенности.

Сторонясь чужих острых локтей, я решила постоять рядом с белокурой красивой девушкой, тоже, как и я, ожидавшей своей очереди в одиночестве и выглядевшей добропорядочной леей. Тяжело вздохнув, нечаянно поймала ее осторожный изучающий взгляд, но зацепило не ее любопытство, а такая же как у меня манера смотреть сквозь густой веер светлых длинных ресниц, скрывавший насыщенно-зеленый цвет глаз. Сильная целительница!

– Лея Злата фин Рыбка, – она коротко кивнула мне, проявляя лишь вежливость согласно этикету.

– Лея Эмария фин Ришен, – отзеркалила я.

Мы обменялись скупыми улыбками и почти одновременно отвернулись к окну, без намерений продолжать знакомство. Краем глаза заметила, что и наши улыбки от того, что обе это подметили, тоже оказались почти синхронными. Правда, я улыбнулась, еще и услышав ее имя. Злата Рыбка, ну прямо как Золотая Рыбка, исполняющая желания.

Оказалось, в аудиторию приглашали по спискам деканата. И вскоре прозвучало:

– Баронесса Эмария фин Ришен, пройдите!

Народ проводил меня взглядом. Аристократы, видимо отметив мой элегантный, но простенький наряд, тут же потеряли интерес. Остальные рассматривали по-разному: кто-то – с интересом более

низкого сословия, кто-то – откровенно изучающе и оценивающе. Лично меня никто не заинтересовал. Еще слишком сильна и глубока боль утраты Вики и Женьки. Завести новую дружбу – сродни предательству, словно я не только сменила мир и тело, но и в душе их вычеркнула, заменила. Нет, только не это.

В аудиторию с пираньями из приемной комиссии я шагнула с влажными от волнения руками и дрожащими коленками, а спустя полчаса вышла мокрая вся. Жуть, а не экзамены!

Дверь непривычно открылась внутрь аудитории, поэтому я сразу увидела справа у стены за длинным узким столом членов экзаменационной комиссии – четверых разновозрастных мужчин в черных мантиях с золотыми преподавательскими нашивками на груди. Вежливо поздоровавшись, представилась и мельком оглядела их довольно равнодушные лица.

Экзаменаторы смотрели на меня с едва заметным, ленивым интересом. Один из них, махнув мне за спину, предложил «исправить» то, что там лежит. Растерянно обернувшись, я увидела в центре почти пустой аудитории четыре круглых столика на высоких ножках-опорах с изогнутыми «лапами». Чуть заторможенно направилась к ним, краем глаза отмечая, что там лежит. На первом – сломанный поникший стебелек с маленьким синеньким бутончиком, на втором – горшочек с землей, а рядом в блюдечке – зернышко. Третий стол занимала бронзовая клетка, в которой на жердочке понуро сидела птичка со сломанным, беспомощно повисшим крылышком. На четвертом, самом большом, – неподвижно лежал маленький бело-рыжий песик. Такой несчастный, с черными влажными глазками, переполненными болью и безнадеей, в крови...

К этому бедняге я и шагнула, забыв об экзаменаторах, о том, что на экзамене для целителей все не просто, а с подвохом. Так уж вышло, что людей я любила гораздо меньше, чем животных. Их боль воспринимала глубже и ближе. Мы с подругами мечтали, что заведем себе любимцев-питомцев, когда будем стабильно зарабатывать. Как выяснилось, предпочтения у нас разные: я мечтала о пушистом котике-мурлыке, Женька – о собаке, а вот Вика собиралась завести игуану.

Песик был на грани, даже дышал через раз, едва заметно делая рваные вдохи. Вначале я хотела по привычке, как учили в родном меде, провести пальпацию и визуальный осмотр, но мой пациент

совсем обмяк, тем самым подсказывая, что время на исходе. В этот момент я вспомнила о магии и полезла в закрома магических знаний Эмарии по лечению. Пришлось в ускоренном порядке сопоставлять и применять свои и ее умения. Попутно включать интуицию и, отчаянно желая помочь, вернуть бедолагу к жизни и вылечить. И это сработало. Чудом!

Когда пес сел на столике и бодро замахал хвостиком, я спустила его на пол, чтобы не свалился ненароком. А сама, вытерев со лба пот и отдышавшись, наконец вспомнила об экзаменаторах. Испуганно обернулась к ним: четверо мужчин по-прежнему молчали, но теперь крайне внимательно наблюдали за мной. Я опустила растерянный взгляд на пса, осознав, где я и для чего. Мохнатый пациент весело тьякнул и исчез, словно его и не было. А ведь минуту назад я четко ощущала его жизненные токи и физическую оболочку. Неужели иллюзия и обманка? Настолько реальная?

– Простите, – я на всякий случай извинилась и хрипло после переживаний и волнений, кивнув в сторону других столов, уточнила, – это тоже... исправлять?

– Да, пожалуйста, лея Эмария, – слегка улыбнулся крайний мужчина.

Чтобы придать свежести стебельку, помочь прорасти зернышку и поправить крыло птичке у меня ушло пару минут. И это лишь добавило довольства лицам экзаменаторов.

– Отлично, вы очень сильный маг, лея, показали превосходные результаты. – Поощрил более широкой улыбкой третий из комиссии, самый возрастной, по земным меркам лет шестидесяти с головой, убеленной сединами, лицом в морщинках и яркими зелеными глазами.

Но на Хартане целитель с внешностью возрастного мужчины явно перевалил за полторы сотни лет.

– Благодарю вас, мэтры, я могу быть свободна? – натянуто улыбнулась я, все еще пребывая в смешанных непонятных чувствах.

– Мэтр Род Меррик, буду очень надеяться, ваш будущий декан, – представился этот улыбчивый мужчина, потом благодушно махнул рукой в сторону двери: – Идите, юная лея, у вас еще три экзамена. Удачи вам.

Похвала и пожелание удачи помогли мне успокоиться, улеглась тревога, и в душе я широко улыбалась. Мой прежний декан не был

столь радушен и благожелательно настроен. Улыбки и похвалу выдавал крайне скупое, а требовал крайне много. Хотя его все равно все очень любили и уважали, а похвала от него ценилась на вес золота.

Выйдя из аудитории, я подошла к тому же окну, у которого стояла та же девушка и по-прежнему смотрела на улицу. Открыв зачетку, я полюбовалась результатом экзамена – светившейся яркой изумрудной записью «Превосходно».

– Не стоило показывать, насколько ты сильный целитель, – неожиданно прошелестело у меня над ухом, так, чтобы никто кроме меня не услышал.

Я подняла все еще счастливый взгляд на девушку. Убедившись, что необычный совет высказала «золотая рыбка», тоже шепотом выпалила:

– Почему?

Она вперилась мне прямо в глаза, без прятков за ресницами. И в ее глазах я неожиданно тоже отметила «говорящие» золотые искорки. Мгновение-другое – и веер ее густых ресниц спрятал их от меня и остального мира. Она помолчала, явно раздумывая, стоит ли объяснять, и, судя по часто бьющейся жилке на горле, сильно волновалась. Задумчиво покусала губы и едва слышно ответила:

– Потеряешь свободу.

В этот момент открылась дверь из экзаменационной аудитории и на весь коридор объявили:

– Баронесса Злата фин Рыбка, пройдите.

Золотая Рыбка сделала шаг, но, неуверенно обернувшись ко мне, едва слышно выдохнула:

– Если не умеешь под иллюзией прятать, пей успокоительное, чтобы не сверкать глазами...

И скрылась за дверью. Осознав смысл ее слов, я быстро спрятала «улики» за ресницами. Мэтр Коллей говорил, что сильные целители состоят на королевской службе, а уж редкие маги жизни, что еще сохранились в Байрате, служат исключительно его величеству. Рисс Аруш тоже ворчал про королевский контроль магов, отчего и создана лишь одна академия магии. И дотошно проверял мой ученический договор с академией, чем довел местного секретаря до белого каления, требуя исправить двусмысленные фразы и положения договора. А я, безмозглая попаданка, кинулась спасать иллюзии на экзамене, можно

сказать вывернула свое исподнее наизнанку. Эх, прокол вышел, Машенька. Надо прятать свои достоинства, а то – не дай боги этого мира! – отметят и оценят «по достоинству».

Поэтому на следующих экзаменах по магическим умениям я исправляла допущенную оплошность. Старательно изображала сильную усталость, показывая, что выложились подчистую на основном испытании. Зелье сварила мутное и малоэффективное. Личную регенерацию и уровень резерва сдала с минимальным проходным баллом. Тем самым снизив ожидания от моего дара до твердого середнячка. Мои предположения подтвердили унылые и разочарованные лица членов комиссии после каждого следующего «Посредственно» сданного экзамена.

А вот историю родного королевства сдала на «Отлично», хоть и просидела долго. Уронить честь фин Ришенов, плавая в истории, – недопустимо.

Мне остался последний экзамен, хотя, насколько я понимала, это скорее тест и проверка на умения. В программу домашнего обучения детей аристократов, как и отпрысков большинства более-менее состоятельных семей, входила музыка. Родители Эмари выбрали для дочери инструмент, похожий на клавесин или небольшой рояль. В реальности он оказался более сложным, благодаря магическим артефактам, – такая смесь пианино и органа.

Несмотря на любовь к музыке, нам с подругами удалось научиться лишь игре на гитаре. Благодаря Эмари я освоила «клавесин», который здесь называется ляшен. И вечерами, выматываясь и теряя надежду, что справлюсь с трудностями, спускалась в гостиную и играла на нем, «вспоминая» навыки. Музыка спасала от черного отчаяния.

Поэтому в аудиторию, где экзаменовали по музыке, я заходила с предвкушением и затаенным ожиданием чего-то хорошего. Но застопорилась, увидев совершенно незнакомые не только мне, но и Эмари инструменты: десятки струнных, духовых, ударных, язычковых и прочих разной формы и музыкальных направлений. Я уставилась на виброфон сложной конструкции с молоточками разной длины, металлическими трубками.

– Играете на даршнете? – рядом со мной остановился высокий, стройный, благородного вида мужчина в мантии, не маг.

– Нет, мэтр, только на струнных и клавишных, – восторженно глядя на инструмент, ответила я.

– Хорошо играете? – вскинул он роскошные темные брови.

– Хотелось бы, но, увы, посредственно, стыдливо морщась, призналась я, ведь все аристократы обязаны хорошо играть хотя бы на одном инструменте.

– Ну-ну, не расстраивайтесь, в нашей академии научитесь не только хорошо играть, но и петь будете неплохо, – немного зловеще улыбнулся мужчина.

– Да-а? – ляпнула я, не подумав, и, снова поморщившись, чуть не треснула себя по лбу с досады за дурацкий вопрос.

Он усмехнулся, конечно же догадавшись, что я поняла почему, но любезно пояснил:

– Да-да, со второго курса начнутся сложные заклинания и речевые формулы призывов и воззваний, многие из которых представляют собой речитативы определенного темпа и звучания. Песни. Самые простые заклинания основаны на строго установленных движениях пальцев; ошибся в движении – и все, в лучшем случае ничего не выйдет. В худшем – выйдет не то, что хотел. К тому же скорость работы пальцами при построении заклинаний и формул прямым образом влияет на мощь магического воздействия, его широту и дальность.

– Благодарю вас, мэтр, – смущенно улыбнулась я.

– Ну что, готовы? – он махнул в сторону многочисленных инструментов, предлагая выбрать, на чем я буду «сдаваться».

– Да, – нервно кивнула я, направляясь к ляшену.

Из музыкальной аудитории – в будущем, наверное, моей самой любимой – я буквально выпорхнула как на крыльях. Счастливая! В моей зачетке светилось: «Вы успешно сдали экзамены и зачислены на целительский факультет». Прижимая к боку сумочку, а к груди – зачетку, я уверенно направилась в деканат. Теперь уж точно родной и – дай Боги Хартана! – любимый.

Документальное оформление зачисления и всех прилагающихся формальностей прошло быстро, благодаря предварительно согласованному договору. Я просто вернула подписанные мной листы, их проверили и вернули мой экземпляр с подписью ректора Эльвата фин Жигаля и печатью академии. Мои двадцать пять золотых суровая

женщина, секретарь мэтра Рода Меррика, декана целительского факультета, смахнула в ящик стола будто горстку медяков, чем буквально ножом по сердцу резанула. А потом удивила сухим требованием:

– Пройдите в десятый кабинет для сохранения личных данных и принесения клятвы.

– Что сделать? – недоуменно переспросила я, а в голове сразу всплыло навязшее на зубах согласие на обработку персональных данных из моей прошлой жизни.

Мэтресса подняла на меня немного утомленно-раздраженный взгляд и как пить дать в «сто пятьсотый» раз пояснила:

– Все обладатели целительского дара, поступая на наш факультет, обязаны принести клятву истины. С этого момента, назвав кого-то своим пациентом, вы не сможете ему соврать и будете говорить правду и только правду, какой бы она не была. Нарушив клятву, целитель получит магический откат, да такой, что мало не покажется.

– Понятно, – протянула я, сделав мысленную зарубочку потом уточнить, на какой срок правдивость врача перед пациентом сохраняется. А то вдруг на всю оставшуюся жизнь, врача или пациента.

Секретарь добавила:

– Помимо клятвы вы пройдете процедуру считывания памяти. Ее магически скопируют на ваш личный кристалл, который вы будете носить при себе с первого и до последнего дня обучения в академии.

– Зачем? – испугалась я, ведь если кто-то увидит мои воспоминания, то что будет дальше со мной?

Женщина поморщилась, похоже испуганные лица новоиспеченных студентов после этой новости не редкость для нее:

– Не стоит переживать, лея, личные данные конфиденциальны. Просматривать свой кристалл памяти может только хозяин, а третьи лица – только с его магического добровольного разрешения. Требование о копировании памяти введено исключительно в целях безопасности наших учащихся. Некоторые из них настолько неразумны, что случаются разного рода неприятные инциденты.

– Какие? – напряглась я. Академия-то, оказывается, опасное местечко.

– Пьют непроверенные зелья или травят ими соперников, в итоге – начисто стирается память. Поэтому ношение кристалла памяти обязательно. Этот надежный артефакт после активации потерять или снять с хозяина невозможно, используется для возврата личности и утраченных воспоминаний пострадавшему. Академия несет ответственность за своих студентов и защищает себя таким способом от претензий с их стороны и разгневанных семей пострадавших. Абсолютно безопасным способом для поступающих, кстати!

– Вы правы, весьма полезная функция, – согласилась я.

– Вас ждут! – секретарь царственным жестом поторопила меня оставить ее в покое.

Кивнув, я отправилась в десятый кабинет.

Спустя час я сидела на лавочке во внутреннем парке академии и перебирала пальцами ромбовидный переливающийся кристалл в медной оправе в виде нескольких рун, на обычном кожаном шнурке, что теперь на пять лет обосновался на моей шее. В этом простеньком украшении сантиметр шириной и два высотой будет храниться память двух человек: моих уже двадцати двух лет и семнадцать лет жизни Эмари. Но не размер и простота артефакта памяти вынудили меня найти самый укромный уголок и буквально рухнуть на лавочку в тени разлапистой елки. И даже не сама процедура копирования, оказавшаяся весьма болезненной, – голова до сих пор раскалывалась на части. А то, что я заново пережила момент смерти. Аж два раза!

Я вспомнила каждую подробность жизни на Земле, даже то, что вроде бы и не могла. С самого рождения и до самой смерти. Сначала – Эмари, а потом – своей жизни. Изломанные тела подруг в шахте лифта... свое собственное... Эта картинка все никак не стиралась из головы, непролитые слезы жгли глаза. В памяти всплыли жуткие тени, что с каким-то бешеным азартом неслись следом за нами в шахту; мой совершенно дурацкий выкрик о выборе света; ослепляющая вспышка за долю секунды, когда, кажется, сама Смерть приняла нас в свои ледяные объятия.

Может быть, от забвения, ведь полноценной смертью случившееся после сложно назвать, меня... нас защитил свет? Уберег не тело, а хотя бы душу и личность – все, что она в совокупности собой представляет: память, эмоции, привязанности. Тогда как я попала в этот мир? Предположений было два: либо в Хартан меня

перетащили те жуткие тени, либо непонятный выброс энергии света как-то поспособствовал. Грубо говоря, создал дырку в пространстве – и выкинул мою... наши энергетические сущности.

И почти уверена, что ритуал Анхеллы тоже этому помог. Каким-нибудь магическим образом, ведь она явно обращалась к потустороннему миру, значит, как-то «рвала» пространство. Я же, нет, мы трое с девчонками это ощутили, ведь до смерти перепугалась не я одна, но и Вика с Женькой. Наверное, часть этой неизвестной ведьминской силы в момент ритуала коснулась и нас – усилила, переполнила. В результате совпало сразу несколько трагических случайностей, и вот я здесь, в другом мире и в чужом теле. Другого объяснения я не придумала.

Помимо этого, пугала еще одна мысль. Когда я обрела новое тело и роднилась с памятью его прежней хозяйки, то была сторонним наблюдателем чужой жизни, лишь слегка соприкасаясь с ней эмоционально через призму восприятия Эмари. А вот сейчас это было уже не кино, а настоящая жизнь. Опять же, с самого момента рождения и до самой смерти. Со всеми нюансами, переживаниями, ощущениями и мыслями. Дважды умереть за раз – чудовищно. Но мучило совсем не это.

«Свое» и «чужое» окончательно и бесповоротно смешалось, создав новую меня с прежними и новыми достоинствами и недостатками. Застенчивая и кроткая Эмария и достаточно опасливая и осторожная Мария, лишь в случае крайней необходимости способная постоять за себя. Ведь и Мария Васюнина с планеты Земля решительностью и смелостью никогда не страдала. Мы с Женькой всегда были под защитой Вики. Вот она, наша Шапокляк, из другого теста. Анхелла ее «темной» назвала. Если подумать, то все может быть, исходя из моих нынешних реалий.

И как теперь выживать без надежных тылов такой трусливой особе с излишне светлыми наклонностями ввиду усиленной наследственной магии жизни? А ведь у меня долги, титул и десяток беззащитных стариков на шее...

Задрав голову к небу, я занялась дыхательной гимнастикой, успокаивая свой внутренний «мир», как учили родители... Эмари, конечно. Больше я не могла считать их чужими людьми, слишком все остро, близко, лично пережила. Каждый день был прожит с ними,

каждая ласка и теплое слово сроднили. Поэтому отныне они и мои родители. Я – Мария, но и Эмария тоже.

Успокоившись, послала вестник Глерику, что пора возвращаться домой. Домой! В мое милое поместье. Надо собрать необходимые вещи. Двадцать пять золотых давали мне право не только обучаться в академии Ройзмуна, но и проживать на ее территории в персонально мне выделенной комнате в общежитии. С учетом удаленности академии от дома и будущих тяжелых нагрузок, я решила, что в будние дни буду ночевать в общежитии. А на выходные ездить домой. Ведь «Чудеса красоты» сами по себе не сделаются, заказы необходимо выполнять в срок и во все увеличивающихся объемах. Содержать себя и Ришен на что-то надо, как и копить на оплату следующих четырех лет обучения в академии.

Эх, как же тяжела жизнь восемнадцатилетней баронессы, сплошные трудности и тяготы. Повезло, что в принцессы не попала!

Глава 6

4 года спустя...

Третьего сентября моя коляска, управляемая Глериком, уже привычно катила по городским улочкам в сторону родной академии. Предстоял последний рывок – пятый год обучения. Зато следующим летом я стану дипломированным специалистом – целителем с лицензией и с правом лечить. Только в душе совсем не было радости, в ней вновь образовалось вязкое болото потери, одиночества и тоски. Месяц назад ушла из жизни рисса Лишана, самый дорогой и любимый мной человек в Хартане.

Прошлой осенью мы расплатились со всеми долгами и на мой счет начал поступать стабильный и достаточный для хорошей и спокойной жизни доход от аренды с баронских земель. Тяжелый труд по выходным на ниве производства косметических средств можно было бы прикрыть, но жаль забрасывать столь выгодное предприятие. Жаль, до момента смерти нянюшки. Убедившись, что за мою судьбу больше не стоит беспокоиться, что все плохое позади, она за зиму сильно сдала, а заниматься ее здоровьем категорически запретила. Честно сказала, что устала и соскучилась по погибшему мужу, по моему отцу, который был ей вместо сына, по Эмари, которую считала внучкой. Я же для нее стала Машенькой, сестрой ее маленькой драгоценной Ри.

И вот в июле Ришен осиротел, я осиротела.

– Смотрите лея, темные! – вывел меня из тягостного сумрачного раздумья взволнованный крик Глерика.

Вскинув взгляд, я увидела, как мимо нас, в сторону главной площади Ройзмуна, проехал небольшой отряд. Весьма примечательный, ведь сейчас семь утра, и только что торопившиеся по своим делам горожане со страхом и ненавистью провожали восьмерых конников. Семеро из них были в черной военной форме, брюнеты с бледной, почти молочной кожей. Короткие волосы небрежно обрамляли высокомерные лица с черными глазами и резкими, хищными чертами.

Между мужчинами затесалась женщина, молодая, красивая, но я бы сказала, внешне ее можно было бы назвать порочной. Волосы собраны в высокий гладкий хвост, на лице чуть больше, чем допустимо хорошим тоном в Байрате, косметики. Почти обычная в моей прошлой жизни белая рубашка с английским отложным воротничком и высокими манжетами на длинных рукавах, застегивающихся на три пуговички. А вот юбка чуть ниже колен, голени и икры в черных кожаных крагах, чтобы защитить ноги от лошадиного пота и потертостей... в общем, по меркам местных жителей, дамочка почти полуголая. И едет на высокой красивой кобыле, то есть у всех на виду.

– Срамота!.. – восторженно прошептал Глерик, с жадностью разглядывая периодически обнажавшиеся женские коленки.

Он у нас хоть и в приличном возрасте, но умом обделенный с рождения. И голые женские коленки видеть ему доводилось не часто.

А вот мне было совсем не до чьих-то коленок, я впервые ощутила флер энергетики противоположного вида магии, удушливо тяжелой волной проплывший следом за конниками мимо меня.

Болезненно передернув плечами, нагнулась и легонько шлепнула Глерика по спине, напомнив о деле. Пока мы добирались до академии, я невольно возвращалась мыслями к темным. Между Байратом и Ирмундом, королевством темных, весьма протяженная граница. Более того, Ирмунд расположен на земле, где еще очень активен темный источник, оттого и магия там более распространена и магов, соответственно, больше и они сильнее. А вот наше королевство, по сути, уже в «серой» зоне, здесь источник светлой магии иссяк, а отголоски соседних слабеют с каждым десятилетием. В связи с этим все реже и реже рождались маги в обычных семьях. Надеяться королевству можно только на тех, кому магия передастся по наследству. Но и она в каждом новом поколении без подпитки источника тоже слабела.

Хартан – мир магии, вот и войны здесь ведут в основном маги, поэтому нашему королю пришлось три года назад под давлением темных согласиться на переговоры о перемирии. И только спустя пару лет, этим летом, был наконец заключен предварительный мирный договор, о котором трубили на каждом перекрестке Ройзмуна. Правда его условий не объявили...

Добравшись до академии, мы разошлись по своим делам: Глерик понес в общежитие мой саквояж с вещами на неделю, а я отправилась в родной деканат отмечаться. Ежегодный взнос рисс Аруш еще первого сентября оплатил. Мой поверенный с каждым годом все больше и усерднее пекся о моих делах, ему весьма понравилось быть главным поверенным фин Ришенов с правом оттиска баронской короны. Его клиентская картотека претерпела значительные изменения: вместо «уголовников», сплошь влиятельные и солидные торговые дома и даже мелкие аристократы.

У парадного крыльца толпились студенты, шумели вперемешку первачи и старшекурсники. К сожалению, за время обучения я так и не нашла друзей. Сначала просто морально не могла, казалось, предам Вику и Женьку. Затем, когда тоска и боль утихли, однокурсники уже привыкли к моему отстраненному, немного отчужденному поведению и отношению к окружающим. Даже самые пронырливые парни, надеявшиеся за счет сироты баронессы обзавестись титулом, остыли. В том числе племянник нашего декана, наглый и неприятный тип. Хорошо, что меня, ответственную и толковую ученицу, завалить на экзаменах и зачетах не просто. А нахрапом жениться еще сложнее – рисс Аруш защищает.

– Что случилось? – спросила я у однокурсницы Златы фин Рыбки.

Я невольно напряглась, девушка походила на натянутую струну, с мрачным напряжением наблюдая за законниками, у входа в академию сверявшими каждого студента со списками.

Взглянув на меня, голосом, не предвещающим ничего хорошего, она пояснила:

– Секретарь ректора сообщила, что объявлено общее построение. Ровно в восемь, со звонком на первую лекцию, ректор сделает важное объявление для всей академии.

С Золотой Рыбкой подругами мы тоже не стали, хотя она мне нравилась. После того первого экзамена и ее совета я невольно наблюдала за ней. Любопытно, что эта аристократка из не менее древнего светлого целительского рода вела схожий с моим образ жизни. Ни с кем не сходилась, парней сторонилась, будние дни проводила в общежитии за книгами, а на выходные отправлялась домой, в родовое поместье. У поверенного я узнала, что, как у фин Ришенов, у фин Рыбок тоже скромный уезд и доход, они ведут

замкнутый образ жизни и почти не принимают гостей. Только, в отличие от меня, у Златы еще есть старший брат, наследник рода, и две младшие сестры.

Так вот, поведение Златы подтолкнуло меня на схожий образ жизни. Однако, если ей удалось выдержать золотую середину «среднячка», я нечаянно или по глупости оказалась в пятерке сильнейших учениц своего факультета. Хвала Богам Хартана, хоть иллюзию научилась накладывать на свои искрящиеся звездами глазки, теперь даже в пик эмоций они сияли ровным изумрудным цветом, без «улик» мага жизни.

Через час внутренний двор академии заполнился до предела взволнованными студентами всех пяти курсов. На подмостках впереди деканов пяти факультетов хмуро смотрел на шумную толпу молодежи ректор Эльват фин Жигаль. Дождавшись относительной тишины, он начал речь:

– Приветствую всех студентов Ройзмунской магической академии! Как вы знаете, два месяца назад между Байратом и Ирмундом заключено предварительное соглашение по мирному договору. – Многоголосый ропот ректор тут же пресек гневным взмахом руки и продолжил более сухо и бескомпромиссно: – И одним из первых шагов к примирению послужит обмен студентами между двумя академиями магии. Ройзмуна и Далейта.

– Что-о-о?.. – прошелестел недоверчивый вопрос сотен студентов.

– Тридцать наших студентов этот учебный год будут обучаться в Ирмунде. А тридцать темных – в Байрате. Уверен, каждый из вас понимает, что темные – сильные маги. Поэтому его величеством было принято непростое, но взвешенное решение, что в Ирмунд отправятся самые сильные из вас. Те, кто входит в пятерку лучших согласно академическому списку успеваемости. Мы обязаны предоставить учащимся от каждого факультета и курса, но, как вы понимаете, первокурсники в списки не войдут. Отправятся студенты со второго по пятый курс. И с учетом особенностей образовательной системы академии Далейта, большая часть выбранных нами студентов будет с боевого факультета...

– Это невозможно!..

– Вы не имеете права!.. – неслось со всех сторон.

А я, холодея, судорожно считала: «Пять факультетов, четыре курса и необходимые тридцать жертв».

То, что жертвы даже сомнений не вызвало. За четыре года обучения среди байратских магов я узнала много чего. И о темных, с кем родное королевство не один десяток лет вело тихую войну, тоже. Помимо прочих негативных особенностей, связанных с «побочным» влиянием темной магии, а именно: вспыльчивым мстительным характером ее носителей, живущих по праву сильного, ходили слухи, что у границ с Ирмундом нередки случаи похищений светлых магичек. Брак со светлой, якобы, позволял стабилизировать непредсказуемую темную магию, снизить «побочку». И сейчас решается, кого отправят в логово к зверю...

Мы невольно обменялись озабоченными взглядами со Златой, похоже, и она думала в том же направлении.

– Обмен студентами между академиями послужит первым шагом к примирению, вторым, есть такая вероятность, может стать брак между принцессой Барияр и повелителем Ирмунда...

– Интересно, чья это идея об обмене? – прошипел позади кто-то из парней.

– У меня есть подозрение, что кое-кто сверху надеется, что наших в Ирмунде укукошат и брака пресветлой Барияр и повелителя темных можно будет избежать, – прошипел кто-то едва слышно, но более злобно.

– Она же не магичка, какой смысл в этом браке? Ее темный энергетически высушит и все, – прошелестело еще тише.

– Ну, может, поэтому наших туда и отправляют на убой...

Ректор повысил голос, пытаясь громовым рыком заглушить испуганные выкрики:

– Уставом академии, с которым вы все были ознакомлены под роспись, предусмотрено, что в процессе обучения вы обязуетесь выполнять требования академии. И проходить обучение там, где вам укажут. Для тех, кого выбрали для обмена, изменится только место пребывания и обучения, диплом вы получите нашего образца. Единственный момент: пятый курс получит диплом по результатам выпускных экзаменов академии Ирмунда.

Я сдержалась, хоть до зубовного скрежета хотелось выругаться. Ведь программа темных однозначно отличается от нашей, «повезет»

же тем, кого отправят выпускаться в Ирмунд. Хвала всем богам, это буду не я. Мое место лишь пятое в списке успеваемости своего факультета, а большая часть «счастливиц» с боевого.

– Итак, сейчас я оглашу фамилии тех студентов, что отправятся в Ирмунд на этот учебный год, – прогремело поверх голов и двор залила неестественная, могильная тишина.

Следом камнем в колодец падали фамилии «избранных». Двадцать представителей боевого факультета со второго по пятый курс. Среди которых три девушки и семнадцать парней. С природного факультета, где обучали стихийных магов для бытовых и аграрных нужд, отобрали шестерых, одну девушку и пятерых парней. С факультета артефакторики отобрали двух, выпускника и второкурсника. От менталистов прозвучала лишь одна фамилия парня с третьего курса, иллюзиониста. Этот факультет, как и целительский, малочисленный и каждый маг на карандаше у короны. Иллюзионисту не повезло как менее всего нужному. Эта категория магов в основном в индустрии развлечений востребована. Таким можно и пожертвовать.

И мне бы успокоиться, но тревога, наоборот, нарастала. Потому что в списке будущих жертв оказались не самые сильные студенты. Стоило выбранным возмутиться этим фактом, указав, что занимают гораздо более низкие места по успеваемости и категории силы, вспомнился весьма интересный момент. Последнюю неделю газеты анонсировали о десятках заявленных помолвок, в которых я узнавала родовитые фамилии тех, с кем училась в академии. И невольно удивлялась такому повальному желанию соединить свои судьбы и жизни. Ведь маги же...

Сейчас же стало известно, что те, кто готовится к свадьбе, не подлежат обмену. А значит, приближенные к королю, заранее узнав о готовящейся подставе, обезопасили своих наследников и близких. Осталась лишь одна фамилия и мой факультет, но я лишь пятая и...

– Лея Эмария фин Ришен, пятый курс, целительский факультет! – раздалось громом среди ясного неба.

Растерянно оглянувшись, я поймала сочувствующий грустный взгляд Златы. Презрев этику и субординацию, сипло выкрикнула:

– В списке я только на пятом месте, на каком основании вы выбрали меня?

– Я сожалею, но четверо учащихся, что стоят перед вами, исключены из списка по различным обстоятельствам. Либо находятся на лечении, либо готовятся к свадьбе, – ответил декан моего факультета.

Как же я ошиблась в нем тогда, в первый день экзаменов. Мой отказ участвовать в матримониальных планах его племянника резко изменил отношение декана ко мне. Зверем глядя на него поверх голов однокурсников, я холодно усомнилась:

– На лечении? Сильнейшие студенты целительского факультета?

– Случается и такое. Лей Гай фин Маршелье вчера упал с лошади и повредил обе руки, полное восстановление займет длительный период, – получила я ответ с кривоватой ухмылкой.

Фин Маршелье, сын герцога. Ну еще бы! Где наследник богатейшей фамилии, а где темная академия?! Целительский факультет, в отличие от других, самый родовитый, так уж случилось. Еще и девушек сюда поступает пополам с парнями, только последние более шалопаистые, поэтому и в рейтинге успеваемости ниже, чем девчонки. Только нашему королю академии Гаю Маршелье по статусу не положено быть в отстающих, он потомственный маг жизни и будущий личный целитель короля и его семьи. В отстающих быть нельзя, к темным нельзя, а вот «сломать» обе руки – запросто.

Может признаться, что я тоже маг жизни? Я уже открыла рот и подняла руку, но в этот момент услышала тоненький обреченный скулеж. Рядом, глотая слезы, аж обеими руками закрывала рот Майя Даклен, на весь факультет единственная провинциалка из глубинки, можно сказать, самородок и... шестая в списке. Если я откажусь, к темным отправится она. А Майя – это прежняя Эмария в кубе, робкая, забитая, бедная девочка, которая поступила в академию в надежде на лучшую жизнь. Училась как проклятая, чтобы по завершении академии найти хорошую работу и помочь родным. Терпела нападки богатеньких дураков, и сжималась стоило хоть кому-то обратить на нее ненужное внимание.

И... я просто не смогла вытолкнуть из себя ни слова, глядя в расширенные от ужаса зеленые глаза. Моя рука сама по себе медленно повисла плетью вдоль тела, а внутри все сжалось от осознания как же сильно и глобально я попала. Неважно, что здесь мне всего двадцать два, ведь я прожила аж две жизни. И с учетом жизни на Земле, я себя и

в этой ощущала двадцатипятилетней, умудренной тяжелым опытом и двумя смертями женщиной. Поэтому двадцатилетняя худенькая и маленького росточка Майя воспринималась девочкой. И ее, без сомнений, у темных соседей не просто сломают – уничтожат физически.

– Вот и все новости, мои уважаемые студенты. Все многоуважаемые, мной перечисленные, остаются здесь, остальные приступают к занятиям. Всем удачи! – похоронным маршем прозвучало распоряжение ректора.

Впервые за четыре года обучения площадка стремительно опустела. Раз – и остальные испарились, словно шагнули в порталы. Хотя, конечно, может кто из менталистов и открыл парочку.

Я осталась на месте, как и «неостальные» жертвы перемирия народов, замершие статуями. С помоста неторопливо спускались деканы с сочувствием разглядывая нас, и лишь мой злорадно улыбаясь глазами, смотрел прямо на меня. Вот ведь гад, ни капли сомнений не оставил, кому я обязана отправкой в темный ад. В следующее мгновение ад начался: нас оцепил по периметру отряд стражников. Их командир, суровый и солидный офицер, получив от ректора кивок одобрения, подошел к каждому избранному и поставил печать на запястье. Как скотину пометил, козел!

– Что это? – сквозь зубы выдавил один из боевиков.

– Печать обязательства, – сухо пробасил законник. – Гарантия вашего прибытия сюда через двое суток, выделенных вам на сбор вещей и прощание с родными. Повторяю, ровно через два дня переход в академию в Далейт – столицу королевства Ирмунд. Сейчас вы свободны. Не советую терять время на попытки побега – печать не даст вам этого сделать и вернет сюда к восьми утра третьего дня. И мы будем вынуждены отправить вас с тем, что будете иметь при себе.

Шах и мат! Я обвела бесстрастные лица законников и немного виноватые преподавателей, остановилась взглядом на ректоре и с ледяным высокомерием произнесла:

– Я требую возвращения мне двадцати пяти золотых, которые мой поверенный внес за пятый год обучения. Раз уж я вынуждена столь опасным способом для собственной жизни служить на благо королевства, уверена, мои старания должны быть вознаграждены должным образом. – Заметив, как Эльват фин Жигаль оторопело

приоткрыл рот, наверное, чтобы возмутиться, с угрозой продолжила: – Позднее мой поверенный свяжется с вами и по поводу возмещения за все годы моего обучения в академии, включая компенсацию за этот навязанный мне поход к темным... О ее размере он сообщит уже лично!

– Мы вас услышали, баронесса фин Ришен, и готовы удовлетворить ваше требование, – сухо кивнул лей Эльват фин Жигаль с хрустом сжав челюсти.

Аналогичное требование высказали еще пятеро избранных, правда, более вежливым тоном и поосторожнее. Оно и понятно: аристократка среди небольшой компании «платников» одна я, остальные из семей торговцев и ремесленников. Тем не менее, без денег и связей титул не спас меня от произвола.

Внезапно раздался строгий, спокойный и решительный голос Алесана Рорика, студента с пятого курса боевого факультета:

– Считаю, студенты на бесплатной форме обучения имеют право на иной вид возмещения. Я требую сократить срок обязательной службы по контракту с академией Ройзмана с десяти лет до одного года, который мы и проведем в Далеите.

– Списать вам все десять лет долга перед академией и короной? – опешил ректор от нашего массового напора.

– На границе с темными боевые маги считают свой военный стаж один к трем, – неожиданно вмешался один из законников, видимо, пытаясь помочь ректору.

Зря он так думал. Алесан достойно парировал:

– На границе с темными боевые маги на своей территории, под защитой своих, а мы одни в тылу врага. Без поддержки! Без защиты! И пока еще не боевые маги!

Я выделила этого голубоглазого блондина с мужественным подбородком, украшенным ямочкой, и запомнила среди многих не за яркую внешность и не за славный, даже благородный характер, и не за хорошие манеры. Просто еще на втором курсе, уже полностью приняв новый мир и новую жизнь, я как-то забрела в таверну в центре столицы и нечаянно увидела Алесана в компании Этеиса Мара, тогда еще первокурсника с факультета менталистики. Сейчас Этеис на четвертом курсе и тоже в нашей компании будущих смертников. Эти двое подрабатывали в таверне музыкантами, играли на разных

инструментах и пели, хорошо, душевно. Голоса у них красивые, проникновенные. С того момента я частенько ходила в ту таверну, выяснив по каким дням они там работают и с удовольствием слушала их.

– Думаю, ваш студент прав и имеет право на удовлетворение требования. Все, кто учится за счет короны, – заявил офицер законников.

Скрипнув зубами, ректор одарил меня как первопричину проблемы с компенсациями крайне недовольным взглядом и кивнул нам, приглашая следовать за собой.

Вскоре, вернув свои кровные золотые, я покинула академию. Прежде чем отправиться собирать вещи, поехала к риссу Арушу утрясти все финансовые и юридические вопросы по управлению делами баронства в свое отсутствие.

У меня все леденело от страха перед зловещими перспективами, а вот кожа на запястье, наоборот, нагревалась, пока я уезжала дальше от академии. Ненавистная печать законников напоминала о долге перед короной и обязательстве вернуться к сроку. Несмотря на полный раздрай, я мысленно составляла план самых необходимых дел, чтобы оставить Ришен и его обитателей на целый год. Умирать я точно не собиралась, так что мы еще посмотрим кто кого.

Золото, что уже вернули и, я уверена на все сто, еще стрясет рисс Аруш с академии, – хорошая страховка. Если я погибну, она поможет верным пожилым слугам не умереть с голоду и найти кров, чтобы прожить отмеренный судьбой срок достойно. Ведь корона изымет «освободившийся» титул и поместье безвременно почившей юной баронессы фин Ришен по причине отсутствия наследников. А если вернусь домой живой, неплохой золотой запас значительно облегчит мне жизнь и увеличит возможности. Можно будет открыть частную практику и собственную клинику. Эх, мечты, мечты! Но кто не умеет мечтать, тот, по сути, не умеет жить!

Так что отныне моя главная задача – выжить!

Глава 7

Два дня это много или мало?

Это ничто для тех, кто отправляется в ад!

В крошечном молчании, сгустившемся на площадке перед академией Ройзмуна, под напряженными взглядами сотен магов происходил обмен студентами. Мой поверенный выразился более мрачно: «Обмен заложниками».

Двое суток рисс Аруш, наплевав на мои запреты, поднимал все свои связи, чтобы «выдрать меня из группы смертников». Шантажировал, угрожал, умолял, пытался подкупить – не вышло!

Все боялись ввязываться в это буквально темное дело. Ведь на кону перемирие с темными и вероятный брак темного повелителя со светлой принцессой. Поэтому условия отбора «самых сильных и достойных» – фикция. Самые сильные и достойные и самому Байрату пригодятся, у нас их гораздо меньше, чем у темных, а вот почему бы твердых середнячков не проверить на выживаемость среди темных акул? Поэтому и выбрали в основном с боевого факультета, а довеском к ним – группу «поддержки» с других факультетов, ну и для разнообразия. И да, моя фамилия в темном списке оказалась исключительно благодаря горячей протекции декана целительского факультета. Собственно, идти должна была Майя Даклен. Как и я, сирота, но нищая и полностью зависимая от академии.

Я сама совсем не герой и уж точно не мазохистка, чтобы кого-то прикрывать грудью, но перед глазами два дня стояли переполненные ужасом Майкины зеленые глаза и ее до синевы закушенный кулак, чтобы не выть от отчаянного страха. Поэтому я не смогла, просто не смогла согласиться с Арушем и устроить публичный скандал на весь Байрат, чтобы попытаться, именно попытаться опротестовать свое участие и замену на Майю. Я умирала уже дважды, я старше и опытнее, а эта девочка гораздо слабее меня духом. Почему-то внутри ярким огнем горела уверенность: у меня еще есть шанс побороться с судьбой, у нее – сто процентов нет.

Мало ли что надежда умирает последней, я все больше убеждалась: все трепыхания бесполезны. Особенно после

возмущенных рассказов Аруша о том, какие слухи ходят во дворце и среди наиболее приближенной к короне знати. Список студентов заранее утвердили на самом верху; мой титул, фамилию и дар точно не пропустили! Помимо будущего мира, предполагался брак байратской принцессы с повелителем темных. И Аруш едва не слюной брызгал от бессильной ярости, с полной уверенностью заявляя, что баронесса фин Ришен – бедная сиротка, замкнутый нежный цветочек с идеальной репутацией – будет отличным объектом для проверки на выживаемость среди темных. И если чудо случится, девушка-цветочек выживет, еще послужит в будущей свите принцессы.

Правда, к моему тщательно скрываемому ужасу, в моем везении рисс Аруш сомневался. И ведь он крайне редко ошибался и был, можно сказать, всезнающим. Более того, за два дня он подготовил массу документов, что без слов говорило: готовился к худшему. Попутно, вызывая у меня истерический смех, мой поверенный с нескрываемым пессимизмом драматично прощался со своей должностью баронского поверенного и отличными перспективами, к которым за четыре года уже основательно привык. Все же Аруш – верный себе меркантильный пройдоха, хоть и надежный, и близкий. В общем, смех и слезы!

Нас меняли тридцать на тридцать: двадцать девять студентов плюс куратор из преподавателей. Мы стояли возле рукотворного карьера – конусовидной ямы с отшлифованными временем, а может и специально, стенами. В эту дыру можно было спуститься или подняться по узкой приставной лестнице. На довольно просторном дне сияли ровным голубым светом каменные ворота активированного стационарного портала. Его специально разместили таким образом: если враг прорвет пространство, то окажется в каменном мешке, из которого еще надо выбраться.

Я потрясенно вытаращилась на куратора темных, первым вышедшего из марева портала, – здоровенного лысого мужика в небрежно накинутой на плечи черной шелковой мантии с золотой преподавательской эмблемой на груди. В черных облегающих штанах и рубашке, расстегнутой чуть не до пупа. Яркий, харизматичный, с полуголой волосатой грудью. Первое впечатление, что они не препода, а стриптизера к нам послали.

Темный куратор ступил на верхнюю ступеньку и смерил нашу группу, которая вот-вот отправится на «ту» сторону, таким презрительно-темным взглядом, что первое недоуменное впечатление сразу же рассеялось. «Пахло» от него сильно и густо, только не потом, а темной энергетикой, подавляющей, шершавой, оставившей мерзкие болезненные царапки на моей коже, заставившей передернуться от неприязни.

Следом за темным куратором поднимались не менее впечатляющие студенты. Высокие, черноволосые, крупные парни с абсолютным превосходством на красивых хищных лицах. Хищных не чертами, а выражением непонятного мне голода, похоти, торжества. Словно их не в стан врага привели, а волков по глупости и незнанию в овчарню к жирным овечками пустили. На широченных плечах темных не менее небрежно болтались шелковые накидки, только, в отличие от преподавательской, серые и короткие, длиной чуть ниже ягодиц. Это не наши черные глухие ученические мантии до лодыжек, с цветной нагрудной нашивкой факультета, которые мы носили с гордостью, даже бывая в городе.

Последними выходили пять девиц, великолепных фигуристых длинноногих, и вот на них вся моя группа вытаращилась, забыв о приличиях. И было на что посмотреть...

Я словно смотрела сериал анимэ про подростков из частной закрытой школы, где носят специализированную форму. Помимо серых накидок на девицах были облегающие черные пиджачки-рубашки с отложными воротничками, клетчатые юбки в мелкую складку и длиной до колена, разноцветные гольфы, туфли на каблучках и с крупными пряжками. Двое голубоглазых блондинок (оказывается, не все темные темной «масти»!) и трое брюнеток собрали свои густые шевелюры в высокие игривые хвосты на макушке. Плюс ко всему этому безобразию, по мнению байратцев, девушки не пренебрегли косметикой, причем очень даже. Просто блеск!

Лично я, наоборот, улыбнулась, окунувшись в воспоминания. За почти пять лет я не успела напрочь позабыть Землю. Для меня голые девичьи коленки и накрашенные глаза и губы, в общем-то без излишеств, со вкусом и красиво, безобразием не являлось. Зато невольно просочилась занятая мысль: «Может хоть там брюки не возбраняется носить, ну постоянно, как джинсы на родине?»

В Байрате не запрещается, вроде. Но у аристократии принято только для верховой езды. Однако с этими красивыми животными у меня отношения не сложились. Первая и последняя попытка научиться ездить верхом закончилась драматично и травматично: я взлетела, подкинута крупом коня, а потом с грохотом рухнула в кучу мусора и досок. Чудом не убилась. И больше не рисковала. На фиг! Только в брюках удобно и привычно, поэтому, благодаря глухой длинной ученической мантии, я в основном в них ходила. Сегодня тоже в юбку-брюки «нарядилась» – на чужой территории пригодится.

Последней из портала выплыла огромная черная сфера, до отказа забитая сумками. И стоило ей подняться над ямой, ректор громко произнес:

– Байрат приветствует студентов темной академии Далеита на своей земле. Надеюсь, этот год вы проведете с пользой и получите достойные знания.

Куратор темных криво ухмыльнулся, лишь кивнув в ответ, и обернулся к нам, напряженным смертникам, построенным в две шеренги. Скользнув по лицам взволнованных и, чего греха таить, перепуганных светлых «избранных», многозначительно предупредил:

– Портал долго держать открытым не будут, вас ждут! – Затем, пробежавшись цепким взглядом по светлым девушкам, осклабился и добавил: – С огромным нетерпением!

У края порталной ямы стоял наш куратор – мэтр Дей Лорес, тот самый преподаватель-стихийник с боевого факультета, который встретил меня на экзаменах при поступлении. Высокий, довольно крупный, черноволосый и черноглазый, со шрамом на правой щеке, всегда и везде предпочитавший черную одежду. Внешне мэтр Лорес похож на ирмундцев. Однако за четыре года обучения и на его занятиях я выяснила: он благородный мужчина, хоть и очень замкнутый, малообщительный. Сегодня краем уха слышала, что он почему-то сам вызвался в кураторы по обмену.

Мэтр Лорес смерил темного куратора ледяным взглядом, затем коротко кивнул ректору и начал спускаться к portalу. Рядом с ним летела гораздо более скромная сфера, заполненная нашими сумками. Студентам тащить свои баулы светлейшие преподаватели сочли не правильным. Ректору хотелось, чтобы мы демонстрировали силу и неприступность светлых, а не походили на вьючных животных.

Увы, на темную сторону выходили мы, хоть и не нагруженными, но уж точно не доблестными могучими воинами. Я была замыкающей. И чтобы сделать шаг в марево портала, пришлось приложить невероятное усилие, буквально заставить себя совершить это движение, сродни прыжку в пропасть.

Стоило мне очутиться на другой стороне, портал за спиной схлопнулся, обдав холодным сквозняком темной магии. Я испуганно осмотрелась, боясь упустить впереди идущих своих. Оказаться один на один с темными – врагу не пожелаешь. Особенно мне, магу жизни, слабой девушке. Липкий, похотливый, с намеком взгляд темного куратора и его не менее многозначительное замечание напугали до сжавшейся ледяной пружины в груди.

Столица Ирмунда встретила нас духотой последних летних дней и ослепляющим солнцем. Я даже зажмурилась, глаза заслезились. Портал в темной академии тоже выходил на площадь, только, в отличие от наших ворот, здешние оказались на каменном возвышении, откуда мы спускались по широким полукруглым ступеням.

Растерянно оглянувшись назад, в рамке деактивированной порталной арки я увидела парк с множеством дорожек, с двумя пустующими вытоптанymi площадками со спортивными сооружениями для тренировок. Я нечаянно споткнулась и опустила взгляд на площадь, гораздо большую, чем в светлой академии. А вот дальше потрясенно замерла, словно призрака из прошлого узрела. На противоположной стороне плотно заполненной людьми площади красовалось невероятное здание, словно кто-то перенес Кельнский собор с Земли на Хартан, в Ирмунд, соединив камень и стекло, монументальность и воздушность, смешав каменное кружево с красочными разноцветными витражами, архитектурными порталами и арками. Только у этого гигантского сооружения оказалось не две башни-близнеца, а три. Навскидку все три не менее чем на сто пятьдесят метров устремлялись ввысь острыми готическими шпилями.

К главному арочному дверному portalу широким полукругом ступеней поднималась внушительная лестница, на нижних ступенях которой замерли с несколько мужчин в длинных шелковых мантиях. В отличие от куратора, ушедшего в Ройзмун, на этих темных мантии застегнуты на четыре пуговицы, у шеи и на груди, а вот от талии полы свободно трепал ветер. К этим пока незнакомцам, одетым без капли

небрежности и вполне себе аккуратным и солидным, нас пригласил встретивший сразу после перехода мужчина.

Площадь перед академией была заполнена под завязку. Даже на первый взгляд и лишь навскидку студентов здесь раза в два больше, чем в Ройзмуне. Высокие, крепкие, такие непохожие друг на друга, они все одинаково плотоядно изучали нас. Девушки в уже знакомых коротких юбках; парни в черном, штанах в обтяжку и расстегнутых на груди рубашках. И словно в насмешку над правилами, в небрежно накинутых на плечи коротких серых плащиках-мантиях.

Мы шли за мэтром Лоресом по узкому проходу между студентами, как утята за мамой-уткой, опасаясь замешкаться и потерять из виду впереди идущего. Я ощущала темные магические «щупы», с помощью которых с нами знакомились темные парни и девушки. Хорошо, что пока лишь магически, а не мануально...

И если я вначале думала, что парни опаснее, ошиблась. Девушки здесь без всякого стеснения, открыто облизываясь, с жадным любопытством изучали наших парней, а на нас, светлых девушек, смотрели с презрительным высокомерием и превосходством. Словно голодные вампириши выбирали сладеньких человечков на обед. Бр-р!

Нам конец! Мне точно, ведь я со своей повышенной светлостью противостоять им долго не смогу. И все же остаться вовсе без магии и подпитки своего резерва – совсем уж днище. Поэтому мысленно я судорожно анализировала не только самих темных, но и свои ощущения на земле темного источника. От окружающих «двуногих» исходила неприятная энергетика, от кого-то лишь слабо фонило, от кого-то смердело так, что сглатывала горечь.

А вот земля, по которой я ступала, воздух, каким дышала, не особо отличались. Скорее непривычно было, словно я из среднерусской полосы внезапно шагнула в тропический лес в период дождливого сезона. И воздух с непривычки был душным, тяжелым, с повышенной влажностью. Привыкну к этим особенностям, нужно только время и терпение. В Ирмунде, неподалеку от Далеята, действует весьма сильный темный источник, но, как убедилась, не сам источник проблема для светлых.

Собственные ощущения и лекции по типовым различиям магии, вынудили согласиться: действительно, все зависит от самих людей, а не источника, рядом с которым родился. Жить можно, где угодно, если

найдешь общий язык с окружающими. Даже у мага жизни проблем с восполнением энергетического резерва не будет, только со скоростью усвоения. На своей светлой земле я бы напITYвалась за минуты, на темной – потребуются часы. К сожалению, мои будущие проблемы точно не в источнике и не подпитке, а именно – в местных людях, в различном менталитете.

Наконец мы выстроились полукругом, двумя рядами напротив преподавателей, которые, похоже, всем составом вышли на широкую лестницу главного входа в академию поглядеть на нас. Не все были настолько колоритными как тот, что отправился куратором на светлую сторону. Разные: выше, ниже, более и менее симпатичные, худые и толстые – все слишком оценивающе изучали наши лица и фигуры. Молчание затягивалось.

Стараясь делать это не так откровенно, я тоже изучала их, как и мои земляки. Правда, случайно начала с тех, что стояли дальше. Так вот вы какие, те, кто будет меня учить последний, надеюсь, не в прямом смысле, год. Наконец мой взгляд добрался до крайней пары мужчин, что стояли напротив меня.

Я предположила, что именно этот сухощавый высокий синеглазый солидный брюнет, с седыми висками, в тщательно отглаженной и застегнутой черной мантии с золотой эмблемой на груди и есть ректор академии Далеита. Ректором темных может быть только действительно сильный маг, это знали все. Этот представительный мужчина выглядел лет на пятьдесят по земным меркам, значит по местным – ему лет двести, однозначно. Это означает, что опыта набрался разного и под завязку. Мы встретились с ним глазами, пару секунд изучали друг друга, затем его взгляд равнодушно скользнул дальше.

А я, выдохнув, перевела взгляд на его соседа слева. Высокого, худощавого, мускулистого, но не качка, скажем так. Черная шелковая мантия свободно стекала с его атлетических, но не перекаченных плеч, золотая эмблема на слегка выступающей, четко очерченной широкой груди сияла на солнце. Руки он держал за спиной, в развевавшихся на ветру полах его мантии были видны прямые строгие черные брюки, можно сказать, «дворцовые» туфли с серебряными пряжками и, кажется, жилет – чуть ниже четвертой пуговицы мантии выглядывали синего цвета уголки и цепочка от часов, обычно свисающая из маленького бокового кармана.

Однако привлек он больше не своей подтянутой высокой фигурой и непонятым «ароматом» энергетики, встревожившим мою магическую суть, а платиновой шевелюрой до плеч и нереально черными, глубокими, чуть раскосыми глазами в обрамлении густых белесых ресниц и серых бровей вразлет.

Вспомнилось, как в первый день поступления в академию Ройзмуна я пыталась определить направленность магии мэтра Лореса. Ведь на Хартане только у двух видов магов глаза отражают суть энергии. У целителей – зеленые, у некромантов – черные. У всех остальных светлых и, сегодня убедилась, темных тоже, радужка глаз любая. На первом курсе выяснила разницу между обычным черным и магическим черным, когда встретила студентов некромантов, которых в Байрате единицы, и все они потомки стародавних переселенцев с темных земель, получившие свой дар по наследству. Так вот, радужка у некромантов неестественно черная, глянцевая, такую не перепутать. Вот и у этого мужчины глаза чернее черного.

И какие это глаза... и лицо... Чуть вытянутое, я бы сказала, аристократичное лицо в мягких объятиях серебристо-серых волос, кончики которых, слегка загибаясь, почти соединялись под четко очерченным, немного заостренным подбородком. Золотистая загорелая кожа. Нижняя часть лица серебрилась от щетины, видимо, утром мужчина пренебрег бритьём. Верхняя губа полнее нижней и почти без носогубной складочки в центре, отчего рот казался более чувственным, хоть и великоват. Нос прямой, но достаточно крупный и выступающий, орлиным не назовешь, но и аккуратным тоже. Благородные высокие скулы. Умный лоб, без морщин.

Я забылась, откровенно рассматривая неординарного незнакомца. Слишком необычный тип: платиновый блондин с черными глазами и золотистой кожей. С энергетикой, тоже совершенно ни на чью не похожей, будто веяло океаническим бризом – на языке почти физически ощущался солоноватый терпкий привкус. Однако я не обманывалась, в этом «море» тишь да гладь, а стоит потревожить безмятежный штиль, вместо соли морского ветерка на языке может появиться солоноватый привкус крови.

В себя меня привел его черный, цепкий, внимательный взгляд, словно ножом полоснувший. Этот мужчина не просто темный, а темный-претемный некромант и чернильная радужка не цвет, а

отражение магии. Тогда почему я смущенно отвела глаза, а не от страха?

– Приветствуем вас, студенты Ройзмуна, в стенах академии Далеята, на земле Великого Ирмунда! – прозвучал в резко наступившей тишине отлично поставленный голос того самого сухощавого мужчины, которого я определила в ректоры.

Услышав про Великий Ирмунд, мы напряглись. Мечта повелителя темного королевства стать империей многим давно известна. А тут, выходит, уже и не скрывают своих наполеоновских планов.

Насладившись нашими мрачными лицами, мужчина продолжил:

– Я Террас ди Лан, сто шестой ректор академии.

Мэтр Лорес вскинул руку и мы заученно гаркнули:

– Мира и процветания Байрату и Ирмунду!

Можно сказать, отомстили за «Великий Ирмунд», назвав первой свою, а не принимающую сторону. Как учили, без отсебятины.

Ректор этой академии – аристократ, потому что приставка «ди» в Ирмунде присваивается только высокородным. И обращаются к ним эйта и эйт, а к нетитулованным жителям – ир и ири. А вот уточнение про количество ректоров темной академии – презрительный плевок в сторону светлых, ведь ройзмунская создана гораздо позднее и управляет ею сейчас лишь сорок девятый ректор. В общем, нас уели.

– К преподавателям нашей академии вы будете обращаться как мэтр, мэтресса, тут у нас с вами различий нет. А вот дальше – существенные, – на нас вновь устремились синие, насмешливые глаза ректора, скользившие с лица на лицо. – Обучение у нас длится тоже пять лет, но отсутствует разделение по факультетам. Все студенты обязаны получить общие базовые знания, есть обязательный перечень предметов, после освоения которого выпускникам выдается диплом о завершении академии. Однако мы учитываем магическую направленность, способности и личную предрасположенность к тем или иным профильным направлениям магии у студентов. В связи с этим у каждого, помимо базового перечня предметов, есть персональный. Таким образом все наши выпускники являются магами-универсалами, усиленными дополнительными личными, отлично развитыми и отшлифованными способностями.

Мэтр Лорес даже глазом не моргнул, он явно знал все это. Слышала, что раньше он служил столичным законником, даже

возглавлял какой-то отдел, вроде бы следовательский, но что-то не поделил с начальством, да так, что чудом не на каторгу, а в преподаватели попал.

– Как и дома, здесь вам будут предоставлены комнаты для проживания, бесплатное питание и обучение... – продолжил говорить ректор, а я неосознанно вернулась взглядом к серебристому блондину и замерла, попав в ловушку его черных глаз.

Его необычная внешность цепляла, а спокойный, даже, я бы сказала, непроницаемый вид не позволял отвести глаз. И я изучала, все тщательнее и пристальнее. Аристократ, к ведунье Анхелле не ходи! Наверняка он, как и Террас ди Лан, может многим похвастаться. Если не должностью сто шестого ректора, то вполне чем-нибудь в духе «граф в сто пятнадцатом поколении». Уж слишком характерная осанка и манера держаться. Не натянутая напряженной тетивой спина, а вот прямая от абсолютной и стопроцентной уверенности в себе как маге, мужчине и родовой избранности. Не из самомнения и высокомерия задранный подбородок, а по наследственной привычке чуть приподнят, чтобы сверху вниз со своего трона небожителя взирать на смертных. Руки, расслабленно заведенные назад и наверняка сцепленные пальцы; ноги, немного расставленные, наверное, ему привычнее уверенно и твердо стоять, чем сидеть или празднично валяться.

Я невольно восхищалась и трепетала перед этим сильным и умным «самцом». Причем, в жизни – в обеих моих жизнях! – я таких стальных мужиков не встречала. И надеялась, что предательским румянцем на щеках себя не выдала – старательно держала на лице бесстрастную маску. Которая чуть не слетела, когда этот великолепный мужчина окинул меня более пристальным взглядом, в котором промелькнуло удивление и интерес.

Я напряглась. Ощущать эмоции способны только целители, назвавшие кого-то пациентом. А достаточно сильные могут и без «волшебных» слов ловить сильные эмоции окружающих. Я вот, к примеру, могу, хотя приятного в этом точно ничего нет. На лекциях про некромантов ничего подобного не говорили.

Но взгляд мужчины оставался таким же, едва заметно любопытствующим. Может, я его своим даром удивила? Тем, что меня, такую, излишне светлую к ним прислали? Наверняка! Убедив себя, что

блондин никакой не эмпат, я отвела взгляд. Нечего привлекать к себе ненужное внимание.

– Итак, представляю вашему вниманию двадцать девять новых студентов, которых мы получили взамен наших сильнейших и лучших, – произнес ректор таким тоном, словно они получили слабейших и худших. Можно сказать, золото на медяки поменяли. – Начнем с выпускников, тем более, их больше других. И главное, основная часть с боевого факультета. У студентов академии Далеята появилась отличная возможность сравнить нашу подготовку с ройзмунской. Мэтр Лорес, прошу вас, расскажите подробнее о каждом из ваших подопечных!

Ректор перевел взгляд на нашего куратора, формально он предложил познакомиться с нами, но в приказном порядке. И это после того, как прямым текстом заявил, что темные будут изучать наши боевые и магические возможности. Самые зловещие догадки подтвердились, причем, не отходя от портала.

Наш куратор шагнул вперед и, встав боком к нам и преподавателям на лестнице, начал рассказывать сухим и ровным тоном:

– Я мэтр Дэй Лорес, стихийный маг и преподаватель по боевой магии. К вам прибыли студенты со второго курса по пятый. – Затем он обратился к нам: – Услышите свое имя, делаете шаг вперед, затем возвращаетесь в строй. Алесан Рорик, пятый курс, боевой факультет.

Голубоглазый крупный высокий шатен с мужественным квадратным подбородком с симпатичной ямочкой, с магией огня в крови вызвал восторженные девичьи крики и десяток уничижительных воплей от парней. Отчего этот уже молодой мужчина заметно напрягся. Чувствую, ему придется хуже всех – «проверить» будут все кому не лень.

Куратор продолжил:

– Дитмар Шан, пятый курс, боевой факультет.

Среднего роста кареглазый симпатичный шатен со стихией земли. Я знала его как спокойного и даже флегматичного студента. Он побледнел, слушая крики на свой счет, правда, женского восторга было гораздо меньше, а вот мужского негатива – больше.

– Александр Крюк, пятый курс, боевой факультет.

Милый худощавый голубоглазый блондин с воздушной магией. К сожалению, я его знала как заурядного парня, аутсайдера, а не лидера.

– Виктор Порубежник, пятый курс, боевой факультет.

Коренастый крепыш с серыми глазами и русыми волосами. Воздушник. Платник, как и я. Из торговой гильдии. Его семья владеет кораблями и водит торговые караваны по крупным рекам. Он поэтому и на боевой пошел, чтобы защищать корабли от лиходеев. Его я знаю по музыкальному факультативу, единственный инструмент, который он освоил, – ударные. Но, отдать должное, с барабанами он обращался виртуозно!

– Дин Рожак, пятый курс, боевой факультет.

Тоже платник, но его я почти не знала. Обычный парень с серо-зелеными глазами, худощавый блондин.

– Айшат Дерия, пятый курс, боевой факультет.

Та самая девица, что чуть не сбила меня с ног в день поступления в академию. Эта голубоглазая валькирия, воздушница, шагнула вперед под оглушительный свист. Парни по достоинству оценили эту девушку, высокую, широкоплечую, с большой грудью и широкими бедрами, с густой буйной медной шевелюрой, глубоко посаженными голубыми глазами, носом картошкой и пухлыми, чувственными губами. Наша светлая боевичка хоть и не была канонической красоткой, но ни одного мужчину не оставила равнодушным. Ее богатые формы даже черная мантия скрыть не способна. И это еще темные не видели, какая у нее тонкая талия, отчего фигура походит на песочные часы. Моя первая встреча с Айшат была грубой и короткой, но со временем наше общение стало вполне приятельским. И сейчас мне стало очень страшно за нее. Айшат без внимания не оставят, а с учетом слухов о диком темпераменте и сексуальных аппетитах темных, любое внимание чревато проблемами.

Дальше куратор назвал еще двоих парней с пятого курса боевого факультета. Романа Морта и Эйлика Тача я знала постольку-поскольку. С боевиками четвертого и третьего курса я не была знакома, только в столовой и видела. Внимание привлекла только Алиса Шаль, боевичка четверокурсница с воздушным даром. Как и Айшат, высокая, крепкая, но худощавого сложения и черная мантия на ней скорее висела, чем «облегала».

Представление двадцати студентов с боевого факультета закончилось слишком быстро, я не успела еще собраться с духом, а уже началось знакомство с группой поддержки:

– Этеис Мар, менталист, четвертый курс.

Друг и соратник Алесана, чуть ниже него и более поджарый. Черноволосый и черноглазый, с золотистой кожей и, на мой взгляд, весьма обаятельный. А какой у него голос! Ум-м... бархатный баритон, который можно слушать и слушать. К тому же Этеис играл на нескольких инструментах, что только добавляло ему моего восхищения.

– Рин Шмун, второй курс, факультет артефакторики.

Вперед шагнул парнишка восемнадцати лет на вид, щуплый, невысокий, в состоянии предельно сжатой пружины. Милый, бедно одетый мальчик. Я с содроганием услышала свист толпы, пошлые выкрики и осознала, что тяжело будет не мне одной.

– Адеис Лаш, четвертый курс, факультет артефакторики, – голос куратора на октаву сменил тональность.

И это заставило меня обратить внимание на девушку – невысокую голубоглазую пышечку с круглым, невероятно милым и солнечным личиком, которое пылало от смущения. Ее пушистые волнистые шоколадные волосы были распущены и подколоты у висков. А белые руки сжимались в кулаки от страха. Мэтр смотрел на нее почти так же, как и на остальных, но в его черных глазах я заметила болезненную грусть. Они хорошо знакомы?

Далее прозвучали шесть фамилий с пятого и четвертого курсов природного факультета. Пятеро парней и еще одна девушка, как и я, выпускница и платница. Мирна Роуш, из самородков. Причем, первый маг в семье, с минимум среднего уровня воздушным даром. Отец Мирны в главном королевском банке не последний служащий. И хотел дать любимой дочери, которой гордится вся семья, все лучшее...

– Баронесса Эмария фин Ришен, пятый курс, целительский факультет, – прозвучало громом среди ясного неба.

А я так и не подготовилась достойно представиться. Как сомнамбула сделала необходимый шаг и короткий плавный вежливый кивок преподавательскому составу, до рефлексов заученный. Взамен получила оглушительный рев темных глоток, предлагавших,

заявлявших, даже пытавшихся подкупить... Впервые в жизни ощутила себя живым товаром на торгах. Лотом номер тридцать. На десерт.

Признаться, я вздрогнула под оглушающий рев темной толпы. И совершенно нечаянно поймала взгляд серебряного блондина, который внимательно следил за мной со ступеней. Мы встретились взглядами: я, сто пудов, – затравленным, а его чернильно-черную радужку, в которой даже зрачка не видно, внезапно заволочило белым туманом. И вот эти белые бельма уставились на меня, не давая шанса распознать эмоций их обладателя.

Мужчина оторвал от меня странный белый взгляд и перевел внимание на ряды орущих студентов. Как по мановению волшебной палочки шум начал затихать, вскоре и вовсе воцарилась тишина. А у меня возник вопрос: этот мужчина имеет здесь настолько большое влияние?

– Благодарю мэтр, – натянуто улыбнулся ему ректор Террас ди Лан, словно его тоже пробрало. Затем представил загадочного блондина: – Мой заместитель по воспитательной работе, декан белой кафедры мэтр Анриш ди-ре Сол, магия смерти, высшая ступень некромантии. Понимаю, что магов подобной специализации у вас нет и не может быть, но его занятия выпускникам в любом случае придется посетить, чтобы иметь право получить диплом по нашим правилам.

Белая кафедра. Словно насмешка над нами, светлыми. Но нет, в Ирмунде хоронят в белых одеждах и почитают Смерть как Белую Эйту. По-русски говоря, Белую Леди или Белую госпожу.

Маг смерти... в Байрате таких действительно нет. Это высшая ступень дара некромантии, самая могущественная и опасная! Отражение моей магии жизни. Только я – светлее некуда и абсолютно беззащитна, а этот маг – темнее некуда и от него любому магу стоит держаться подальше. Потому что магия смерти непредсказуема и удержать ее под контролем крайне сложно. Ведь жизнь – дает, а смерть – забирает!

Шокированная новостью о направленности дара Анриша ди-ре Сола, я чуть не пропустила еще один важный момент. Темного повелителя зовут Ромус ди-ре Солар. А в Ирмунде, насколько мне известно, два рода имеют право на трон. Значит, декан белой кафедры – один из претендентов! Хотя в Байрате этих наследников как грязи,

даже специальный реестр ведется, чтобы туда-сюда перемещать. Может, и здесь, с учетом местного темперамента, их тоже немало? Поэтому и служит один из «ди-ре» в академии преподавателем.

Высказав еще пару «доброжелательных» предложений, ректор завершил торжественную встречу. Нас отправили в специально выделенное крыло общаги. Хоть одна утешительная новость: все тридцать светлых будут жить рядом.

– Всем ходить только в группе. И только согласовав со мной свои передвижения, – тихо, чтобы слышали лишь мы, приказал мэтр Лорес.

Уверена, впервые распоряжение мэтра мы будем выполнять неукоснительно, а не забьем, едва выйдем из аудитории.

Глава 8

Я никак не могла избавиться от подсознательного ощущения, что находилась перед собором, хоть оплот темных магов уж точно на святое место не потянет. Но взгляд нет-нет, да устремлялся вверх, невольно любуясь этим архитектурным и, по сути, культурным шедевром. К общежитию наш небольшой светлый отряд почему-то повели вокруг здания, а не через центральный вход. Словно мы прислуга, которой не позволительно тревожить места обитания хозяев. Но через минуту я даже порадовалась, что нас повели в обход.

Территория академии выглядела под стать какому-нибудь королевскому дворцу. Даже увидев ее малую часть, непосредственно у величественного здания, я оценила. Замечательный пейзажный парковый ансамбль. Нас в детстве несколько раз в год возили в подобные на экскурсии, где экскурсоводы, как правило, старательно просвещали и кое-что отложилось в памяти. Обычно в подобных местах понимаешь, насколько может быть прекрасен мир, по-летнему зеленый или по-осеннему желто-красный, или даже занесенный снегом, с инеем на веточках, но не отягощенный суровыми буднями...

Деревья и с сочной зеленой листвой, и с иголками словно сошли с картинки журнала – настолько совершенные; ровно подстриженные вдоль дорожек кустарники и вольно растущие, некоторые еще цветущие; яркие, прямо на зависть цветы, похожие на гладиолусы, на космеи, на ромашки, крупные и мелкие, знакомые и совершенно новые моему взгляду.

У меня было всего несколько минут для передышки, для того чтобы мимоходом посмотреть. Да, темные садоводы здесь отлично потрудились, надо думать, годами высаживая деревья, кустарники, цветы в замысловатых клумбах, ухаживая за роскошными газонами, аллеями и дорожками. Краем глаза я заметила блеснувший между деревьев водоем, башенки, беседки, мостики. Вполне возможно, как это часто бывает, дальше академический парк не столь образцово прекрасен, но насколько хватает глаз хорош и, можно сказать, вылизан. И наверняка является предметом гордости академии.

Любуясь окружающей красотой, я невольно задумалась: «Если темные создали это великолепие, может быть, они не совсем чудовища»?

Как оказалось, общежитие разместили в третьей башне, к которой мы прошли по выложенным плиткой дорожкам парка и кося взглядом на видневшиеся неподалеку «по последнему магическому слову» сооруженные тренировочные площадки. Похоже, приятности на этом и закончились. Потому что комнаты нам выделили на последнем этаже. Тринадцатом. Для землянки символично и даже вызвало у меня нервную улыбку. А вот остальные бы смысла шутки не поняли, на Хартане свои суеверия и лифты еще не придумали.

Мэтр Лорес заглянул за поручень – оценил высоту башни-общежития и количество лестничных пролетов, которые нам ежедневно придется преодолевать. И мрачно посмотрел на бесстрастного провожатого, у которого все же дрогнули в злорадной усмешке губы. Кивнув на сумрачный коридор с многочисленными темными дверями, он сухо произнес:

– Согласно условиям договора вам выделено тридцать отдельных комнат. Постельное белье и иные необходимые вещи можете получить в кастелянской на первом этаже.

От этой новости мы дружно сжали кулаки: неужели этот гад не мог сразу предупредить, чтобы мы белье получили, а еще лучше – почему бы заранее не позаботиться о гостях?

Темный провожатый ухмыльнулся широко и довольно, от души наслаждаясь нашей молчаливой яростью, и как ни в чем ни бывало продолжил:

– Столовая находится во второй башне на первом этаже, работает с шести утра до десяти вечера, можно поесть в любое время. Библиотека и администрация в основном здании. Аудитории и лаборатории, где проводятся занятия, расположены в первой и второй башнях. В расписании перед номером аудитории всегда идет цифра, которая поможет сориентироваться в какой именно из башен. Завтра в восемь утра начало первой лекции. Аудитория два-три-два ноль. Вопросы есть?

Мэтр Лорес холодно поинтересовался:

– К кому я могу обращаться в дальнейшем? И...

Не дав договорить нашему куратору, презрев этикет и элементарную вежливость, темный ответил, уже спускаясь по лестнице:

– Ко второму проректору, иру Лемашу.

Наверняка мысленно обругав обладателя мелькавшей ниже и ниже макушки, мэтр Лорес скрипнул зубами и обернулся к нам. Оглядел нашу напряженную и бледную группу и хмуро уведомил:

– Каждое утро собираемся здесь ровно в семь утра. Без опозданий! Проспали – остались без завтрака. И на занятия пойдете голодными и, уверен, битыми, причем не мной, а темными. Всем ясно?

Мы были единодушны:

– Да, мэтр.

Получив наше глухое согласие, Лорес усложнил задачу:

– Если есть хоть малейшая возможность, между аудиториями передвигаетесь только группами. Если одного задержали – ждете! Теперь только от вас самих и нашей сплоченности зависит выживание группы в этом темном гадюшнике. – Затем, посмотрев на парней-пятикурсников, совсем уж ледяным тоном добавил: – И никаких девок. Они здесь еще хуже парней. Нарушите правила или устав темной академии, вас уже никто не спасет. Ясно?

– Где нам можно ознакомиться с уставом и правилами? – хмуро спросил Алесан.

Преподаватель с боевого факультета впервые за все время улыбнулся, даже глаза заметно потеплели, видимо, Алесан был из его любимых учеников:

– Верный подход, рисс Рорик. Полагаю, в библиотеке. Но это вы сможете сделать после, а сейчас необходимо заселиться и пообедать. Силы нам еще пригодятся. Ровно через час жду всех на этом месте.

Дальше мэтр Лорес повел нас вдоль коридора, распределяя кому куда заселяться. Причем, специально селил девочек между парнями, чтобы хоть так нас защитить.

Осмотревшись в своем новом жилье, я с некоторым облегчением выдохнула: конечно, не моя обжитая, уютная комната в Ройзмунской академии. Но тоже ничего, чистенькая. Квадратов десять, на которых без проблем уместилась обычная односпальная кровать с серыми матрасом, худенькой подушкой и тощеньким одеялом; стол с парой стульев; узенький шкаф в углу на пяток платьев с одной дверкой, ну

хотя бы кто-то додумался прикрепить к ней с внутренней стороны потемневшее от времени зеркало. Для остальной одежды предназначался вместительный комод.

Когда я попыталась расставить на полке свои книги, она, с виду не хлипкая, рухнула. Пришлось призвать на помощь навыки Маши Васюниной и, вооружившись каблуком зимнего ботинка, приколотить полку обратно. Плевое дело.

А вот ванная комната, точнее махонький закуток с унитазом, раковиной и душевым уголком, где нужно сначала долго и упорно поработать допотопным насосом, чтобы «снизопшла» едва теплая вода, вызвала уныние. Если в начале сентября вода уже едва теплая, то что будет зимой? Бр-р. У темных мы не только ноги укрепим, ежедневно бегая на тринадцатый этаж, но и закалим организм. А уж как магически прокачаемся... страшно представить.

Поход на первый этаж за постельным бельем и возвращение в комнату завершился для меня сбитым дыханием. В отличие от мэтра и боевиков, бодрых и свежих, а не походивших на загнанных лошадей. Затем был почти настоящий военный поход в главный корпус, где нас зарегистрировали и выдали зачетки. Как и у нас, в них содержалась вся информация по аудиториям, преподавателям и расписание занятий. Нагруженные в библиотеке книгами и тетрадями, мы вернулись на свой тринадцатый этаж. Н-да, высокогато забрались.

– Может мы зря про них плохо думаем? На нас только смотрят и все... – высказала сомнения Адеис Лаш с четвертого курса факультета артефакторики, пока мы снова спускались на первый этаж в полном составе.

Я вновь поймала взгляд нашего мэтра на эту девушку, где смешались нежность, горечь и тоска. И догадалась, что мужик-то, оказывается, не ровно дышит к нашей солнечной мягкой пышечке.

– Не стоит обманываться, рисса Лаш. Как любому врагу нам позволили расслабиться, чтобы потом нанести ощутимый удар, – глухо посоветовал он.

– Боюсь, нас добьют не темные, а эта лестница, – буркнула Мирна Роуш – ройзмунский самородок из семьи немагов.

– Ничего, зато укрепите мышцы, – усмехнулся мэтр Лорес.

Обычный для столовой гул резко стих, стоило нам перешагнуть порог, – темные замолчали и уставились на нас. Жадными,

похотливыми, какими-то глумливыми глазами они все будто раздевали каждого из тридцати светлых магов, лезли под одежду, под кожу. Откровенное изучение и оценивание ощущалось почти физически.

К раздаче мы двинулись двумя колоннами. Вдоль прохода стремительно образовался живой коридор, затем начался кошмар. Сначала один из темных, восторженно присвистнув, дернул за медный локон высокую Айшат. За что получил под дых и, ойкнув, отпрянул. Следом за первой нахальной выходкой второй хам шлепнул Адеис по заднице. Тут уже мэтр Лорес не сдержался – уверена, действовал на рефлексах – ловко, стремительно перехватил запястье наглеца и выкрутил, вынудив того рухнуть на колени и заскулить от боли.

– Согласно правилам Далеитской академии, гости этого уважаемого заведения имеют неприкосновенный статус! – прорычал он, оглядывая ближайших темных.

– Вы студенты по обмену, а не гости. Это правило на вас не распространяется, – злобно выкрикнул один из дружков скулившего хама.

Лорес отбросил от себя руку наглеца и выпрямился. А уже в следующую секунду ему пришлось выставить энергетический заслон не только над собой, но и всей светлой группой, за которую отвечал. Потому что кто-то из темных запустил в нас черное облако. Непонятное и мерзкое, и уж точно небезобидное.

Загрохотали ножки отодвигаемой мебели, тишина сменилась азартным гомоном, даже ставки делали, сколько мы выдержим. Лица окруживших нас темных, внешне очень привлекательных, сильных парней и девиц, походили на хищные маски, ощерившиеся, голодные, безжалостные. Словно нас стая голодного зверья обступила.

Следом в нас полетели новые темные заклинания, которые Лорес успешно блокировал, невероятно быстро, при этом без единого лишнего движения. Силен! В Ройзмунской академии ходили слухи, что его давно должны были бы назначить деканом боевиков, да только Лорес не просто так на преподавательской должности околачивался. Ведь раньше служил важняком, следователем, а потом из-за какого-то темного дела ему пришлось уйти. Значит, недоброжелатель, которому он дорожку перешел, занимал слишком высокое положение.

И тем не менее, магический резерв Лореса не резиновый, а противников у него с каждой минутой становилось все больше,

азартное желание задавить кучку светлых подавляло здравомыслие подавляющей массы темных. При этом нашим парням-боевикам ему даже не помочь толком: в такой тесноте любое неосторожное боевое заклинание – и окажемся заваленными под башней.

– Прекратить! – громко прозвучал приказ.

Обернувшись, я увидела явившихся в столовую ректора Терраса ди Лана и мага смерти Анриша ди-ре Сола.

Вакханалия прекратилась не сразу, слишком много в нас метнули смертельно опасных заклинаний. Как маг жизни я без особых проблем способна ощущать то, что может принести смерть. Мэтр Лорес подождал еще несколько мгновений, прежде чем убрал магический щит. Зло, молча посмотрел на местное начальство.

– Кто начал это безобразие? – якобы возмутился ректор.

– Ваши студенты, мэтр, – сухо заявил Лорес. – Они не проявляют уважения к девушкам и гостям собственной академии. Не имеют элементарного чувства самосохранения, собственного достоинства и порядочности и являют крайнюю степень невоспитанности.

– И в чем же это проявляется? – совершенно не проникся обвинениями ректор.

А вот ди-ре Сол неторопливо обошел народ и обстановку в столовой чернильными глазами, почти обычными, если подобное можно применить к некромантам. Несомненно, отметил и уродливые подпалины на белом потолке и стенах, на выскобленном дощатом полу. Я заметила, как его взгляд остановился на старшекурснике, который, привалившись плечом к стене, судя по всему, давно за всеми наблюдал. Парень едва заметно кивнул ди-ре Солу и тот нахмурился. Правда, тоже едва-едва заметно, если бы не следила, даже не заметила бы изменений на его лице, бесстрастном и холодном.

– Ваши студенты позволяют себе хватать без спроса девушек, а после напали на мою группу, используя смертельные темные заклинания. Согласно условиям договора между Байратом и Ирмундом...

– Да-да, я их очень внимательно изучил, мэтр Лорес, – оборвал ректор нашего руководителя и снисходительно зловеще завершил: – Далейтская академия, вернее, Ирмунд обязан вернуть Байрату вашу группу живыми...

Но не обязательно целыми! Эту фразу он не произнес, но, уверена, непрозрачный намек поняли и приняли к сведению все присутствующие. Как светлые, так и темные.

– Мы вас слышали, – не менее зловеще кивнул Лорес.

Значит и с нашей стороны лишь одно важное условие при защите от темных – не убивать.

– Замечательно. А сейчас, я надеюсь, мы спокойно пообедаем. Столовая не место для подобных споров, – ректор благодушно улыбнулся своим студентам, будто дедуля слегка нашкодившим детишкам.

Зато все поняли, что в столовой «боевые действия» запрещены. Ну хоть одна хорошая новость: на нейтральной территории можно будет спокойно поесть.

Вдруг я ощутила чей-то взгляд, он словно пошевелил волосы, затем холодным сквозняком пробежался по моей напряженной фигуре, остановился на сжатых до боли кулаках. Странно, но в первую очередь я посмотрела на ди-ре Сола, последователя Белой Эйты. Пару лет назад я читала в учебнике, что среди некромантов лишь единицы достигают высшего уровня и становятся магами смерти. И фактически все они являются ее жрецами. И вот прямо сейчас один из жрецов Смерти смотрел на меня, изучал. Я поймала его за рассматриванием моих сжатых рук, затем он снова, по ощущениям, вернулся к лицу.

Хмурый темный взгляд, серые, сдвинутые к переносице брови взлет, идеально прямая спина. И я будто увидела себя его глазами: маленькую, перепуганную боем светлую среди отголосков смертельных темных заклинаний, отчего внутри перетянутой струной дрожала магия жизни, и в ужасе от заявления ректора, который во всеуслышание фактически открыл на нас охоту.

Мое недавнее восхищение им сейчас сменилось глухим разочарованием вкупе с надеждой на вмешательство декана белой кафедры. Ну неужели все темные одинаковые?

Нашу с магом смерти зрительную связь разорвал боевик с пятого курса Дитмар, дернул меня за руку, глухо напомнив:

– Не отставай!

Поникнув, я поплелась за своими товарищами по несчастью к раздаче. Набрав еды, мы сели у стены и быстро, но плотно поели. Силы нам точно пригодятся, учитывая, что мы стали дичью.

Под купол третьей башни, в общежитие, мы вернулись в подавленном состоянии. Спать я ложилась в самых смешанных и большей частью раздраенных чувствах. И это лишь первый день, а впереди целый учебный год. Рисс Аруш оказался прав, когда сомневался в моей способности выжить в местных темнейших реалиях. Только я не байратка, я с Земли! Русские не сдаются!

Глава 9

Расписание занятий на ближайшую неделю проявилось в наших зачетках ближе к ночи. Сперва решила, что позднее уведомление – очередное проявление неуважения к светлым. Однако, пробежав взглядом по списку предметов, осознала, что скорее злой умысел. И утром с горечью убедилась: бессонницей и безрадостными мыслями о будущем этой ночью маялась вся группа светлых. При этом на общий сбор мы явились вовремя, взъерошенные, бледные, напряженные.

На завтрак и затем на занятия мэтр Лорес повел нас гораздо раньше, чем можно было бы. Чтобы хотя бы первый учебный день начать без скандалов и драк. И все же редкие темные «жаворонки» одарили нас кто мерзкими шутками, а кто похотливыми взглядами. Меня, как, впрочем, и остальных одноклассников, они почти не беспокоили, ведь мы пытались разобраться в учебном плане и расположении аудиторий. Точнее, как ухитриться между занятиями перемещаться группами, чтобы защитить друг друга в случае нападения темных. По одиночке нас сожрут быстро, лишь сплоченной командой сможем выстоять против этой озверевшей стаи. Оказалось, составить систему «общего» расписания – задача не из легких!

Как и сказал ректор Терренс ди Лан, выпускники Далеитской академии – маги-универсалы. Поэтому у темных базовые обучающие программы разделяются по курсам, а не факультетам. Исходя из чего, проще всех будет пятому курсу как самому многочисленному и боевому. Повезло и третьекурсникам, набранным из боевого факультета, пусть их всего и шестеро. В составе четвертого курса тоже шестеро, но, увы, сразу три девушки, причем одна из них природница, вторая с факультета артефакторики. За них тревожно. Однако самое незавидное положение у единственного второкурсника – Рина Шмуна, будущего артефактора. Худощавый и невысокий восемнадцатилетний паренек-сирота не сможет выстоять даже против одного темного.

– Высшая некромагия... Они издеваются над нами! – едва слышно прошипела Айшат за моей спиной.

И я с ней полностью согласна. Шестнадцать будущих светлых выпускников темной академии обязали пройти курс высшей

некромагии под руководством декана белой кафедры Анриша ди-ре Сола. Зачем светлым то, к чему в принципе ни у кого из нас нет предрасположенности? Мы же не некроманты!

– Нет, не издеваются, – глухо буркнула Адеис. Сегодня она уже не походила на яркое солнышко, даже ее плотненькая аппетитная фигура как-то вытянулась и ужалась. Тревога делала свое дело. – Просто экономят время. Вас завалят на высшей некромагии, а нас – на первом же зачете по темным искусствам, обязательным к сдаче для всех остальных курсов, с первого по четвертый. И можно попрощаться с дипломом.

– Только домой все равно не вернуться! Ведь мы обязаны провести здесь год! И всем плевать, каким образом мы зачеты и экзамены сдавать будем! Главное, чтобы мирный договор Байрата с Ирмундом не нарушили. Иначе нас свои же казнят, – рыкнул Анхиль Лир, огневик с пятого курса.

Вспыльчивый, неуживчивый, ярко-рыжий парень. В столовой Ройзмунской академии мне не раз случалось видеть, как он выяснял отношения со студентами разных курсов, если кто-то занимал его любимое место у окна, нечаянно толкал на раздаче и по другим мелочам беспокоил. И вроде огненный дар у него среднего уровня, не то что у Алесана, но справляется он с его влиянием плохо. А это очень плохо, с учетом нынешнего положения и места нахождения.

– Обсуждения и жалобы отставить до общежития. Напоминаю, передвигаться группами, прикрывая друг друга. Как освобожусь, найду вас. Шмун, за мной! – сухо оборвал наше ворчание мэтр Лорес, окинул нас хмурым взглядом и, кивнув единственному второкурснику, приказывая следовать за ним, направился в сторону главной башни.

У Лореса тоже занятия. Только в качестве преподавателя по боевой магии. И каждый из нас понимал, что даже такой опытный боевой маг из светлых в одиночку против толпы темных – это суровое испытание. Адеис проводила спину мэтра потемневшими от страха глазами. Без слов понятно: симпатичный, высокий, черноволосый и черноглазый преподаватель по боевой магии, которому даже шрам на щеке харизмы добавляет, нашей четверокурснице с природного не безразличен. Может ли так статья, что именно из-за нее он сам вызвался куратором группы по обмену?

Тенью следовавший за мэтром Рин Шмун вызвал у меня не меньший страх, если не больший. Юный, замкнутый, бедно одетый, симпатичный мальчик, один против врагов. Ведь в отличие от остальных, большинство занятий у первого и второго курсов проходят в первой башне, а не во второй. И только практические занятия и тренировки проходят на полигонах, где все курсы пересекаются так или иначе.

– Не отставайте! – глухо крикнул Алесан, обернувшись и заметив, что мы с Адеис задержались на дорожке у входа во вторую башню.

Встрепенувшись, мы кинулись догонять свою группу и быстро поднялись по лестнице. Адеис первой оказалась у широкой массивной двери и взялась за вертикальную стальную ручку-штангу. Потянула на себя, только дубовая дверь оказалась тяжелее, чем казалась на первый взгляд.

– Да чтоб тебя... – буркнула природница, напряглась и уже хотела приложить большей усилий, чтобы открыть злосчастную дверь, но не успела.

– Можно и меня, если ласково! – раздался веселый мужской голос.

Следом за штангу взялась еще одна рука. Пару секунд мы обе растерянно таращились на эту довольно крупную, светлокожую руку, покрытую черными волосками. Затем оглянулись и сначала уставились на мерно вздымавшуюся грудь в наглухо застегнутой черной мантии, а задрав головы, узрели пару ухмыляющихся лиц. Вплотную за нами стояли двое темных магов, жгучий брюнет и, как когда-то иронично шутила моя любимая Шапокляк, сивый-красивый, имея в виду светло-русый тип.

Я вспомнила вчерашнее столкновение в столовой, особенно когда явившиеся ректор и проректор выясняли, кто прав, кто виноват. И тот момент, когда мэтр ди-ре Сол обменялся взглядом как раз с этим сивым-красивым парнем, подпиравшим стену. Хотя, конечно, парнем его назвать можно условно, ведь выпускникам академий примерно по двадцать три года. Уже мужчины. То, что маги, помогавшие нам открыть дверь, – выпускники, сомнений не вызвало. Как и их специализация! Державшийся едва не над головой Адеис за дверную штангу брюнет наклонился к ней ниже и криво ухмыльнулся. Его черные глаза на пару мгновений заволкло белесой пеленой магии смерти.

– Ой! – придушенно пискнула Адеис от ужаса и инстинктивно отпрянула, нечаянно толкнув меня.

В результате я оказалась в объятьях сивого и с таким же испуганным писком попыталась выбраться из неожиданно крепкого захвата:

– Ой! Простите!

Злосчастная дверь распахнулась, толкнув и Адеис, отправила ее в руки к брюнету. В проеме появился Анхиль. Увидев композицию из двоих темных нахалов, притесняющих светлых девиц, – меня, тщетно пытавшуюся избавиться из захвата, и белую от ужаса с выпученными глазами Адеис – огневик вызверился:

– Какого... вы себе позволяете?

Даже использовал неприличные слова. Эх, а я оказалась права: выдержки ему не хватает. Оба темных демонстративно вскинули брови, выражая недоумение хамским поведением светлого. Черные глаза некромантов вновь побелели, уже без театральности демонстрируя, кто тут всех сильнее и главнее, чтобы в их сторону так неосмотрительно бросать оскорбления.

Уверена, дальше бы началась драка, которую предотвратил суровый и очень мужественный, с легкой хрипотцой голос:

– Что происходит?

Я, Анхиль и Адеис испуганно вздрогнули от неожиданности. А вот двое темных, похоже, сразу поняли, чей голос их одернул. Почти незаметным текучим движением они скользнули в сторону от нас и с коротким почтительно-приветственным кивком замерли, глядя на Анриша ди-ре Сола, декана. Он остановился, поставив ногу на последнюю ступеньку и хмуро взирал на нас.

Меня накрыло облегчением, словно явился главный спаситель светлых в этом темном царстве. Черные глаза мэтра некроманта поймали в плен мой испуганно-напряженный и одновременно облегченный взгляд. Его темно-серые брови еще сильнее сошлись у переносицы, затем почти режущий взгляд черных глаз скользнул по белой от страха Адеис и покрасневшему от злости Анхилью. Опять вернулись ко мне, точнее к лежавшей на моем плече тяжелой мужской руке сивого.

– Томаш, – сухо прозвучало от Анриша ди-ре Сола сивому, с которым он вчера вел молчаливый опрос «свидетелей», потом более

холодно и второму: – Ринх?

Этого хватило, чтобы оба парня теньями скользнули мимо нас в дверь, бесцеремонно отпихнув Анхилия и напоследок бросив декану:

– Простите, мэтр.

– Полагаю, вам тоже стоит поторопиться, опоздания в нашей академии не приветствуются. И довольно жестко наказываются, – тем же сухим тоном посоветовал темный декан и нам, светлым.

Мы суетливо метнулись в проем и поспешили к нужной аудитории. И пока шли, я всем телом ощущала взгляд декана белой кафедры. Он словно коснулся моей косы, сложенной бубликом на затылке, обжег открытую шею над откинутым капюшоном, отчего я почувствовала себя чрезвычайно уязвимой. А затем, будто под черную мантию скользнул и облапал меня. Чем вызвал неоднозначную реакцию: было одновременно и страшно от этого внимания и приятно. Захотелось самой себе рыкнуть: «Машка, ау, совсем с ума сошла? Где потеряла благоразумие?»

Нервно нам кивнув, Адеис юркнула в свою аудиторию, а мы прошли до конца коридора, где друг против друга стояли две группы. Больше десятка светлых и Томаш с Ринхом. Первым в светлую, просторную аудиторию с лесенкой парт, вошел ди-ре Сол и встал возле доски и преподавательского стола со стулом. Далее он с холодным, едва заметным интересом наблюдал как привычно, уверенно зашли двое темных магов смерти, поднялись по ступенькам и заняли места в четвертом ряду. Следом шестнадцать светлых пятикурсников, неуверенно осматриваясь, выбирали места повыше, но четко с правой стороны.

Я села за центральную парту на первом ряду. Смысл забираться наверх? Во-первых, меня легко могут согнать с любого выбранного места, заявив, что оно давно занято кем-то другим. Во-вторых, с учетом специфики моего дара, на занятиях белой кафедры я буду лишь слушателем. Впрочем, как и все светлые.

Лишь спустя пару минут начали подходить другие темные. Сперва еще трое весьма уверенных в себе парней, которые сели рядом с Томашем и Ринхом. Каждый из них с большим уважением коротко здоровался с преподавателем. А вот дальше я с возрастающим удивлением наблюдала за заполнением аудитории. Чем ближе к началу занятия, тем более суетливыми, напряженными были темные

студенты. Нервно кивая замершему у доски мэтру, они подобно испуганным мышкам проскальзывали мимо меня под черным плотоядным взглядом кота.

Я дрогнула, когда прозвучал мерзкий, пробирающий до мурашек сигнал, оповестивший об окончании перемены. Мэтр взмахнул рукой и дверь с грохотом закрылась перед самым носом бледного запыхавшегося студента. В помещении воцарилась могильная, под стать магу смерти, тишина. И только в этот момент я осознала, что оказалась в полном одиночестве на первом ряду. Оглянувшись, окончательно растерялась. Все присутствующие разделились на два лагеря: слева темные, справа светлые. И только я посерединке.

Но не столько озадачили оказавшиеся свободными три нижних ряда, а расслоение в стане темных. Пятеро раньше всех явившихся темных заняли четвертый ряд. Похоже они та самая элита, маги смерти, и ди ре Сол их декан. Привычное и понятное «зло». Остальные темные устроились аж через ряд от элитной пятерки, тесными рядами на галерке.

Пятнадцать светлых заняли правые ряды, как раз начиная с четвертого. Лишь лесенка разделяла Томаша и Алесана. Поймав удивленно-ехидные взгляды темных и озабоченные от своих, обратно к преподавателю я оборачивалась, ощущая, как внутри тревожно засвербело. И не ошиблась. Он сверлил меня почему-то насмешливо-злым взглядом. Что я сделала не так? Здесь что – первые три ряда под запретом?

Декан начал немного тягучим голосом, хрипловатым, с прохладной ироничной ленцой:

– Всем самой темной ночи, как здороваются в Ирмунде и самого яркого доброго дня, как приветствуют в Байрате. Ведь в этом году, в нашу академию прибыло по обмену сразу тридцать светлых... – про «смертников» он многозначительно придержал, – ...из Байрата. Уверен, этот учебный год преподнесет еще много интересных сюрпризов.

Согласно традициям ройзмунской академии, мы встали и коротко кивнули, приветствуя преподавателя и новеньких. Хотя новенькие здесь как раз мы. Ди-ре Сол, чуть склонив голову, посверлил нас внимательными черными глазами и, как только мы сели, продолжил:

– Ко мне можно обращаться мэтр ди-ре Сол. Я декан белой кафедры и магистр магии смерти. Вы знаете, что это значит?

– Вы один из сильнейший магов Ирмунда? – почти ровным бесстрастным тоном уточнил Алесан.

– Можно сказать и так, – цепкий взгляд декана устремился на моего сокурсника изучая и явно оценивая как мага.

– Второй после повелителя, – выкрикнул кто-то с темной галерки самым подхалимским тоном.

Словно трусливый продажный шакал Табаки, пытаюсь выслужиться перед Шерханом из «Маугли». У ди-ре Сола только едва заметно, презрительно дернулся уголок чувственного, немного великоватого рта.

Я задумалась: это значит, что они равны с повелителем? Или «можно сказать и так» означает, что второй – скорее дань уважения повелителю? А еще невольно мысленно покатала на языке имя преподавателя – Анриш. С одной стороны, мягкое, с другой – рычащее, суровое. Как и его голос, вроде мягкий, но проскальзывала в нем рычащая хрипотца. Или как его энергетика, которая в такой близости, как мы сейчас, стала ощущаться острее. И все же она все еще соленый темный бриз, без стального привкуса крови.

Пока я варилась в своих ощущениях, прислушиваясь к себе, как воспринимается энергетика стольких сильных темных, собранных в одной аудитории, Анриш провел переключку и выяснил, что трое студентов отсутствуют. Уголок его рта вновь дернулся, только уже в ухмылке, от которой повеяло холодом. А я спиной без всякой целительской магии ощутила общий страх.

Чего боятся темные? Они же вон какие бесшабашные и, чего греха таить, безмозглые, кидаются в авантюры и драки без капли сомнений и страха. А тут лишь уголком рта дернули – и испуганная тишина, как на кладбище в Грохов день, когда верховодит пантеон темных богов и мертвые периодически восстают.

Мэтр склонился над журналом, делая там пометки, а я невольно разглядывала его руки. Несколько минут назад я с Адеис видела похожую руку у входа в здание. Но почему-то взглядом прикипела именно к этим.левой рукой декан опирался о стол, рукав приподнялся, и я засмотрелась на широкое запястье и ладонь, на длинные пальцы. На одном из них блестел гранями квадратный

сапфир в рунической платиновой оправе, ну очень солидный фамильный перстень. Подобные только главы аристократических родов с правом печати носят. У меня тоже есть, только с изумрудом и поменьше.

Кожа у ди-ре Сола с золотистым загаром, на ней четко выделяются вены, оплетающие запястье, еще более подчеркивая сильную, уверенную, надежную мужскую руку.

Мэтр что-то записывал, карандаш буквально летал по желтоватой бумаге журнала, а я пялилась на сжавшиеся на нем пальцы. Совершенно не к месту, не вовремя возникла мысль, похожая на бред, что эти самые пальцы касаются моей кожи. Сильные, уверенные, длинные, мужские пальцы, вызывая мурашки, скользили от моего плеча к запястью...

Как и вчера, сегодня на мэтре наглухо застегнутая на шее и груди черная шелковая мантия до середины бедра. И когда он склонился над столом, мантия на поясе разошлась в стороны, приоткрыв уголки жилета с витиеватой вышивкой и золотую цепочку от часов. Классические черные штаны, безупречно выглаженные, подчеркивали длинные стройные ноги. Клянусь, я совершенно случайно замедлилась взглядом на немного выступающей области ширинки со скрытыми пуговичками.

Скрип карандаша по бумаге прекратился, а я немного заторможенно перевела взгляд вверх по широкой груди и плечам к дернувшемуся кадыку и чуть заостренному подбородку, как и вчера, с чуть подросшей белесой щетиной. Любопытно, что, опять же, неопрятно это не выглядело, только добавляло мужественности и брутальности слегка вытянутому аристократичному лицу, обрамленному гладкими серебристо-серыми волосами.

Наконец я добралась взглядом до глаз ди-ре Сола, внимательно прищуренных, и замерла как кролик перед удавом, осознав, что и сама стала объектом изучения. Я сглотнула, ощутив на языке солоноватую терпкость чужой энергетики. Мужчина сверлил меня нечитаемым холодным взглядом, опираясь ладонями о столешницу, и я поняла, что, судя по изменившемуся привкусу, темный маг не столь спокоен, как могло показаться. И довела его до ручки именно я.

Эх, Машка, Машка...

Спрятавшись за ресничками, я отвела свои так не к месту любопытствовавшие глазюки в сторону. Впервые в жизни меня по-настоящему, по-женски заинтриговал мужчина. Мало того, что внешне с первого взгляда зацепил, плюс магически, скажем так, противоположной специализацией, еще и сам по себе необычный. Хорошо, что уселась впереди всех и в одиночестве: никто не заметил ненормального интереса светлой целительницы к магу смерти. Кроме него самого!

Еще бы самой понять, с чего и почему столь внезапно проявился этот интерес...

Темный декан тяжелым взглядом сверлил меня несколько мучительно-томительных секунд, прежде чем отпустил, позволив старательно незаметно выдохнуть.

Далее для светлых студентов мэтр провел экспресс опрос по основам высшей некромагии. К нашей чести, оказалось, мы не совсем уж пропащие и начальный уровень знаний у нас имелся. Примерно их местного второго курса. Мэтр обошел свой стол и по-простецки оперся о него бедрами, немного расставив ноги, при этом его выпуклая ширинка опять оказалась на всеобщем обозрении, вернее моем. Вряд ли у кого-то еще здесь возникли на этот счет неприличные мысли.

Сложив руки на груди, декан прошелся взглядом по аудитории и задал, казалось бы, простейший вопрос:

– Так в чем разница между светлыми и темными магами?

– Мы сильнее! – донеслось с галерки темных.

– А мы умнее, – не сдержался Анхиль.

Я неуверенно подняла руку – решила на ответ только по одной причине: мне, магу жизни, больше нечем зарабатывать баллы по высшей некромагии. Только по теории, а диплом получить жизненно необходимо! Поэтому лишний раз мысленно поблагодарила батюшкины мемуары, тот за годы жизни он о многом «всяко-разно» размышлял и записывал. И о темной магии в том числе. Иногда я мысленно едва не дискутировала с ним, размышляя на те же темы.

– Прошу вас, эйта фин Ришен, – голос ди-ре Сола волнительными мурашками отозвался на моей коже.

Надо срочно определиться: я его боюсь или он мне нравится, иначе доиграюсь с огнем!

– Наша... светлая энергия легче усваивается, быстрее накапливается, но также быстро тратится. Зато ею проще управлять и повсеместно использовать. Темная энергия более тяжелая, ее сложнее накопить, еще сложнее полноценно усвоить. Однако она гораздо медленнее расходуется. Но и управлять ею очень трудно, поэтому и использование в быту ограничено.

– Считаете? – демонстративно иронично уточнил темный преподаватель.

– Да, – ровно подтвердила я, – это заметно по разнице оснащения наших общежитий и столовых. Хотя свой вывод я бы обосновала, используя административно-географические карты Хартана...

– Поясните, – ди-ре Сол вскинул бровь в неожиданно одобрительной усмешке.

– Если проследить историю и географию возникновения и исчезновения источников, то становится очевидным, что статистически светлых и темных источников поровну. Они появляются в одинаковых пропорциях. А вот исчерпываются по-разному. На картах Хартана высушенные светлые источники изображены светло-серыми зонами, а исчезнувшие темные – темно-серыми. Я провела анализ серых зон и действующих источников и на этом основании сделала свои предыдущие выводы.

– Ну что ж, отлично, – уже без усмешки, а совершенно серьезно глядя на меня, заключил ди-ре Сол. Обернулся и, найдя взглядом мою фамилию, поставил оценку в журнал.

Я с трудом удержалась от радостной улыбки, ну право, как первоклашка, получившая свою первую в жизни «пятерку».

– Вопрос к остальным: какие еще отличия вы знаете? – неторопливо обернулся преподаватель и прошелся прищуренным взглядом по задним рядам.

– Светлые – мягкотелые трусы!

– Темные – только толпой смельчаки! – возразил Анхиль кому-то из темных.

Я обмерла, ожидая взрыва с той или иной стороны. Однако высокородный эйт из второй линии наследования трона на мелкие детские провокации не поддался. В ожидании посмотрел на кого-то позади меня со стороны светлых, и зазвучал голос Алесана:

– Светлой магией проще управлять, если сосредоточиться на развитии одного направления. Отсюда и наше более узкое разделение по стихиям, хотя и другие стихии любой светлый может использовать. Просто не на том уровне и объеме, чем к которой имеет предрасположенность.

– Томаш! – теперь взгляд мэтра достался, похоже, лидеру темных.

– Темной магией сложнее управлять, это верно. Потому что у нас нет разделений по стихиям, а только по уровню силы. Поэтому все темные – универсалы. Исключение – магия смерти. Особенный вид темной магии, со своими отличиями, которая дает безграничные возможности и потому требует жесточайшего контроля.

Я почти расслабилась, слушая уверенные ответы парней, но в этот момент темный декан решил разбавить тональность урока:

– Полагаю, все согласятся, что высшие ничего не делают просто так. И разделение источников создает энергетический баланс в мире. Отсюда вопрос: в чем заключается польза друг для друга светлых и темных магов?

– Союз темного и светлой дает сильное темное потомство, – выпалил по моим нервам кто-то с галерки.

– Кровная брачная связь со светлой и смешение наших энергий улучшает контроль темной магии и снижает ее побочку...

– Наша магия не смешивается! – рыкнул Анхиль, оборвав темного.

– Светлые девочки послушные в постели...

– Смотри, а то сам покорной овцой станешь, – взвилась и наша голубоглазая валькирия Айшат.

И с таким зверским видом вытаращилась на темного обидчика, который попытался нести о нас пошлятину, что я решила: все, сейчас будет бой. Обернувшись, я с отчаянной надеждой посмотрела на преподавателя, безмолвно уговаривая предотвратить драку.

Во рту стало горько, как и в душе, когда я поймала совершенно холодный, отстраненный взгляд, с которым ди-ре Сол наблюдал за происходящим. Его совершенно все устраивало и даже веселило. Неожиданно он резко перевел взгляд на меня, поймав в плен демонических глаз, в которых плясали огоньки. Во мне росло разочарование им. Его брови опять медленно поползли на лоб в

некотором удивлении, а я еще больше расстроилась, что он так легко считал мои чувства. Пришлось тщательно стереть с лица все эмоции.

Декан, куснув более полную, чем нижняя, верхнюю губу, с каким-то непонятым азартом предложил:

– Сейчас мы проведем небольшой, но весьма познавательный эксперимент! Создайте энергетическую сферу со своей магией. Приступайте!

Мои ладони ровным родным теплом согрела небольшая сфера, заполненная чистейшим белым туманом. Оглянувшись назад, я убедилась, что и другие выполнили задание: у каждого над ладонями парила сфера. У темных с галерки – темно-серые, у пятерки с четвертого ряда – черные, у наших – белесые.

– Томаш, Алесан, объедините ваши сферы! Остальные выбирайте полярного вам ближайшего партнера и тоже попробуйте соединить ваши сферы.

Я отвлеклась, наблюдая за соединением белых и темных сфер. Первыми были Алесан и Томаш. Чернота словно голодный питон начала проглатывать белесый туман моего сокурсника, как только обе сферы слились в одну. Сперва два вида магии разделяла четкая грань, но спустя пару мгновений граница начала размываться, магия смешивалась, медленно, даже завораживающе, но неотвратно превращаясь в серый туман.

В сущности ожидаемо, что у всей пятерки с белой кафедры магия подавила нашу, окрасив общие сферы в темно-серый. А вот среди остальных пар оказалось достаточно много других результатов, где светлая магия успешно размывала темную, выдавая при смешении светло-серый цвет.

Пока все азартно, громко обсуждали занятный эксперимент и подводили итоги, я вновь села прямо и вздрогнула от неожиданности. Ди-ре Сол наклонился ко мне близко-близко, его дыхание, в котором ощущался запах кофе, тепло коснулось моего лица. Полюбовавшись моим удивлением, мужчина усмехнулся и опустил взгляд, вынудив и меня проследить за ним. Оказалось, коварный декан и сам создал сферу, да с такой чернотой, что казалось та поглощает свет. Затем он соединил наши пальцы, провоцируя сближение наших сфер и начало поглощения одной другую.

Странно, магия смерти оказалась так близко, что касалась кончиков моих пальцев, но я не испытывала отторжения или иных неприятных чувств. И даже бросила на преподавателя оторопелый изумленный взгляд, но он с горящим в глазах азартом следил за процессом.

Стало горячо-горячо – жар потек от руки внутрь моего тела. Мы с Анришем замерли, наблюдая за происходящим, однако смещения в наших сферах, наблюдавшегося у других, не произошло. Распахнув глаза, я в ступоре наблюдала за очень знакомой картинкой круга инь-янь, где черный плавно перетекает в белый. Граница между нашими магиями так и не размылась!

Я в полной растерянности посмотрела на декана и успела уловить знакомые дьявольские огоньки в его черных-пречерных глазах.

– И что это значит? – позади громко спросила Айшат.

Щелчок длинных сильных пальцев – и наша общая с Анришем сфера исчезла с моей ладони. По какой-то причине продемонстрировать кому-либо свои личные результаты он не захотел. Окинул меня внимательным, изучающим взглядом и устремил его на остальных вместе речью:

– Конкретно в вашем случае, ири Дерия, означает, что Ринх сильнее вас магически... в разы, поэтому успешно поглотил вашу энергию. Если при смешивании превалирует более темный серый, значит темный маг сильнее магически. Если при смешивании сфера стала светло-серой – светлый маг сильнее. В любом случае, как видите, неважно: светлый вы или темный маг – все мы люди и прекрасно совместимы. И разница в силе определяет лишь одно – ваши дети наследуют темному родителю или светлому.

Последнее он произнес с нескрываемой ехидцей и не глядя на меня. Однако мое сердце забилося в груди пойманной птичкой: значит мы равны с деканом магически? И выходит, он только что узнал, что я не просто целитель, а маг жизни, раз равна по силе магу смерти. И не смешиваюсь...

Еще ощутила злость, ведь нас так легко развели на проверку уровня силы магии. Теперь каждый из присутствующих здесь темных знает, кто и что из нас, светлых, представляет собой как маг. Да, понятно, что не только уровнем силы, но и умением ею пользоваться

отличается боевой маг. Но большую часть своих главных козырей мы буквально вывалили в пыль перед врагом.

Темным нельзя доверять. Особенно таким белобрысым красавчикам, как декан белой кафедры. Мои плечи поникли, а в аудитории начиналась очередная грызня.

– Вы не имели права на этот эксперимент! – привычно выверился Анхиль. – Вы специально подставили нас! Ослабили! И...

Сидевший рядом с ним Дитмар с силой ткнул разошедшегося соседа в бок, но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Ир Лир, – ледяным тоном обратился к Анхилью мэтр, – если всего лишь одним безобидным развлечением так легко вывести вас из себя и тем более – ослабить, то медяк вам цена как боевому магу! В этом случае могу посоветовать лишь одно: каждый из вас может найти покровителя или покровительницу из темных. И тогда для вас все изменится в лучшую и однозначно безопасную сторону.

Анхиль выпучил глаза от бессильной ярости, но промолчал, осознав, слава богу, что против мэтра он ноль.

– Благодарю вас за совет, мэтр ди-ре Сол, но подобные отношения не для нас, – с холодной вежливостью ответил Алесан.

– А какие для вас? – уже более ровно, но сухо уточнил мэтр.

– Светлые строят отношения только по любви! – выдала Айшат.

Я же невольно вспомнила причину гибели Эмари и домогательства кузена, затем – как тщательно маги выбирают пары, чтобы не потерять ни капли наследственной магии. Стало горько и грустно. Строить отношения по любви, оказывается, может позволить себе не каждый.

– Тогда вам придется туго, – едва заметно усмехнулся ди-ре Сол.

– Почему? – удивились почти в один голос моя группа.

– Темные не умеют любить! – хохотнул с издевкой один из темных.

– Единица! – объявил декан «не умеющему любить». – И реферат на тему: «Низшие проявления высшей некромагии».

– Слушаюсь, мэтр, – в голосе темного прозвучали знакомые заискивающие интонации Табаки из Маугли.

Вернувшись к столу и вновь опершись о него бедрами, ди-ре Сол продолжил:

– Различия в восприятии жизни между светлыми и темными подчиняются тем же законам, что и наша магия. Светлые более легкие, более восприимчивые к эмоциям и чувствам, легко переключаются с одних на другие. Быстро чем-то загораются, но также быстро гаснут.

Я подняла руку и мэтр кивком разрешил прервать себя:

– Любовь – это не только огонь первой страсти, это тепло души, которое может согреть вечность.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд, словно соревнуясь, кто первый отведет глаза. И оба победили, ведь отвечать Анришу пришлось, глядя мне в глаза:

– Вы правы, эйта фин Ришен. Только, как мы помним, светлая энергия – легкая и вкусная, а темная – тяжелая и частенько отдает горечью. И еще, если уж любовь возникла, то, как и любой темный источник, будет гореть в нас долго, очень долго... слишком долго для того, кто не любит в ответ!

– Это похоже на болезную одержимость, а не любовь, – едва слышно буркнула Айшат, но в образовавшейся тишине ее услышали все.

– Да, Томаш, ты можешь ответить прелестной светлой воительнице, – криво усмехнулся Анриш, кивнув поднявшему руку ученику.

– Темная энергия постоянно вызывает в нас жажду. Жажду знаний или чувственного опыта, исследований, воевать. Разную, в общем. Доверяем мы только кровным родственникам. Или кровникам – выбранным и проверенным друзьям или напарникам. Все остальные окружающие – потенциальные враги, соперники или лишь временные союзники. Поэтому, в случае появления интереса к чужаку, сначала возникает жажда удовлетворить любопытство, страсть или тупую кратковременную похоть. Чаще этим все и заканчивается. Если нет, первично возникшая жажда может перейти на второй уровень. Перерасти в более глубокую жажду обладания. Здесь подключаются другие чувства, помимо страсти. Появляется ревность, нужда защитить свою собственность, принарядить, позаботиться о ее сохранности... У всех по-разному.

Дальше подхватил Ринх, видимо, тот самый кровник и напарник Томаша, раз тот ему позволил продолжить:

– Ваша любовь – жалкое подобие того, что чувствует темный, когда его жажда не просто разрослась, а пустила корни в душе. И достигла последнего, третьего уровня. Стадии одержимости. Вот тут все серьезно. Как и темная энергия, она приходит неспешно, но накрывает неотвратно и беспощадно. И навсегда!

– Разве это плохо? Любить так сильно? – глухо спросила я, ни к кому не обращаясь.

– Что-то мне подсказывает, что ни один из светлых не захочет познать все грани темной любви, – сухо ответил Анриш ди-ре Сол.

Как романтическая девушка я не согласилась с его выводом. Мне очень-очень хотелось любви, яркой, сильной, страстной. Мне двадцать пять, я дважды умирала, училась и работала как проклятая несколько лет, столько и столько потеряла. И я мечтала, чтобы пришел ОН и полюбил, навечно, меня одну, как ничто и никого другого... Только неожиданно вспомнилась маленькая такая особенность, свойственная магам жизни. Любовь у нас одна и на всю жизнь, а если не любишь или не любят в ответ – умри! И словно сосульку проглотила.

– А как же любовь к детям? – уточнил наш Ален Мандич, довольно сильный огневик с боевого.

– Родная кровь для нас всегда в голове и сердце. На первом месте, – ровно ответил Анриш ди-ре Сол.

Хоть чем-то порадовал!

Дальше занятие пошло почти по привычной колее, хотя в том же направлении, разбор отличий и схожестей светлой и темной магии. Похоже, преподаватель пытался не только светлым хотя бы азы по высшей некромагии дать, но и темным на элементарных примерах провести параллели между полярными видами магий. Особенно, когда есть мы – этакий демонстрационный материал, на ком или на чем эти параллели провести. Удивительно, но мне было очень интересно. Вроде все люди, а отличаемся не только менталитетом и культурными особенностями, но и, оказывается, восприятием. Хотя у нас подобные различия изучали на всеобщей истории и культурологии. Только, как выяснилось, многое в нашей учебной программе упущено.

Прозвучавший звонок стал неожиданностью. Темные ушли первыми, светлые потянулись к дверям сплоченной группой. Пока не раздался сухой приказ, заставивший меня вздрогнуть:

– Эйта фин Ришен, останьтесь!

Одногруппники замерли, но я кивком предложила им подождать меня за дверью. А сама подошла к столу преподавателя, напряженно спросив:

– Вы что-то хотели, мэтр?

– Вы можете написать реферат и больше не ходить на мои занятия. Я поставлю вам зачет. Мы оба понимаем, что вам здесь делать абсолютно нечего, – удивил меня предложением декан.

Значит, я не ошиблась: теперь он абсолютно точно определил уровень моей магии. И несмотря на наши самые нехорошие прогнозы, решил пойти мне навстречу. Моргнув пару раз, я осторожно ответила:

– Я очень благодарна вам за предложение, мэтр, и с удовольствием его приму, написав реферат по той теме, которую вы сочтете нужной. Но если позволите, продолжу посещать занятия по высшей некромагии.

– Зачем? – недоуменно спросил он.

– Мне интересно, – призналась я, а потом, поморщившись, добавила, – и еще, к сожалению, мне лучше всегда и везде быть со своей группой. А не в одиночестве слоняться по коридорам академии... темных. Это не безопасно.

– Ясно, – сложив руки на груди, кивнул мэтр, но по-прежнему смотрел внимательно в непонятном ожидании.

Что еще он хочет или хотел услышать от меня?

– Я могу идти? – тихо уточнила я.

– Можете, – кивнул некромант.

Весь путь до двери я ощущала спиной его тяжелый изучающий взгляд. И отчего-то очень хотелось обернуться, чтобы еще раз взглянуть на этого мужчину. Что же с тобой случилось, Машенька? Ведь мы совершенно из разных миров и, как оказалось, по-разному чувствуем!

Глава 10

– Вы заметили? Стихии с темными работают тяжело, сопротивляются! – захлебывался довольством Лесь Ружич, пятикурсник с природного, пока мы переходили с одного тренировочного полигона на другой.

– Потому что они их прогибают, покоряют, а не договариваются, – поморщился его одноклассник Гледар Очич.

– Что ты хочешь этим сказать? – вскинулся Лесь, – Что они лучше?

– Нет, просто подход другой, а результат тот же. Поэтому нечему тут радоваться, – отмахнулся от друга Гледар, потирая грудь в распахнутой мантии.

Занятия на полигонах походили на боевую практику, либо на суровую физическую подготовку. Сегодня как раз проходили полигон с препятствиями с использованием стихий. Поэтому вся наша группа пятикурсников была уставшая и слегка расхристанная, потому что парням было лень приводить себя в привычный для светлых порядок. Так и шли, только длинными мантиями, болтавшимися на плечах, отличаясь от темных. Я же скорее ковыляла, выжатая как лимон. Спрашивается: зачем высокородной лее, целителю эти экстремальные тренировки?

Первая неделя в академии Далеита прошла для нас, светлых, трудно. Под градом насмешек и мелких провокационных нападок темных. С ехидными замечаниями преподавателей, не упускавших возможности пройтись по отсутствию тех или иных знаний, привычных для них. Так еще и друг на друга периодически срывались. Мрак!

И тем не менее, мы еще живы и даже относительно целы! Как говорила фельдшерница Жабба, лечившая Буратино, пациент скорее жив, чем мертв.

Спор о стихиях прекратился, когда навстречу нам из-за высоких кустов выскочила перепуганная, бледная Мирна Роуш, природница с четвертого курса. Столкнувшись с высоким, плечистым Алесаном, она сначала, дико испугавшись, взвизгнула, а рассмотрев, прорыдала:

– На мою группу напали!

Я аж споткнулась от неожиданности. Среди шестерых светлых с четвертого курса трое девушек. «Как можно нападать на девушек?» – едва не вырвалось у меня, когда догоняла своих однокурсников, которые рванули на помощь, ловко перепрыгивая любые препятствия. И пусть на мне брюки, я не сайгак и не боевичка, чтобы так скакать. Пришлось обегать, отчаянно надеясь не отстать, ведь тоже опасалась нападения, если останусь без товарищей.

Вскоре мы оказались на соседней тренировочной площадке, походившей скорее на футбольное поле из-за подстриженного ромбами газона, который, несмотря на осень, еще и не думал увядать, радуя яркими зелеными оттенками.

На поле в окружении десятка темных жались друг к другу наши четверокурсники. В самом центре сжимала кулаки белая от страха Адеис, перед ней, пока еще просто обмениваясь ругательствами с темными, стояли Этеис Мар, друг Алесана, Алиса Шаль с боевого факультета и двое природников, Молен Ослен и Ройлен Акади. Причем, я узнала, оба из одного аграрного округа Байрата. Молен будет заниматься орошением полей, а Ройлен – улучшением почвы. То есть боевики из них, прямо скажем, никакие. А тут десяток темных, да на наших несчастных светлых. Вот уроды!

Добежать мы не успели, спор перерос в откровенный мордобой между Этеисом и парой темных парней. Их активно поддерживали местные девицы в коротких плиссированных юбках и гольфах. Довольно удобной одежде, надо заметить. Я не расслышала, пытаюсь отдышаться, что именно бросила в сторону Алисы одна из темных забияк, но в итоге та отлетела в сторону, получив легким воздушным кулаком под дых от светлой. Алиса – сильный воздушник, еще и боевой маг.

Дальше... дальше начался настоящий бой. Мне кажется, темные только этого и добивались, провоцируя нас на опрометчивый выпад, чтобы затем морально и физически уничтожить. Вскоре драка с применением магии пошла стенка на стенку, особо нервические темные девицы кидались на моих девочек, одна – даже на меня, да еще с каким-то лихорадочно горящим, полубезумным взглядом. Но я увернулась, а агрессивная гадина мне только манжет от рубашки оторвала, зацепив острыми когтями.

Темные парни били без разбору, невзирая на пол, а вот светлые не могли так. Им приходилось либо руками, либо магически отталкивать визжавших подобно диким кошкам девиц.

Шум и всплеск боевой магии привлекал на поле все больше темных. Вскоре светлые с пятого и четвертого курса оказались в плотном окружении врагов и отражали множественные атаки. Мне пришлось лечить пострадавших: Этеиса ранили в плечо, кровь залила всю рубашку; Мирна двигалась с трудом, проверив ее, я выяснила, что ей парализующим заклинанием досталось, хоть и по касательной задела, твари!

Чем дольше длилась схватка, тем страшнее мне, да, думаю, и другим ребятам из Байрата, становилось. К моему откровенному непониманию, разочарованию и злости, недалеко от места происшествия за происходящим наблюдали двое преподавателей. И с улыбками обсуждали боевые действия, иногда даже корили своих темных студентов за плохо отработанные и неудавшиеся магические и боевые приемы.

Как-то помогать нам или остановить почуявшую вкус крови оголтелую темную толпу они не собирались.

– По отдельности не выдержим, нужно объединить энергии и создать единый щит, – выдохнул Алесан.

Я слышала о подобном взаимодействии, но к нему прибегают очень редко. Ведь светлые привыкают использовать лишь «свою» стихию, привычную, которой легче управлять. И ломать себя, перестраивая годами наработанную связь, рискуя перегореть, налаживая «отношения» с другими стихиями, захочет не каждый. Только выбора нам темные не оставили.

Я скользнула к Алесану первой и, положив ладонь ему между лопаток, начала подпитывать. Остальные замешкались лишь на пару мгновений дольше, однако их можно понять: рискуют выгореть именно они. Зато вскоре нашу группу накрыл единый щит. Только как долго мы выдержим, не имея права ответить чем-то серьезным? Если нас обвинят в нападении или провокации, последует наказание. Или того хуже, пострадает мирный договор. Да и чем мы, светлые, можем ответить кардинально, когда нас всего двадцать два, а вокруг все больше и больше злобных лиц скалилось, темные с каждой минутой

прибывали со всех сторон, словно изо всех щелей, только что с неба не спускались.

Я затравленно озиралась в поиске спасения, пока не наткнулась взглядом на Томаша и Ринха. Они мирно стояли в стороне и просто смотрели, хотя наверняка тоже развлекались за наш счет, как и преподаватели. Причем, Ринх очень уж нехорошо и слишком плотоядно смотрел на Айшат, на которой во время боя окончательно разошлась мантия, открыв вид на впечатляющие выпуклости, округлости и осиную талию.

Паника и отчаяние накрыли меня с головой, но именно в тот момент, когда надежда на мало-мальски терпимый исход почти исчерпала себя, в поле зрения появился ди-ре Сол. Похоже, он не сразу понял, что происходило. Видимо, подобные заварушки и бои здесь не редкость. Остановившись возле преподавателей, подпиравших дерево, он равнодушно обошел всех участников потасовки бесстрастным взглядом. Рассмотрев лица светлых, едва заметно нахмурился, а потом его взгляд, скользя между голов бесчинствующих студентов, замер на мне – уже, кажется, привычно поймал в ловушку. И я воспользовалась его вниманием – постаралась глазами передать мольбу о помощи и защите. Ну должен же хоть кто-нибудь из этих зверей быть человеком...

Тем временем заклинания темных сыпались на наш общий щит светлых все чаще и опаснее. Наша защита под таким натиском долго не выдержит. Пот катился по лицам моих товарищей. Адеис, уже не скрываясь, плакала. Да и у меня защипало глаза от подступивших слез, обиды и разочарования. Неужели даже проректор ди-ре Сол не поможет? Неужели они тут все в Ирмунде бесчувственные и бездушные?

Вдруг ди-ре Сол двинулся в нашу сторону. Я с отчаянной, возрождающейся надеждой следила за ним, уговаривала себя: «Нельзя показывать свою слабость, не смей плакать, Машка!»

– Прекратить! – громко прозвучал его приказ.

Томаш и Ринх синхронно устремились к своему декану, словно верные псы к ноге хозяина. А вот остальные студенты в запале плевать хотели на любые приказы. Мало того, кто-то вновь, как и в первый день в столовой, запустил в нас кошмарное черное облако –

смертельное заклинание, способное не только убить, но и стереть с лица Хартана.

– Всю энергию на щит! – успел крикнуть Алесан.

Но, слава богу, эта черная гадость не успела добраться до нас – между ней и нами возникла темная стена. Затем, буквально растолкав магией замешкавшихся от неожиданности темных студентов, ди-ре Сол медленно двинулся в образовавшийся живой проход. К нам.

До этого всегда спокойный, я бы даже сказала, замороженный, маг смерти неожиданно показал и другую свою сторону. Его красивое лицо потемнело от ярости, стало резче, как у ощерившегося хищника, затем он злобно рыкнул:

– Томаш, Ринх, выявить зачинщиков и тех, кто использовал запрещенные смертельные заклинания. Всем назначаю недельную отработку. Чистить нужники, конюшни, дворы и полигоны, на кухне всегда нужны рабочие руки! Выполнение задания лично проконтролирую!

О-о-о... Назначенные ответственными парни не успели приступить к своим обязанностям, а на поле, кроме светлых и собственно магов смерти, ни одного темного не осталось. Даже преподы предпочли удалиться.

Я осмотрелась и вновь остановила взгляд на декане белой кафедры, сердце заполошно колотилось от страха. Мои земляки пытались отдышаться, некоторые даже осели на траву, вконец обессиленные. Я шагнула к ди-ре Солу, неосознанно, сама не знаю зачем: поблагодарить за спасение, прижаться, чтобы успокоиться или хотя бы на него выплеснуть гнев за чужое подлое нападение. Однако в этот момент на краю поля увидела бежавших к нам мэтра Лореса с Рином Шмуном и замерла, глядя на них, потрепанных и взлохмаченных. Еще и запыхавшихся, значит, тоже отбивались от темных и бежали всю дорогу, беспокоясь о нас. А ведь Шмун точно не воин. И раз Лорес прибежал нам на выручку – справился в одиночку!

– Лея Эмария, серьезно пострадавшие есть? – куратор сразу обратился ко мне как целителю.

– Уже все в порядке, мэтр, – отчиталась я.

А вот Адеис, забывшись, подбежала к куратору и, прижавшись к его груди, разрыдалась. Обняв дрожавшую девушку за плечи, он осмотрел нас и поле боя. От его внимательного взгляда ни одна деталь

не ускользнула. На вспотевшее лицо набежала дымка мрачной бессильной злости, даже зубами скрипнул, трогательно прижимая к себе девушку, перепуганную, страдающую, нежную, явно дорогую его сердцу.

Оценив обстановку, Лорес вновь посмотрел на проректора:

– Полагаю это вы помогли моим подопечным? Благодарю вас, мэтр ди-ре Сол.

Но маг, который темнее некуда, с неменьшим интересом рассматривал нашего куратора в обнимку со студенткой и промолчал. Потом кивнул и посмотрел на Шмуна, чем вынудил и остальных обратить на него внимание. Бледный парнишка с красным росчерком ссадины на щеке, с капюшоном, болтавшемся на сантиметре оставшейся пришитой ткани, нервно переминался с ноги на ногу под взглядом черных, словно поглощавших свет глаз мага смерти. Стоило Шмуну двинуться с места, я заметила, что на его сапоге оторвалась подошва у мыска. Эх, вот проблема: осень уже, пусть пока сухая и теплая, а деньги на новые сапоги у него вряд ли есть.

– Вы еще не обедали, мэтр? Не хотите присоединиться к нам? – спокойно, несмотря на ситуацию и молчание темного, вновь обратился к нему Лорес.

Хотя я видела, чувствовала, что это предложение и продолжение разговора далось ему с огромным трудом. Но здесь и сейчас он поставил интересы и безопасность подопечных выше своей гордости и достоинства.

Я затаила дыхание, отчаянно надеясь на согласие темного. Анриш ди ре Сол, опустив взгляд, посверлил им меня и наконец вновь привычно, каким-то неживым голосом, в котором исчезли отголоски чувств и недавний шквал эмоций, произнес:

– Еще нет, но вы правы, стоит перекусить.

– Алесан, Дитмар, Дин, встретьте третий курс и проводите в столовую! – отдал приказ боевикам куратор. – Остальные стройтесь и вперед! Виктор, ты ведущий.

Повторять что-либо ему не пришлось. Двумя потрепанными нестройными колоннами мы направились в столовую. Замкнули светлый отряд Лорес рука об руку с Адеис, тихонечко и смущенно шмыгавшей носом, и я с ди-ре Солом.

Всю дорогу я исподтишка косила взглядом на своего спутника. Высокий, я ему с трудом макушкой до ключиц достану. Поджарый, крепкий, уверенный в себе, сильный мужчина. Невольно в мыслях вернулась на несколько минут назад, вспомнила выражение его лица, когда он увидел стычку. Ему было откровенно плевать на нее. Потом наши взгляды встретились, у него появилась хмурая складка между бровями, раздражение и злость, только не понятно на кого или на ситуацию в целом. Смертельное заклинание и его разъяренное, явно вынужденное вмешательство. Почему-то подумалось, что в тот смертельно опасный момент ди-ре Сол среагировал скорее инстинктивно, а не намеренно.

Почему? Если он маг смерти, то жертвы своей богине лишними не будут. Или я не права и ничего не знаю об этой стороне магии?

Мой интерес не остался незамеченным – я была поймана с поличным. Ощущая как загорелись от смущения щеки, отвела взгляд, пытаюсь смотреть куда угодно, но не на мага противоположной специализации. Зацепилась взглядом за наши тени, двигавшиеся сбоку от нас. Одна меньше другой, они наслаивались друг на друга, соединялись и почему-то этим привлекали мое внимание. Следя за тенями, обратила внимание на мужскую руку, которая слегка раскачивалась вперед-назад в такт шагам рядом с моей. Сверкнул массивный родовой перстень, напомнив о высоком положении своего хозяина. В груди шевельнулось непрошенное чувство самоуничтожения, шепнувшее: «Кто он и кто ты, нищая баронесса». И это чувство приниженности мне ой как не понравилось.

Почившая матушка Эмари не раз говорила: «Не титул определяет ценность человека, а сам человек и его поступки». Поэтому я мысленно потопталась по своим сомнениям в себе. Бросила любопытный взгляд на спутника и снова оказалась под прицелом его черных глаз-бездн. И чуть не рухнула ему под ноги. Ди-ре Сол ловко подхватил меня под локоть и удержал. Ну да, не глядеть себе под ноги чревато. Чувствуя, как жарко загорелись от смущения мои щеки, глухо поблагодарила:

– Спасибо, мэтр, я была невнимательна.

Мы приотстали от моего отряда, пока смотрели друг другу в глаза.

– Будь осторожнее! – посоветовал он и продолжил путь.

А я, сделав несколько шагов, запоздало осознала, что совет дали, перейдя на «ты». Но почему-то не испугалась, меня охватил с десятков разных эмоций: давно забытый девчачий трепет перед понравившемся парнем, который обратил на тебя внимание; возмущение аристократки нарушением приличий; азарт в крови, какой бывает с первыми чувствами к заинтересовавшему объекту внимания. Обмен взглядов. Флирт? В общем, у меня случился полный разгул эндорфинов.

Он оглянулся и явно не ожидал увидеть на моем лице улыбку:

– Да, конечно, я буду.

У лестницы второй башни Лорес остановился, приказал нам идти в столовую, а сам обратился к ди-ре Солу:

– Скажите, мэтр, насколько допустимо это происшествие? И стоит ли писать докладную на ваше имя или ректора?

Оба мужчины были почти одинакового роста, только наш куратор шире в кости. Погрубее и попроще сложен. Но оба привлекательные и сильные мужчины. Темный мэтр молчал несколько секунд, глядя на собеседника, потом коротко усмехнулся и ответил:

– В Далеитской академии – это вполне допустимая и даже привычная сцена. Таким образом закаляется характер мага.

Увы, вполне ожидаемый ответ.

– Значит, жалоба вашему повелителю лишь ухудшит положение моих подопечных, а не исправит?

– Скажем так, Ромус ди-ре Солар не проникнется вашими проблемами, просто не поймет. Здесь растят магов-универсалов, способных выстоять против любого врага!

– Мэтр, вы забываете, что против моих парней собирается толпа ваших на порядок больше! Это не этично и не...

– Нет, мэтр, это вы забыли, что у нас с вами разная мораль и управляющая энергия. И правила жизни тоже. Вам придется либо стать сильнее, либо... – «умереть» он добавлять не стал.

– Значит, придется стать сильнее, – кивнул Лорес, не сдерживая злости.

– Мы оба с вами понимаем: они слишком слабые для борьбы со всей темной академией! – презрительно дернул уголком рта ди-ре Сол.

– Нет, просто другие, не такие, как ваши! – не согласился Лорес.

Маг смерти мрачно усмехнулся:

– Такие другие, что к концу учебного года нам будет проще выплатить компенсацию Байрату за нарушение условий договора, чем уследить за живучестью избранных светлых.

– Помимо компенсаций существует такое понятие как честь. И слава богам, хотя бы байратские маги умеют ее хранить. Постараемся вас удивить и выжить, чтобы Ирмунд не обеднел, – скрипнув зубами, сухо процедил светлый боевой маг.

– У нас есть шанс проверить ваши слова.

Оба мужчины замерли друг против друга, как бойцы на ринге, и сверлили нехорошими взглядами.

– Академия магии – высшее учебное заведение. С четким регламентом, уставом и правилами. Ваши наставники и преподаватели, тем более ректор и заместитель по воспитательной работе, обязаны сделать все от них зависящее, чтобы юные маги не рисковали своими жизнями в стенах учебного заведения.

Мэтр ди-ре Сол хмыкнул, разглядывая нас с Лоресом, невольно вставших плечом к плечу. Помолчал, тем самым помучив немного, – ну да, темный же, – а затем огорошил ответом:

– Самое сложное для темного – научиться контролю над собственной магией, которая ломает, меняет восприятие, управляет желаниями, рождает жажду! В отличие от Байрата, в Ирмунде с десятков магических академий, разбросанных по всему королевству. Ведь и магов у нас в разы больше, чем у вас...

– Мы знаем, – мрачно кивнул Лорес.

А вот проректор перевел потяжелевший хмурый взгляд на меня и многозначительно продолжил:

– Любая темная академия – место усмирения силы, обучение контролю, создание иерархии среди очередного поколения. Студентам темной академии можно почти все, кроме убийств и использования запрещенных смертельных заклинаний! Секс, драки, боевые схватки, интриги и провокации – все! Это закаляет характер, волю, а главное, помогает сродниться с силой, установить тотальный контроль над ней. И познать всю глубину ее воздействия на хозяина. По сути, любая наша академия – резервация для диких зверей, которыми становятся темные маги, вошедшие в полную силу, но еще не научившиеся с ней справляться. Выпускает академия уже состоявшихся магов с полным

контролем, спустивших пар, готовых достойно служить своему повелителю и народу...

– Томаш и Ринх – выпускники? – оборвала я.

– Да, – нахмурился ди-ре Сол.

– Значит, они подчинили свою магию, должны служить своему народу. Впрочем, как и ваши преподаватели. Но сегодня ни студенты с вашей кафедры, ни преподаватели, никто не помог нам, кроме вас. Ведь мы здесь гаранты мирного договора, а ваши там, у нас, сейчас...

– Я предупреждал не судить других по своим нормам морали и не навязывать свое видение правильного и нет. Все маги Ирмунда, не важно, девушки или парни, обязаны отслужить определенный срок на благо короны и народа. Здесь сейчас учатся дети магов, воевавших со светлыми, в том числе погибших за Ирмунд. Наши королевства уже слишком давно воюют. И ненависть друг к другу слишком глубоко проникла в кровь. Ее не так легко искоренить. И подписанная бумажка о возможном мире тоже не способна за раз изменить отношение темных к светлым... как и ваше к нам. Ведь верно?

– Этот год будет для всех нас смертельно сложным, – мрачно согласился Лорес.

В отличие от нас, студентов, он-то как раз обо всем знал и понимал еще тогда, когда нам зачитывали списки избранных.

– Вы же сказали, что светлые способны удивить? У вас есть шанс это доказать, – криво и почти зло усмехнулся Анриш, развернулся и ушел.

Мы с Лоресом были так увлечены разговором с магом смерти, что пропустили момент, когда к нам присоединилась Адеис. Под впечатлением от последних слов Анриша ди-ре Сола, она взяла Лореса за руку и, заглядывая ему в глаза, с мольбой выдохнула:

– Мэтр, умоляю вас, будьте осторожнее с ним. Он же маг смерти!

Наш куратор заглянул в лицо девушки, и я убедилась, что оба испытывают друг к другу сильные чувства. Его черные глаза затопила грустная нежность, а пальцы крепче сжали девичью ладошку.

– Все будет хорошо, маленькая, – тихо пообещал он.

Они замечательно смотрелись вместе: высокий, крепкий, суровый брюнет и невысокая плотненькая рыженькая девушка с круглым симпатичным личиком и милыми ямочками на щеках – темная ночь и солнышко.

Глава 11

– Тай-ше-ра-лиа-на-а... ми варэ... эй-фау-хан, – Алесан будто не магию творил, а пел темное заклинание.

От его красивого глубокого баритона у меня по коже бежали восторженные мурашки, я была согласна хоть весь день наслаждаться этим речитативом. Талантливому огневику вторили четкие ритмичные приглушенные звуки маленького рамочного барабана, извлекаемые Виктором. Парни почти вводили меня в гипнотическое состояние.

Я невольно вспомнила, как три года регулярно навевывалась в ройзмунскую таверну на улице Часовщиков ради выступления Алесана и Этеиса. Самые приятные часы в этом мире, когда можно было расслабиться и насладиться музыкой.

Да и уроки музыки и пения у мэтра Глорена, уверена, никому не забыть. Для меня они стали самыми любимыми занятиями, куда я стремилась всей душой. Он старательно учил своих студентов владеть сразу несколькими и разными музыкальными инструментами. Иных банально натаскивал. Зато в результате даже те, кому стадо слонов оттоптало и уши, и пальцы, по наитию не только сносно пели и попадали в такт и ритм, но и играли на хорошем уровне. Ведь от этих умений зависело получение диплома Ройзмунской академии, чтобы стать профессиональным магом. Ведь маги – это не только чистая сила, но и сложнейшие магические руны и певучие заклинания с доскональным соблюдением ритмов, звучания и малейших полутонов.

Повезло, что среди пятикурсников нашлось еще несколько обладателей приятных голосов, поэтому на занятиях по темным проклятьям и защите от них я скорее наслаждалась специфическим пением, чем училась. Смысл? Как и магия смерти, магия проклятий мне не подвластна. Нет, как маг я, конечно, могу убить или проклясть, только что будет потом? Магия жизни накажет так, что я позавидую мертвым. Однако мэтру Опирусу плевать на мои трудности. Уже после второго занятия я возненавидела его так, что, выйдя из аудитории, хотела помыться с хлоркой. Настолько грязный, мерзкий взгляд у этого преподавателя, которым он ощупывал меня, оценивал... нет, приценивался, словно к товару. Тьфу, гад!

Однако именно Опирус преподнес нам сюрприз, расширив возможности светлых магов. Оказалось, если ты не целитель с жесткими ограничениями, то использовать и создавать темные проклятья, как и защищаться от них, способен маг любой направленности и одаренности. Можно сказать, неожиданное открытие и весьма полезное. Поэтому ребята молчком терпели оскорбительные и уничижительные высказывания мэтра, внимая каждому его слову. И откровенно говоря, теща этим его гигантское самолюбие.

Жуткий звонок привычно заставил вздрогнуть, но все студенты спокойно завершили ритуалы, собрали сумки и направились на выход.

– Эйта фин Ришен, задержитесь! – прозвучало мне в спину от мэтра, не позволившего покинуть аудиторию.

Ребята остановились, но я спокойно кивнула им на дверь. Следующее занятие будет проходить на этом же этаже, только в другом конце коридора. Я без проблем дойду.

Мы с Опирусом остались наедине, слава богу, светлые дверь предусмотрительно оставили открытой. Преподаватель развалился на стуле и бесцеремонно рассматривал меня, замершую у стола. Крепкий, невысокий, средних лет мужчина, не красавец, но без отталкивающих черт и видимых изъянов. Обычный голубоглазый брюнет. Если бы не сальный, похотливый взгляд, не эта поза хозяина мира и не зашкаливающее самомнение.

– Вы что-то хотели мне сказать, мэтр? Простите, но скоро следующая лекция, – ровным, безэмоциональным тоном напомнила я, нарушив тягостно-противную тишину.

– Эйта фин Ришен, вы в курсе, что экзамен по моему предмету состоит из теоретической и практической части?

– Нет, мэтр, не в курсе, – тем же тоном ответила я, хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

– Теперь знаете. Заодно хорошенько поразмыслите, каким образом успешно сдать мне практику.

– Я могу идти, мэтр? – сухо спросила я.

– Можете, – ухмыльнулся препод, облизнув тонкие сухие губы.

Отчего у меня во рту разлилась горечь. Развернувшись, я вышла из аудитории на деревянных ногах. В коридоре, мрачном, длинном, с несколькими ответвлениями, никого не было, хотя слышалось эхо

голосов. Прижав к груди сумку с тетрадами, я поспешила на следующее занятие. Надо было только дойти до третьего «перекрестка», повернуть направо и потом до самого конца коридора поторапливаться на любимый предмет – высшую некромагию у ди-ре Сола.

Казалось, рядом и без проблем, но не повезло. У первого же перекрестка столкнулась с тремя темными, точно не выпускниками, с ними за эти две недели я почти со всеми в лицо познакомилась. Темные за секунду оценили ситуацию: пустой коридор, свидетелей нет, защитников тоже, а светлая девушка, беззащитная целительница, одна.

Дальше меня схватили и в четыре руки потащили в соседний коридор, еще более сумрачный. Буквально внесли в альков, где пылилась одинокая узкая лавочка и попытались меня на нее уложить. Я изо всех сил укусила чужую ладонь, закрывавшую мне рот и одновременно с ее подлым выругавшимся хозяином заорала. Я пиналась и извивалась как угорь, которого поймали на крючок и собрались отправить в кипящее масло. К сожалению, выроdkов было трое, а я одна, слабая, меньше их в разы.

Я подавилась собственным криком, когда двое из нападавших неожиданно оторвались от меня и врезались перекошенными от удивления и страха мордами друг в друга. Из сломанных носов пошла кровь. Третий поделник, приложившись лицом о стену, оставил на ней багровые отметины. И все это творилось в молчании, разбавленном тяжелым дыханием, характерным треском лицевых хрящей и сиплым, болезненно недоуменным «кряканьем».

Забившись в угол, я смотрела, как зловещей тенью возникший в проеме алькова Анриш ди-ре Сол, не магией, а собственноручно наказывал напавших на меня гадов. Уже побитых, жалких, окровавленных, беспомощно привалившихся к стенке парней ди-ре Сол сверлил побелевшими глазами, из которых, как мне показалось, взирала сама Смерть. Добившись абсолютного внимания с их стороны, жутким, аж трещавшим лютым морозом голосом он выдал нравоучительную отповедь:

– Только абсолютный слабак берет женщину силой. Только полное, ни на что не годное ничтожество, недостойное носить мантию Далейтской академии, нападет на слабую девчонку, а вы втроем.

Парни старательно и глухо мямлили:

– Простите, ди-ре Сол...

– Подобного больше никогда не повторится...

– Ни с кем!..

– Я доложу о случившемся вашим семьям, пусть знают, что воспитали слабаков. Никчемный, бездарный, необучаемый мусор, который как последняя крыса нападает на самого слабого в темном углу. Вы не имеете ни единого достоинства, ума и характера, чтобы заполучить в свою постель заинтересовавшую женщину. Да еще настолько слабые, раз напали на женщину втроем, чтобы с ней справиться. Подобные вам не имеют права возглавлять свой род даже в будущем. Вы порченная кровь.

Несмотря на травмы и стекавшую по губам и подбородку кровь, трое козлов неожиданно встали и опустили головы. Следом прозвучало:

– Приносим вам, эйта фин Ришен, извинения за это недоразумение.

– Денежную компенсацию вы сможете потребовать в любое время.

– Просим прощения у вас, мэтр ди-ре Сол, за неподобающее поведение и недопустимый поступок.

– Просим вас лично назначить за него наказание, не поручая это главам наших родов. И не сообщая о случившемся...

– Я подумаю, достойны ли вы такого снисхождения. А сейчас пошли вон!

В следующую секунду мы с грозным мэтром остались в алькове вдвоем. И я, не раздумывая, шагнула к нему и прижалась всем телом. Да так и стояла, цепляясь дрожащими пальцами за мантию на мужской груди, позорно рыдая, выплескивая дикий страх и боль.

Моего затылка осторожно коснулась тяжелая ладонь Анриша, затем чуть притиснула к нему. Второй рукой он прижал меня за плечи, бережно, как ребенка. Не было ощущения ограничения или тисков, скорее я чувствовала себя защищенной и в безопасности. А вот его голос, в отличие от заботливых рук, сочился еще не ушедшей злостью:

– Как вышло, что ты осталась одна? Почему твоя группа пришла на мое занятие без тебя?

– Меня мэтр Опирус задержал, спрашивал, как я практику по его предмету сдавать собираюсь. А ребят я сама отпустила, сегодня занятия на одном этаже. Думала, без сопровождения дойду.

– Больше не смей ходить одна, поняла? – злой приказ прошелся сквознячком выдоха над моей макушкой.

– Да... – всхлипнула я.

В этот момент мерзкий звонок больно ударил по моим расшатанным нервам, заставив вздрогнуть и еще сильнее прижаться к декану белой кафедры. Он позволил мне пребывать в ореоле безопасности еще лишь пару мгновений, а затем вынудил посмотреть ему в глаза, просто скользнул ладонью с моего затылка к подбородку и поднял лицо. Заплаканное, наверняка покрасневшее, с опухшими глазами. Взгляд ди-ре Сола был странным, хмурым, затем он кончиками пальцев осторожно, как-то изучающе ласково обвел мое лицо. Потер большим пальцем подбородок, едва коснулся моих губ, словно проверял, насколько мягкие. Глаза моего неожиданного спасателя совсем потемнели, брови сошлись у переносицы, как если бы его что-то обеспокоило, пришлось не по нраву, разозлило. Он мягко отстранил меня и приказал:

– Беги на занятие, мои студенты обязаны явиться до меня, а не после. Не будем нарушать это правило!

Растерянно кивнув, я подобрала свою сумку и рванула из чертова закутка. В аудиторию прибежала запыхавшаяся, быстро прошла на свое место на первом ряду за центральной партой, провожаемая десятками глаз, удивленных, озабоченных, обеспокоенных. И только плюхнувшись за парту осознала: выходит, не дождавшись меня, Анриш пошел искать...

Мужчина, о котором я думала, вошел спустя минуту, привычно захлопнув за собой дверь магией. И не глядя на меня, начал новую тему. Как обычно, интересную, только сегодня я не могла на ней сосредоточиться. Все мои мысли растекались, разбегались, разлетались сразу по нескольким проблемам. Как стать сильнее, чтобы никогда-никогда не повторилась недавняя ситуация? Еще о том, что ментально я четверть века разменяла, но ни разу за эти годы не любила, семья и подруги не в счет. Не испытывала любви к мужчине, не горела от страсти, даже о семье, попав на Хартан, перестала мечтать, решая кучу жизненных и, казалось, более важных проблем.

Да, маги живут до трехсот, почти вечно молодые и копят не болячки, а жизненный опыт. Но оглянуться не успеешь – жизнь пройдет, а ничего, кроме работы, так и не познала...

И тем не менее, что называется с головой зарывшись в свои мысли, я невольно любовалась преподавателем. Господи, ну почему единственный мужик, который тронул мое сердце, темный?

Маг жизни и маг смерти – прямо насмешка судьбы!

Я тяжело вздохнула и, подперев щеку кулаком, вспомнила недавнюю лекцию по различиям между нашими магиями. И сухой тон, и насмешливо-злое мнение Анриша: «Что-то мне подсказывает, что ни один из светлых не захочет познать все грани темной любви».

В этот момент прямо напротив замер предмет моих нерадостных дум. Подняв глаза, я столкнулась с его темным, мрачным взглядом. А по моему столу нехорошо так забарабанили длинные сильные пальцы. Мои щеки обжег стыд и смущение, я выпрямилась и, схватив карандаш, уставилась в пустую страничку тетради. Вот стыд, он же видел и понял, что я совсем не слушала и ни строчки не записала, только на него и тарасилась. Эх, Машка, Машка, возьми себя в руки!

* * *

Пришлось рассказать мэтру Лоресу о случившемся со мной инциденте. Алесан доложил куратору о том, что сначала меня задержал Опирус, а потом, как я и думала, ди-ре Сол почему-то неожиданно вышел из аудитории перед самым началом занятия с весьма мрачным видом. Вернулся он следом за мной, причем, каждый из однокурсников отметил, что я наверняка плакала, была бледна и очень расстроена.

Мне даже обидно стало за своего спасателя, ведь сперва наши решили, что он – причина моего опоздания. В тот момент я истерически расхохоталась на предположение о домогательствах мага смерти. Узнав правду, ребята среагировали по-разному: девушки побледнели, парни, наоборот, потемнели лицами.

Поэтому вечером того дня Лорес начал тренировки по самообороне для светлых студентов не с боевого факультета. Сначала прямо в коридоре общежития, но там оказалось слишком тесно.

Пришлось переместиться в парк. И вот уже три дня у нас ежевечерние тренировки на самом дальнем полигоне. Сбившись вокруг нашего мэтра, мы внимали каждому его слову:

– Не важно, какая у вас разница в росте, даже если вы гораздо ниже, это может стать преимуществом в бою. Главное – нанести удары в самые уязвимые места противника.

– Что я могу против Рорика? Он в два раза больше меня, – растерялась Мирна.

– Многое! – усмехнулся мэтр. – Когда от тебя ничего не ждут, проще победить.

Адеис нервно хихикнула:

– Тихонечко помереть от страха?

– Рисса Лаш, подойдите ко мне, – Лорес протянул руку Адеис и с мягкой полуулыбкой ждал, когда она подойдет, – продемонстрируем ваши возможности.

– Точнее, их отсутствие, – стыдливо буркнула девушка, но спешно подошла к наставнику.

А вот ладонь в его руку вкладывала, пылая уже не от стыда, а смущения и заметного удовольствия. Чуть поодаль на траву уселась небольшая группа темных, заинтересованная нашим сборищем. Наверное, курс третий. Трое парней и двое девушек. Бросив на них короткий взгляд, Лорес на миг нахмурился, но видимо что-то для себя решил и крикнул им:

– Подходите ближе, будет проще запомнить, как вести бой без магии.

И те не заставили себя ждать. Встав, пружинистой походкой приблизились к нам и с интересом уставились на нашего преподавателя.

Лорес улыбнулся и продолжил:

– Итак, самые уязвимые места у любого человека – это уши, глаза, нос, грудь, горло, колени и пах.

– Да-да, у мужчин пах – самое слабое место, – хохотнул темный парень, выразительно поиграв бровями, явно имея в виду не самооборону.

Но, получив укоризненный взгляд Лореса, замолчал, а наш куратор продолжил:

– Если вас прижали к стене, у вас есть сразу несколько возможностей обрести свободу. Стоите лицом к противнику – тыкните ему пальцем в глаз со всей силы. Или ударьте кулаком. Пока противник будет справляться с болью, вы сможете хотя бы удрать. Если дистанция между вами слишком мала для подобного удара или руки зафиксированы, двиньте ботинком по колену.

– Может лучше сразу коленом в пах? – предложила я.

Большинство наших парней с удивлением посмотрели на меня. Их взгляд так и говорил: «Строила из себя тихоню, а сама тут коленками, да по святым местам...»

Зато темные девицы одобрительно хмыкнули, пока светлые тарасили на меня круглые глаза. От баронессы фин Ришен подобного замечания уж точно никто не ожидал.

– Для удара в пах все же некоторая соразмерность роста должна быть, иначе вам придется прыгать, чтобы достать до самого уязвимого места. Или для удара нужной силы, чтобы причинить максимальный вред, – не сдержал улыбки мэтр.

– А если ты мелкий и хрупкий, а противник – здоровый конь? – мрачно уточнила Мирна.

– Со всей силы основанием ладони или кулаком в нос. Или ребром ладони в кадык, – спокойно пояснял Лорес, при этом осторожно показывал приемы прямо на Адеис.

Правда, мне показалось, он ее скорее ласкал или гладил короткими движениями.

– Угу, все эти рекомендации хороши, если тебя просто к стенке прижали, а если сзади схватили? – передернула я плечами, вспомнив темный альков и трех уродов.

Мэтр смотрел на меня чуть дольше, чем обычно, с сочувствием.

– Неважно, стоите вы спиной к напавшему, лицом или боком. У вас всегда есть сразу несколько вариантов отпора. Используйте все возможные. Ткните пальцем в глаз, локтем или кулаком со всей силы ударьте в солнечное сплетение, стукните каблуком или мыском ботинка по колену. Если вам зафиксировали руки, постарайтесь хотя бы укусить за ухо или нос, это очень больно, противник рефлекторно выпустит вас из захвата. Или просто резко отклоните голову назад и нанесите затылком удар по носу или в челюсть.

– Что за собрание светлячков? – уточнил подошедший к нам темный из выпускников.

– Их тут ногами и руками работать учат, мозгов-то и силы не хватает! – заржал один из ранее пришедших.

– Ир Риваритес, подойдите ко мне, – сухо приказал мэтр Лорес насмешнику.

Раз Лорес назвал парня по фамилии, то он из его темных студентов, поэтому и привлек к занятию. Видимо, пытался наладить и сам с ними контакт, и нам помочь «влиться». Риваритес ухмыльнулся, переглянулся со своими друзьями и вальяжной походкой направился к нам.

Лорес пробежался по нам взглядом и выбрал боевичку с четвертого курса – русоволосую, очень милую, зеленоглазую Алису, стройную, но достаточно высокую и крепкую:

– Алиса... Рисса Шаль, прошу вас. – Как только оба, светлая и темный, замерли друг против друга, хотя, конечно, она все равно ниже и тоньше этого амбала, наш куратор предупредил: – Запомните, ир Риваритес, в жизни любого мага, без исключений, может произойти такой момент, когда магия иссякнет. В этом случае только голова, ноги и руки помогут выбраться из затруднительной ситуации.

– Только у полных бездарей и... – начал Риваритес.

Только в следующий миг его руку перехватил Лорес, окутал белесым свечением и ровно пояснил, пока темный тряс конечностью, шипя от боли:

– И вот вам простой пример!

Дальше парень попытался ответить мэтру магическим ударом, да только даже пшика не вышло. Выпучив глаза, он попытался обвинить Лореса:

– Вы!

Но тот не дал ему договорить:

– Это всего лишь антимагические наручники для правонарушителей. Они недолго действуют, не дергайся. Зато у тебя появился шанс узнать, что без магии остаются не только бездарь.

Немного успокоившись, Риваритес процедил:

– Я и без магии эту красотку уделаю!

– Отлично, давай проверим. Нападай! – предложил Лорес и кивнул Алисе.

Дальше, открыв рот, темные и светлые меньше минутки наблюдали за короткой стычкой. Ее даже боем или дракой не назвать. Темный ринулся на Алису, та ловким маневром ноги чуть не переломила ему колено, затем еще и ударом снизу, кажется сломала парню нос. И пока тот, скрючившись на земле, плевался кровью, она довольная стояла рядом и свысока обзревала обалдевшую группу темных.

– Ах ты светлая тварь! – запоздало вызверилась подруга позорно подвывавшего темного и, забыв о магии, кинулась с кулаками на Алису.

Ну что сказать, если мэтр Лорес надеялся интересным занятием объединить темных и светлых, у него не получилось. Сначала я просто на рефлексе поставила разъяренной девчонке подножку, и к ногам Алисы она уже подлетела, пропахав газон своим симпатичным курносый носом.

Ошеломленно-растерянное молчание – и попытка Лореса исправить ситуацию:

– Ребята, вы на занятии, сейчас мы...

Дину Рожаку, пятикурснику с боевого, чуть не прилетело в лицо, подло и неожиданно. Благо светлые не только маги хорошие, но и бойцы отличные. Дин отклонился и нападавший темный невольно завалился на него и получил удар по печени, а потом был отброшен на землю.

Затем я несколько секунд наблюдала, как Алесан играл в «достань меня кулаком», словно опытный боксер легкими прыжками уклонялся уже от двух темных. Ситуация быстро вышла из-под контроля, дальше уже в натуральную драку вовлекались новые и новые участники, в том числе и я. Обернулась посмотреть, что творится за спиной, – и в этот момент мне прилетело в глаз. От той самой курносой, что недавно растянулась у ног Алисы. Решила вернуть мне должок.

– Ай, – взвизгнула я, плюхнувшись на задницу.

Лорес прав, удар в глаз – это очень и очень больно, до искорок вокруг. На мою защиту встала Мирна, и вот уже обе, темная и светлая, с визгом таскали друг друга за волосы.

Драка набирала обороты – шум, численность, азарт и сначала шла без магии, как и хотел Лорес, на кулаках, ногах и с воплями. Однако довольно скоро противники вспомнили про свою магию.

Мне кажется, уже совершенно привычно на шум и выплески магии как мухи на навоз начали собираться темные. На нашу беду, общий купол мы поставить не успели, настолько все стремительно и масштабно развернулось. А главное, мы изначально оказались не в куче, а кто где.

Меня вздернули вверх мужские лапищи, перехватив поперек локтей за торс. А я, как только что учил Лорес, ударила назад затылком. Судя по хрипу и хрусту – попала! И как было обещано, хватка ослабла, я вывернулась, но запуталась в своей мантии и рухнула на колени. Ничего, юркой ящерицей, на четвереньках рванула в центр свалки, чтобы забраться в гущу светлых и спрятаться за спинами наших боевиков. Точнее, за спиной Лореса, где мы с Адеис одновременно оказались вдвоем. Дальше его тыл и нас обеих я закрывала магическим щитом.

– В круг, все в круг! – заорал Лорес, признав, что драка превратилась в очередной смертельный бой с бездумным азартом, остервенением и жадой победы любой ценой.

Откинув воздушной волной очередного противника, он успел за шиворот втянуть парочку наших в общий тесный круг. Метрах в пяти от нас прорывавшемуся в круг Анхилу в грудь ударил черный дымящийся магический кулак и отбросил его еще дальше. Парень так и остался лежать сломанной неподвижной куклой, напугав меня до дрожи. Неужели убили? Нет-нет-нет, только не это!

Окровавленного второкурсника Шмуна отбили Этеис с Алесаном, прорвались в общий круг и затолкали его в центр. Я лечила ему сломанную руку и краем глаза отмечала, как на дальнем полигоне темной академии разворачивалась самая настоящая бойня. Темные входили в раж и вряд ли были способны самостоятельно остановиться. Как и предупреждал маг смерти ди-ре Сол, слишком долго воевали Ирмунд с Байратом, слишком давно ненавидели друг друга темные и светлые. Слишком отличалась темная и светлая магия. А местная академия – это резервация для умирения диких зверей...

Над полигоном вместе с криками лилась разноголосая песнь темных проклятий и защиты от них. И светлые, и темные пели, красиво, жутко, прямо-таки завораживающе исполняли древние речитативы. Мэтр Опирус был бы доволен, даже мы, лишь пару недель начавшие изучать его предмет, работали безупречно. Только впервые в

жизни мне было не до наслаждения пением, оно меня пугало до белых мушек в глазах. Ведь вместе с сильнейшими проклятиями между глупыми живыми скользила сама Белая Эйта.

Я держала щит, лечила пострадавших и судорожно шарила взглядом по округе в поиске только одного лица. Анриша ди-ре Сола. За спиной кто-то вскрикнул, следом в меня что-то резко ударило и вынесло из общего круга. Оказалось, Дитмар не сумел сдержать мощное темное заклинание, его щит пробили, дальше по инерции вынудили буквально пролететь несколько метров, живым снарядом врезаться в меня и увлечь далеко вперед.

С трудом выбравшись из-под Дитмара, я оказалась в окружении десятка озверевших темных, которые сужали круг, создавая в ладонях разные заклинания. Хотя мне бы хватило и одного, чтобы в третий раз отправиться в объятия смерти. Я успела выставить защитный купол, не вставая с земли, оперлась на бедра лежавшего ничком Дитмара и ощутила, как по моим щекам побежали горячие дорожки слез.

Я не хочу снова умирать! Нет-нет-нет!

В мой щит полетели черные сгустки. Внутри меня все заледенело от ужаса и осознания: целительский щит против темной магии не выдержит. Ведь это исцеляющий кокон, а не боевая защита. Сжавшись, направила в свой энергетический заслон остатки магии. Вдруг повезет... Хоть бы еще секундочку выстоять... Еще разочек вдохнуть и выдохнуть... Ощутить последний теплый лучик заходящего солнышка...

Вдруг пространство словно ледяная волна прошла и разбежалась лютым холодом по сторонам. Вся трава передо мной стремительно посерела. Это было настолько неожиданно и нереально, что я замерла, вытаращившись на темно-серую траву. Опустив руки, вскинутые в защищающим голову жесте, я коснулась ближайших травинок. А они распались... пеплом... или тленом? Окружившие меня темные бугаи, что еще секунду назад пытались меня ранить, сломить, а может и убить сейчас походили на кукол. Словно надоели кукловоду и тот бросил их посреди движения. Замерли в неловких позах, будто, сделай они хоть одно движение, – подпишут себе смертный приговор.

Тишина стремительно накрыла полигон, словно и не было криков, воя, ругани, лишь прерывистое, сдерживаемое, напряженное дыхание. Мое дыхание! Я судорожно осмотрелась в поиске своих. Наш

недавний плотный круг, созданный Лоресом, разбили на отдельные группки. Кто-то, как и я, сидел на земле, кто-то еще стоял. За спиной куратора прятались сразу трое: Адеис, Мирна и Шмун. Почему-то Лорес расслабленно опустил руки, переводя дыхание. А остальные светлые пребывали в таком же непонимании, как и я, оглядывались, пытаюсь понять, что произошло.

Зато, похоже, темные догадались сразу. Еще мгновение на осознание – и вот уже даже самые тугодумы прыснули в стороны, в ужасе разбегаясь, точнее уходя в стороны от того, что приближалось к нам по создаваемому страшной силой проходу.

Странно, я почти не удивилась, разглядев кто явился, пугая своих же до бледной синевы, буквально за несколько секунд разлившейся на бывших багровыми от ярости лицах. Анриш ди-ре Сол, злой как черт, собственной персоной. Полы его красивого дорогого плаща развевались крыльями, волосы побелели. Но не это было самое страшное, а совершенно белые, без зрачка, глаза и белый туман, вившийся вокруг его ног...

Магия смерти стелилась туманом, поземкой и ручейками разбегалась по земле, скользила кошмарными змейками между ног студентов. И те, минутой назад столь непобедимые и разъяренные воины, в ужасе убегали прочь, отпрыгивали от этих белесых «змей».

Маг смерти во всей своей умопомрачительной красе. Только мне не было страшно, я ощутила дикое облегчение и радовалась. Подойдя ко мне, ди-ре Сол на несколько мгновений остановился – разглядывал сверху вниз совершенно белыми бельмами. Показалось, он чего-то ждал от меня. Только раздумывать чего, не осталось сил, ни моральных, ни физических. Я поднялась, обняла его за торс и разрыдалась.

От выплескивания пережитого ужаса меня отвлекло молчание. Точнее – гробовая тишина, которая только усилилась после моего слезоразлива. Оставив этикет – все равно сейчас на растрепанную ворону скорее всего походила – я вытерла нос рукавом. И с огромной неохотой отстранилась от такой, оказывается, надежной и спасительной мужской груди. Бросив на Анриша короткий стыдливый взгляд, я просипела:

– Простите...

И обернулась. На нас таращились все, без исключения. И свои, и чужие. Точнее, те, кто стоял на своих ногах или был в сознании. Только свои – с явным облегчением, а вот темные одним глазом следили за ручейками магии смерти, которая продолжала «гулять» по полигону, огибая бессознательных пострадавших, как бы «принюхиваясь» к ним, проверяя тонкими щупами на живучесть. А вторым глазом темные ошарашенно таращились на меня... точнее, на то, как «второй после повелителя» прижимал к себе светлую. Надо думать, подобные проявления участия не в привычках проректора академии, если вызвали столь яркие эмоции у темных студентов.

– Всем все понятно? – Анриш удивил лаконичным вопросом, правда от лютого холода в его голосе даже у меня внутри все замерзло.

– Да, мэтр, – прошелестело по нестройным и сильно поредевшим рядам темных.

– Свободны! Пока! – казалось, голосом Анриша рыкнула сама Смерть.

И вновь светлые увидели фокус: стоило где-либо появиться проректору ди-ре Солу, бац – и ни одного «лишнего» темного нет, а мы только удивленно моргнули.

Шмыгнув носом, я подняла лицо и, поймав начавший темнеть взгляд Анриша, с благодарностью выдохнула:

– Спасибо, мэтр!

Вместо его ответа или реакции на мою выходку с обнимашками, внизу застонал пришедший в себя раненный Дитмар. Со всех сторон меня позвали к другим пострадавшим.

– Благодарю, мэтр, вы очень своевременно подоспели. В этот раз нас действительно чуть не добились, – не удержался от язвительно-горького замечания Лорес.

Ди-ре Сол смотрел на меня, отвечая ему:

– Я был во дворце на аудиенции у повелителя.

Всего одна фраза, но столько смысла вложено. И причина опоздания. И даже почти извинение за задержку. И пусть его голос холоден и сух, а лицо совершенно бесстрастное, меня затопила очередная волна благодарности. А еще – теплая волна... нежности и обожания.

Залечив ранения Дитмара, я перебиралась от одного раненого к другому. Причем, лечить пришлось не только светлых, но и темных.

Им от наших байратских боевиков тоже сильно досталось. Поэтому, морщась от темной энергетики, я сшивала рваные раны, восстанавливала сломанные кости и даже поврежденные органы.

Наверное, я неправильная светлая. Или две смерти немного повредили мой рассудок, иначе почему, ползая между пострадавшими, я улыбалась. Может быть, потому что ди-ре Сол опять пришел и нас спас? Или потому, что не только светлые пострадали, но и темные валялись в отключке. Значит, мы не слабаки и всем это доказали. А может, потому что сама жива?

– Чего улыбишься? – раздраженно буркнул тот самый Риваритес, зачинщик. – Головой повредила?

Алиса сломала ему нос, кто-то – руку и заодно основательно проклял, но исправлять пришлось мне. Я еще шире улыбнулась:

– Вообще-то, жизни радуюсь!

При этом плевать мне было, что мое хорошее настроение его отвратительное, наоборот, еще больше испортило. Парень было открыл рот, наверняка сказать очередную гадость, но закрыл. Не из благодарности за мою помощь, нет, ее он принимал как должное, просто мы оба прислушались к разгоравшемуся спору двух мэтров, голоса которых становились громче.

– Мэтр ди-ре Сол, вы же понимаете, что это уже переходит все границы? – тщательно сдерживая ярость и контролируя тон, спросил Лорес.

– И что вы хотите?

– Необходимо донести до ваших студентов, что светлые по обмену неприкосновенны!

– Это невозможно.

– Почему?

– Я уже объяснял вам наши принципы обучения. В Далеитской академии неприкасаемых нет. Исключений не делается даже для наследников королевских родов! Чем лучше горстка никчемных светлых?

– Но вы же помогаете, – нахмурился Лорес.

Перед тем как ответить, мне показалось, Анриш инстинктивно обернулся в мою сторону:

– По возможности. И в сложных ситуациях. А караулить каждого из вас и бегать следом по академии вне моей компетенции.

– Понятно. Только сегодня пострадали не только мои, но и ваши студенты, – устало бросил Лорес.

– Магия – это не дар и не награда, это ответственность и обязанность. Что касается пострадавших – сами виноваты, – с ледяным равнодушием парировал Анриш. – Неумение рассчитывать собственные силы, продумывать ходы противника, контролировать свои порывы и эмоции, неспособность вовремя остановиться и осознать проигрыш, чтобы временно отступить, перегруппироваться, а уж затем нанести новый удар по противнику – все это будет отмечено в их зачетках по боевой подготовке. А те, кто еще валяется на поле, направятся на пересдачу.

Разинув рот, я и мои друзья по несчастью в полном ступоре наблюдали за волшебством. Как маг смерти парой фраз сотворил чудо – поднял на ноги лежачих. Вспомнился фильм про ходячих мертвецов, также коряво, жутковато и неловко ковыляли раненые темные в сторону академии. Кого-то и уносили.

Вылеченный мной Анхиль, как и остальные светлые, растерянно пройдясь взглядом по опустевшему полигону, натолкнулся на мага смерти, который с мрачным предупреждением смотрел на них. Намек все поняли на лету: следом за темными торопливо заковыляли и светлые. На поле, как и в прошлый раз, остались двое мэтров и мы с Адеис. Однако, обменявшись с ней напряженными, под стать ситуации, взглядами мы поторопились следом за остальными. Нечего мозолить глаза злобным хищникам, что остались позади и ощутимо сверлили наши спины тяжелыми взглядами.

Глава 12

Темные вышли из аудитории первыми и каждый счел своим долгом смерить меня, светлую целительницу, любопытно-презрительным взглядом. Ни один не пропустил! Однако ни один не задел плечом, как раньше, якобы случайно, не попытался наступить на ногу или отпустить пошлую шуточку. «Ощупывали» молча и лишь взглядом, пытаюсь хоть так унижить или задеть морально. Ну и ладно, мне их взгляды по большому счету до лампочки, не пытаются убить – уже отлично.

А вот свои, шестеро четверокурсников, задержались – толпились у преподавательского стола и заметно волновались, получая дополнительные задания и темы для рефератов. Все же учебная программа сильно разнится, отсюда и множество хвостов у байратцев завелось.

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, я буквально взмолилась: – Ребят, давайте быстрее, иначе на вышку опоздаю!

Вышкой, совершенно случайно, именно я назвала высшую некромагию, которую вел Анриш. И это сокращение сразу прижилось. Меня, нервно сжимавшую кулаки, насмешливым взглядом окинул мэтр Эльликад, преподаватель по целительству. Второй после ди-ре Сола учитель, который относился к светлым в рамках преподавательской этики и более-менее человечно. А ко мне даже капельку расположения питал, выясняя новшества лечения в Байрате. Кроме того, был давно женат, поэтому наши девчонки его в интимном плане не интересовали. Именно мэтр Эльликад позволил нам поверить, что темные умеют любить и обычные люди.

– Эйта фин Ришен, завтра у вас практические занятия в целительском крыле, не опаздывайте! – бросил мэтр, продолжив писать в журнале.

– Конечно, мэтр, я буду вовремя, – пообещала я и с облегчением выдохнула, когда он отпустил последнего студента.

Все же хороший мужик, не стал задерживать моих ребят, чтобы просто насолить из темной вредности.

– На обратном пути прихватим Шмуна, у второго курса тренировки на втором полигоне, через площадку от нас занимаются. У него в первой башне теория рунических заклятий дальше, – напомнила Адеис, торопливо выходя из кабинета и засовывая в сумку тетрадь.

– Придется бегом, а то опоздаем точно.

И вот мы, семеро светлых, рванули с места, торопясь на практику. С той стычки, когда ди-ре Сол красочно, убедительно продемонстрировал свою магию смерти, прошла неделя. За которую все изменилось для группы студентов из Ройзмунской академии. Понадобилась пара дней и несколько столкновений, чтобы не только я, но и мои однокурсники осознали: баронесса Эмария фин Ришен – теперь неприкасаемая. Буквально! Раньше меня все кому не лень задевали словами, плечами, локтями или магией, на занятиях, в столовой, в парке – всюду, где по необходимости и волею случая встречалась с темными. Теперь остались лишь мало трогавшие слова.

Более того, когда я нечаянно оказалась между Этеисом и темным задирой в момент выяснения отношений, выяснение тут же прекратилось, так и не перейдя в магический бой. Сначала это показалось невероятной удачей, после третьего раза – везением. Проверив «эффект присутствия светлой Эмарии» еще несколько раз, я на постоянной основе взялась защищать соотечественников. Теперь не только Лорес бегал в свободное время провожать светлых студентов на занятия. Стоило конфликту перерасти в драку, я быстро лезла между светлыми и темными.

И пусть эта ситуация доводила до белого каления мэтра Лореса и наших боевиков – прятаться за узкой девичей спиной они явно не привыкли – но мне плевать. Жить захочешь – не так раскорячишься. Я им так и сказала. Будем пользоваться неожиданно подаренной передышкой, ведь неизвестно, как долго чудеса темной осторожности и великодушия продлятся.

Зато уже третий день мы с девочками плотной опасливой группкой передвигались без охраны наших боевиков. Вот и сегодня мы с артефактором Адеис, хилые светлячки, неслись к первой башне. И никто нас не остановил, что окрыляло.

Я невольно обратила внимание на новые ботинки на Рине Шмуне и улыбнулась. Во время боя неделю назад на старых окончательно оторвалась подошва. И в общагу он ковылял не столько от ранений,

сколько по причине «чавкающей» подошвы. А позавчера утром опешил, когда Александр Крюк, воздушник с пятого курса, протянул ему новую пару и, главное, подходящую по размеру! Было удивительно приятно наблюдать, как расширились от удивления, а потом горели от огромной, но еще неуверенной благодарности глаза парня-сироты. Ведь подошву убитого жизнью сапога ему пришлось приматывать тряпкой. А тут – новая обувь! Очень нужный, щедрый и такой неожиданный подарок в череде мрачных будней и борьбы за выживание.

Мне думается, именно этот благородный жест Александра в отношении Шмуна что-то изменил в нашем небольшом светлом братстве. Сперва темные нас заставили сплотиться. А этот подарок подвиг заботиться друг о друге, искренне и бескорыстно.

Проводив подшефного второкурсника до его аудитории, я полетела в свою, во вторую башню, осталось пять минут до звонка. И застопорилась у двери, тщетно пытаюсь ее открыть. Тяжелая зараза! Словно дежавю, чуть выше моей руки легла большая мужская рука, заставив меня испуганно обернуться. За мной стоял не Ринх, а один из уродов, напавших на меня в алькове. Не знала его имени, да и спрашивать у кого-нибудь не хотела, более того – опять встретить один на один.

Я беспомощно таращилась на него, мысленно призывая Анриша, чтобы оказался где-нибудь поблизости.

– Денрик, чего ты там замер? – окликнул моего недруга какой-то парень.

И тот, бросив мимолетный взгляд, похоже, на одноклассника, неожиданно кивнул на дверь и спросил:

– Эйта фин Ришен, позволите?

Я заторможенно кивнула, а Денрик открыл дверь. Окликнувший его парень, увидев меня, когда тот посторонился, присвистнул, но промолчал. Я узнала его, тоже из той троицы. К своему стыду, я не выдержала и рванула со всех ног прочь. Только догонять, как и высказываться мне в след, никто не стал.

В аудиторию я забежала за мгновение до звонка. И под грохот захлопнувшейся двери, под хмурый взглядом ди-ре Сола юркнула к своему месту и затаилась как мышка. А когда сердце перестало колотиться где-то в горле от беготни и волнения, вернулась к уже,

похоже, любимому занятию. Машинально записывая лекцию, я любовалась Анришем и наслаждалась звучанием его голоса. Истинно мужского баритона, иногда с хрипотцой, особенно когда декан вызволял нас из очередной переделки. Это превратилось в какое-то особенное удовольствие, даже в зависимость. Манию!

К тому же маг смерти тоже изменил своим привычкам. Если первые занятия он предпочитал сидеть за своим столом или опираться на него бедрами, то теперь чаще стоял прямо напротив моей парты. Словно специально тренировал мои нервы, будоражил воображение, будил тайные желания. Разве можно остаться равнодушной, когда такой мужчина как Анриш буквально в метре передо мной, когда нас разделяла лишь парта. Когда перед глазами тонкая ткань мантии, которая теперь, мне казалось, мягко обнимала его совершенное сильное тело...

Полы дорогой мантии расходились от талии, и мой любопытный взгляд бесстыдно цеплялся за расшитые уголки жилета, между которыми таинственно поблескивала золотая цепочка часов. Бликовали блестящие скрытые пуговицы выступающей ширилки. Черные штаны слегка обтягивали мускулистые бедра. И когда мэтр, наклонившись, опирался ладонями о мою парту, чуть растопырив длинные крепкие пальцы, мои собственные аж дрожали от желания скользнуть к ним поближе, чтобы коснуться, ощутить тепло, потрогать серебристые волоски на фалангах и широкой кисти.

В такие моменты я совсем терялась, забывала о тетради и карандаше, зачарованно скользила взглядом по широким плечам, крепкой шее с выступающим кадыком, по привычно небритому, серебрившемуся подбородку, по загорелому лицу. И, конечно же, тонула в его черных глазах, пойманная с поличным за разглядыванием. Я познала запах желания – терпкий запах Анриша ди-ре Сола. Оно пахнет магом смерти, как бы странно или жутко это не звучало.

Я наслаждалась на занятиях Анриша, грезила наяву и мучилась одновременно. Случилось непредвиденное, непредсказуемое и потому опасное – он разбудил во мне женщину и страсть. Надеялась, лишь страсть! Поскольку что делать, если не только влечение, я даже думать боялась.

– Эйта фин Ришен, задержитесь! – прозвучал приказ ди-ре Сола.

И вроде его тон был сухим, бесстрастным, только почему-то от голоса этого мужчины что-то сладко екнуло в груди, пустило вскачь мое глупое сердце. Украдкой убедилась, что все студенты покинули аудиторию. Следом глухо стукнула закрывшаяся дверь, будто отсекала нас от любопытных и невольных зрителей.

– Слушаю вас, мэтр, – я замерла напротив преподавателя, который за пару минут до звонка занял привычное место и оперся бедрами о стол.

– Я проверил ваш реферат. Отлично проделанная работа, – удивил меня мэтр, протянув мне папку с работой, которую я две недели назад сдала, чтобы получить зачет по высшей некромагии.

– Правда? – я искренне и широко улыбнулась, радуясь его похвале.

– Правда, – усмехнулся он едва заметно. – Давайте зачетку...

Я торопливо достала заветный документ и протянула его преподавателю. Из всех предметов темной академии, грубо говоря, сложности магического и практического характера со сдачей у меня могли возникнуть только по двум. По высшей некромагии зачет я прямо сейчас получила. Значит, для получения диплома осталась лишь одна преграда – экзамен по темным проклятьям у мэтра Опируса. Помимо выживания в академии, конечно же.

У меня чуть не выпрыгнуло сердце, когда мэтр ди-ре Сол размашисто расписался, выставив «отлично» по вышке. Однако, протянув мне зачетку, разжать свои пальцы не торопился. Так мы и замерли, держа ее на весу с двух сторон и глядя друг на друга.

– Ходить на мои занятия ты все равно продолжишь! – заявил он и выпустил зачетку.

– Хорошо, с удовольствием, – смущенно улыбаясь, заверила я и сунула ее в сумку.

А вот дальше ди-ре Сол удивил: взял меня за руку и приподнял, разглядывая. Ласково провел кончиками пальцев второй руки от края рукава по тыльной стороне ладони, обвел мой родовой перстень и поинтересовался:

– Родовой?

– Да, пять лет назад моих родителей убили грабители. И я унаследовала титул.

Анриш крепко сжимал мою руку своей, изучая меня очень внимательным взглядом. Словно сканировал на ложь и притворство, чем заставил волноваться. И вдруг спросил:

– Ты помолвлена?

Я удивленно уставилась на него – неожиданный вопрос. Анриш еще больше сощурился, будто пытался мне под кожу залезть.

– Нет.

– Хорошо.

Стальная хватка вокруг моей ладони ослабла, из черных глаз ушел подозрительный прищур, только черный мрак в них подозрительно и удовлетворительно вспыхнул. Затем Анриш начал поглаживать большим пальцем тыльную сторону моей ладони, вызвав у меня жар смущения. А сам будто изучал мою реакцию на свои прикосновения. Я боролась со своими чувствами, не знала, как поступить. Правильнее всего было бы выдернуть свою руку из захвата, напомнить о приличиях и вежливо попрощаться. Только мне совсем не хотелось приличий. Хотелось еще чуточку, еще подольше постоять рядом именно с этим мужчиной, и пусть держит, пусть ласкает, пусть смотрит так, словно вот-вот украдет мою душу. Горячая волна уже знакомой волной разбегалась из места нашего соприкосновения по моему телу.

– Иди, а то опоздаешь на следующее занятие, – непривычно хрипло попросил ди-ре Сол и выпустил мою руку.

Рука сначала беспомощно повисела в воздухе, потом медленно опустилась.

– Вы правы, простите, – голос мне изменил, сорвался на шепот, словно мы занимались чем-то запретным, неприличным.

Аудиторию я покинула в полном раздрае: что я делаю и нужны ли мне последствия подобных игр с магом смерти?

* * *

Сегодня мы с девочками решились на прямо-таки героическую вылазку, отчасти безрассудную, а может и дурость, – прогуляться перед сном и заодно потренироваться на свежем воздухе. Конечно, неподалеку от общежития, мы не настолько героические светлые.

– Мэтр Эльликад меня сегодня даже похвалил, представляете? – хихикала я, до сих пор не в силах полностью поверить в случившееся. – Первый раз меня похвалил темный маг!

– Чему ты удивляешься, Эмария? – Адеис пожала плечами.

– Просто он первый из темных и...

– Как это первый? А декан белой кафедры? Или похвала мэтра ди-ре Сола уже не считается? – ехидно напомнила Айшат, но не обидно, а с добрыми смешинками в хитро прищуренных голубых глазах.

Я вспыхнула от стыда: ведь и правда, именно ди-ре Сол был первым, кто хвалил меня и даже несколько раз. Только его похвала воспринималась иначе, не как оценка темного враждебного мага и преподавателя. А как что-то другое, почти как комплимент.

– Упс, непростительно забыла, – улыбнулась я, пожав плечами.

– Смотри, не привыкни... к его похвалам! – уже без шуток заметила Айшат.

– А что в этом плохого, если привыкнуть? – натянуто улыбнулась я, внутри засвербело, что вот сейчас меня обвинят в распутстве или интимных связях с врагами.

– Сама не заметишь, как станешь женой темного, – серьезно, но тихонько ответила Алиса.

Я ждала осуждения, а не заботливого участия. Поэтому нервно, недоверчиво хмыкнула и отмахнулась:

– Алиса, он второй после повелителя. Зачем ему светлая жена, хоть и баронесса, но с очень скромным приданым в соседнем враждебном королевстве? Ладно, если бы моя земля имела стратегическое значение или общую границу, но чего нет, того нет.

Боевички как-то очень синхронно закатили глаза. Алиса сочувственно вздохнула:

– Наивная... Хотя все целители немного не от мира сего.

Я опять хмыкнула. Эх, знала бы она, что это не фигура речи. Я-то точно не из этого мира. А вот Айшат, бегло осмотрев территорию, тихонечко пояснила:

– На боевом учится мало девчонок, а на границу с Ирмундом отправляются и вовсе единицы. Знаете почему? – Я, Адеис и Мирна подались поближе к боевичкам и замотали головами. Айшат, неодобрительно поджав губы, взглянув на меня, напомнила: – Нам же на вышке, на первом же уроке, ди-ре Сол прямым текстом сказал, что

брачная связь со светлой стабилизирует темную магию. Поэтому на границе с Ирмундом на светлых байратских магичек темные настоящую охоту ведут. Нам еще на третьем курсе, когда начиналась специализация, говорили. Поэтому большинство магичек с боевого направляют служить в королевскую гвардию, а не на границу.

– То есть Ринх на тебе жениться хочет, а не просто в постель завалить? – нервно хохотнула Мирна, глядя на Айшат.

– Да пошел он! – разозлилась Айшат. – В отличие от ди-ре Сола, он лишь смотрит и ждет, когда нас всех настолько загнобят, что я сама к нему приползу покровительства просить. Не дождется!

– Да, только ди-ре Сол пугает до колючей ледяной дрожи в кишках. Его даже свои до звездочек бояться. Эмария, я вообще не понимаю, как ты его взгляд выдерживаешь, он же даже на тебя смотрит так, словно ты на жертвенном алтаре лежишь, осталось кровь пустить.

Вытаращившись на Мирну, воздушницу-самородка ну с очень богатым воображением, я нервно хихикнула. Странно, у меня его взгляд горячую волну желания вызывает, а другим кажется, что он меня в жертву Смерти прочит. Оглянувшись на других девочек, отметила и их сочувствующие, обеспокоенные взгляды. Так, может, я сквозь розовую вату в голове что-то важное не заметила? Упустила?

– Давайте лучше тренироваться, это важнее болтовни, – предложила Айшат, увидев как я напряглась.

– Да-да, давайте, – поспешно загалдели остальные.

Вскоре я совершенно нечаянно, использовав удачно отработанный с Лоресом захват-подсечку, уложила Айшат на лопатки. Я! Айшат! Боевичку-пятикурсницу, выше и крупнее меня. А главное – опытнее в боевых искусствах!

– Йуху-у! – довольно взвизгнула я и прошла лунной походкой Майкла Джексона. А потом еще и сальто крутанула.

– Это что ты сейчас сделала? – вытаращились на меня девочки.

Смущенно улыбнувшись, пояснила:

– Это такое танцевальное движение. Ты вроде идешь вперед, но получается, двигаешься назад.

– Танцевальное? – брови всех четверых вспорхнули на лоб.

Айшат и Алиса даже попробовали повторить, вышло криво и смешно. Я напела «Billie Jean» и повторила движения. Вскоре мы

впятером хохотали и «луноходили».

И вот, когда мы с удовольствием потренировались, наболтались и совсем расслабились, сгустившиеся сумерки напомнили нам, что мы среди врагов, вообще-то.

На дорожке у общежития нас окружила группа парней. Всего четверо, но высокие, крепкие и несло от них тяжелой темной энергией. Сильные, злые... неприрученные звери!

Наученные горьким опытом, мы стремительно закрылись общим щитом. Горько и смешно, но даже этому за месяц в темной академии мы научились. Хотя ранее считали крайне опасным и трудоемким делом. Все оказалось гораздо проще, когда на кону жизнь.

Парни молча разглядывали нас. Наконец один из них вышел вперед и, встав напротив меня, чуть наклонив к плечу голову, демонстративно оглядел с головы до ног. Еще и носом повел будто волк, который вынюхивает добычу послаще. Позер!

– Светлая, я Иранд ди Ломаше, наследник графа. Предлагаю тебе свое покровительство, – деловито выдал он и замолчал выжидаяще.

– Спасибо, не нужно, – вежливо отказалась я еще более кратко.

Надо же, и в этой «сказке» обитают персонажи, которые считают себя чертовски привлекательными и времени зря терять не хотят. Мы с высокородным эйтом сверлили друг друга взглядами, остальные дружно молчали. Только один из свиты темного аристократа то создавал, то развеивал темный файер, словно раздумывал: пальнуть в нас им или потерпеть.

Иранд сделал еще шаг в нашу сторону, встал в метре от нашего щита и щурился от его светлой энергетике. Похоже, ему даже понравился ее привкус. Скрежетнул зубами и бросил, глядя мне в глаза:

– Ты хоть понимаешь, что на тебя заявил свое право маг смерти? И только поэтому ты можешь тут сейчас корчить из себя неприступную стенку!

– Неужели?! – сначала наигранно удивилась я, а потом со злой иронией продолжила, только совсем не о том, на что надеялись темные. – Не прошло и месяца, как кто-то из вас догадался, что помимо драк, можно еще и нормально разговаривать?

Иранд качнулся было вперед, но остановился, словно сам себя одернул. И злобно процедил:

– Дура! Ты знаешь, с кем связалась? Кто такой Анриш ди-ре Сол?

– Эйт, позвольте выяснить: кто именно уполномочил вас требовать от меня ответов на подобные вопросы? – сухо спросила я.

– Анриш ди-ре Сол – двоюродный брат повелителя! Маг, которому никто не захочет перейти дорогу! Знаешь почему?

– Потому что брат повелителя? – сдержанно поинтересовалась я, провоцируя Иранда ответить.

– Он жрец смерти, который любит остужать горячие головы и преподносить их в качестве подношений своей покровительнице!

– Да-а? – равнодушно уточнила я, демонстративно проявляя скуку.

– Ты выбрала его покровителем, но любая близость к ди-ре Солу – верная смерть! Он слишком силен, чересчур! Такой дар требует жесткого контроля. Над эмоциями. Над собственной магией. Над силой, которая жаждет лишь одного – убить.

Яростной экспрессии от собеседника, даже темного, я не ожидала. Но разговор начал пугать. Еще и девочки жались позади меня, а никто из наших парней не спустился проверить, где мы задержались.

– Послушайте, мне откровенно...

– Шесть месяцев назад он потерял контроль и убил десяток аристократов. Однако Анриш ди-ре Сол – двоюродный брат повелителя и второй наследник трона. Только поэтому он здесь, в академии магии. А не в заточении! Повелитель сослал его сюда в качестве наказания, чтобы снова не сорвался и не убил еще кого-нибудь! – выкрикнул один из компании Иранда.

– Меня начинает утомлять этот разговор! – холодно заявила я, а сама осторожно осматривалась, куда, если что, нам драпать от этих «спасителей».

Иранд ярился уже в нескольких сантиметрах от нашего щита. Как маг жизни я ощутила, что энергия щита его жжет, колет, пытается оттолкнуть, но парень держался с бараньим упорством и настаивал:

– Выбери меня, светлая малышка! Зачем тебе эта ледяная глыба, он же в буквальном смысле способен заморозить до смерти?! При всем несметном богатстве рода ди-ре Сол от него даже самые жадные и отчаянные любовницы бегут, как от самой смерти...

– Смотрю, вне учебных аудиторий, эйт ди Ломаше, вы удивительно разговорчивы. Так почему же на экзаменах вы всегда блеете как замученная овца на заклянии?

Ха, даже наши мысли с Анришем сошлись: баран и овца, как раз про зарвавшегося парня!

– Простите, мэтр, – просипел мой не состоявшийся спаситель от мага смерти, побледнев, и растворился в ночи следом за своими друзьями.

Прямо академия фокусников, где все исчезают как кролики в шляпе. Один взгляд Анриша – и мои девочки, вежливо кивнув, поспешили к общежитию, правда встали у дверей, дожидаясь меня. А я осталась на месте, не смея отвернуться от декана белой кафедры. Как у нас беда – он тут как тут и выручает. А я вела дурацкие разговоры, слушала гадости о нем и ни словом не заступилась. Стало стыдно и неловко.

Мужчина мрачно хмыкнул, развернулся и пошел прочь. Отчего внутри у меня словно кто-то разлил ведро горечи и грусти. Аж крикнуть захотелось, чтобы не уходил вот так, молча и уязвленный. Еще два шага и ди-ре Сол словно споткнулся, остановился и, обернувшись, удивленно взглянул на меня.

Я сомневалась, можно ли мне улыбнуться ему или подойти. Не решившись ни на то, ни на другое, стояла, сжав кулаки и чуть не плача. Темно-серые брови Анриша недоуменно приподнялись, черные глаза потеплели. И этот неожиданно мягкий свет в его глазах сгладил недовольный тон, которым он посоветовал:

– Идите в комнаты, не стоит бродить по парку в темноте!

– Спасибо, – выдохнула я с радостным облегчением.

И улыбнулась с полным правом и уверенностью, что вот теперь можно. Вечер прошел в приятных воспоминаниях о нашей встрече, легко и непринужденно. Жизнь казалась проще и светлее. Сны – ярче и жарче.

Глава 13

– Эйта фин Ришен, задержитесь! – прозвучала уже набившая оскомину просьба мне в спину.

Сжав челюсти, едва не скрипнув зубами, я усилием воли стерла все эмоции с лица и неторопливо обернулась. Мэтр Опирус не менее неторопливо встал со стула и, сложив руки на груди, молча проследил, как из аудитории вышли последние студенты. Я знала, что группа светлых никуда не уйдет и будет ждать за дверью, они оставили ее приоткрытой из соображений «мало ли что». Да только открытая дверь меня не спасет от этого похотливого козла.

– Слушаю вас, мэтр, – я приблизилась на несколько шагов к преподавателю.

– Вы не завершили заклинание, хотя я четко и ясно отдал приказ об этом.

– Полагаю, вы знаете, что целитель не способен проклинать...

– Я знаю, что может! – зло усмехнулся Опирус. – Просто вы не хотите!

– Мы не можем, – настояла я более сухим тоном. – Потому что откат за подобное использование магии жизни убьет нас самих.

– Уверен, вы осознаете, что ваше нежелание чем-либо рисковать, – это не мои проблемы. В нашей академии строгие правила...

– Но они приняты исключительно для темных магов, – возразила я, пока еще тщательно сдерживая пыл и недовольство.

– Повторяю: в нашей академии строгие правила, которые не подразумевают исключений. Однако я мог бы пойти вам навстречу и закрыть на некоторые промахи глаза. Взамен вы тоже должны будете пойти мне навстречу.

– И каким образом, позвольте узнать? – я выпрямила спину и задрала подбородок.

– Вашей благосклонностью... к моим ухаживаниям. Очень горячим и близким, – криво ухмыльнулся Опирус.

– Нет! – бросила я коротко и зло.

Сил и выдержки на высокопарный и тем более вежливый ответ у меня не хватило.

– Тогда вы не сможете сдать мой экзамен. А значит, не получите диплом.

– Бывает... – с горькой насмешкой процедила я, развернувшись и, не спрашивая дозволения, ушла.

Следующие две лекции я просидела в мрачной задумчивости, размышляя о своих перспективах и необходимых действиях. Официальный путь для меня отсутствует, писать жалобу на Опируса ректору бесполезно. За прошедший месяц у нас было множество способов узнать, что поблажек в этой академии никому не делается. Никому! И что мне теперь, как в нашем интернате говорили, в ландшафтные дизайнеры или, по-прежнему, втихаря мыло варить.

Любопытный факт: при всей безрассудной, а иногда и звериной жестокости темных, мы ни разу не слышали и не видели жертв интимного насилия. Случай со мной действительно был единичным и явно спонтанным. Мало того, провинившиеся парни уже который день занимались уборкой туалетов, кухни и помогали разгружать телеги с продуктами для столовой. Так еще и, иногда встречая меня где-нибудь, все трое, а не только Денрик, сухо, но вежливо здоровались и шли дальше.

В остальном темные студенты и даже преподаватели в открытую строили похотливые планы на светлых, давили морально, магией, уговаривали, пытались подкупить, соблазняли, шантажировали. В общем, прибегали к любым и, мягко говоря, некрасивым методам, кроме откровенного насилия. Именно оно считалось несмыслимым позором, слабостью и даже проявлением глупости, раз не хватило ума «мирно» соблазнить. И смех и слезы!

Зато стало понятно, почему местные девочки спокойно носят короткие юбки, раскованные, хотя некоторые скорее распушенные. Здесь в студенческой среде более чем откровенные нравы. Как и говорил Анриш, будущим темным специалистам от магии позволено спустить пар, чтобы выпустить их из академии приличными магами, способными сдерживать все свои порывы.

На последнюю сегодня лекцию я пришла понурая и несчастная, не в силах решить задачку: как мне сдать практику по темным

проклятьям не применяя магию? Машинально поздоровалась с мэтром ди-ре Солом:

– Доброго дня мэтр.

Села за свою парту и, нервно приложив ни в чем ни повинной тетрадью о стол, устало посмотрела на него. Мэтр, опершись о спинку стула ладонями, чуть наклонившись, привычно наблюдал за студентами. Я совсем не ожидала, что встречу его хмурый, немного удивленный взгляд. Еще и этот чем-то недоволен, что ж за день такой?

Сегодня занятие буквально пролетело, а все потому, что я, забывшись, погрузилась в собственные размышления: что же делать?

– Эйта фин Ришен, задержитесь!

Мысленно хмыкнула, уж больно часто теперь раздавался этот приказ, но сдержалась. Встала у преподавательского стола и, разглядывая отшлифованную временем столешницу, впервые не трепетала перед Анришем ди-ре Солом. Я варила в своих переживаниях, ведь боялась не получить диплом. Все старания коту под хвост.

Дверь захлопнулась за последним студентом, и в помещение повисла тягостная тишина. Я чувствовала тяжелый взгляд ди-ре Сола, но что ему сказать?

– Что случилось? – холодным, не предвещающим ничего хорошего голосом, спросил он.

Еще и резко поднялся со стула, обогнул стол и встал напротив меня. Затем и вовсе согнутым пальцем приподнял мой подбородок и вынудил посмотреть ему в глаза:

– Повторюсь, что случилось?!

– Мэтр Опирус пригрозил оставить меня без диплома, – хрипло ответила я, глядя в черные-пречерные глаза напротив.

– За что? – почему-то в его глазах вспыхнул дьявольский огонек, а вот сам он, мне показалось, наоборот, расслабился. Словно уже догадался о причине, причем более пустячной, чем предположил.

– По темным проклятиям и защите от них я могу сдать исключительно теоретическую часть. Если попытаюсь применить на практике – меня откат за использование магии жизни в темных целях попросту убьет. Он об этом знал, но сказал, что по правилам академии я обязана это сделать. А если не хочу остаться без диплома или умереть, придется согласиться на его домогательства...

– Понятно, – спокойно ответил ди-ре Сол, убрал руку от моего лица и отстранился.

Отошел на пару шагов и несколько секунд смотрел в темнеющий, вечерний проем окна, раздумывая. Наконец вытащил из-под воротника цепочку с небольшим кулоном в виде капли из черного оникса. Вернулся ко мне и под моим ошарашенным взглядом надел на меня это украшение. Наверняка какой-то артефакт. Накрыв легший мне на грудь кулон ладонью, я вопросительно воззрилась на мага смерти. И он пояснил:

– Кулон носи поверх одежды, чтобы был виден всем. Ясно?

– Да, а...

– За диплом не переживай. С Опирусом я все решу сам. На экзамене достаточно будет сдать теорию.

Я чуть не задохнулась от счастья и облегчения. Сложив руки в молитвенном жесте у груди, глядела на мэтра с восхищением и обожанием.

– Это все проблемы? – насмешливо уточнил он.

– Да, – призналась я. А вот после одна крамольная мысль все же закралась в мою дурную головушку. Меня словно холодной водой окатили. Застыв, я сипло уточнила: – Что я должна за вашу помощь?

– Ничего. Не потеряй кулон, потом вернешь, – ровно ответил мэтр и, отвернувшись от меня, направился к своему стулу.

Садиться не стал, видимо, соблюдал этикет, когда мужчина не может сидеть, если женщина перед ним стоит. Облокотился бедром о стол и с немного мрачноватой усмешкой посмотрел на меня, скрестив руки на груди:

– Можешь идти, Эмария. Или тебе нужно что-то еще?

Еще один любопытный факт: я привыкала к разным обращениям к себе, свои говорили по-байратски – лея фин Ришен; темные обращались – эйта фин Ришен, как принято в Ирмунде. И только Анриш ди-ре Сол в большинстве случаев, наедине, называл меня по имени, а не роду. А чаще и вовсе тыкал.

– Неприкосновенность и защиту всей светлой группе до самого возвращения в Байрат, – выдохнула я в каком-то бездумном порыве, наверное.

Серые брови изумленно взлетели на лоб. Я немало удивила мага смерти и заявлением, и своей наглостью. Даже улыбнулась, сама не

веря, о чем попросила. Он не изменил позы, только взгляд стал острым и каким-то вкрадчиво-изучающим. Наклонил голову и обычно обнимавшие его лицо под подбородком светлые волосы коснулись плеча. Мне до зуда захотелось положить ладонь ему на плечо, приподняться на цыпочки, отвести эти прядки назад, открыть его красивое мужественное лицо. Дальше – больше, хотелось провести кончиками пальцев по его щекам, потрогать, чтобы ощутить, как она колется. Или серебристая щетина на благородном лице, наоборот, мягкая...

– Охрана тридцати светлых магов – весьма трудоемкое и хлопотное дело... – с задумчивой ленцой, будто и правда прикидывал что и как, протянул влиятельный темный.

– Их жизни для меня важны, – горько пояснила я. – К примеру, второкурник Рин Шмун – сирота из приюта, никто не знает, был ли у его родителей дар. Но уже сейчас он способен из ерунды смастерить простенький, но полезный артефакт. А Мирна Роуш... она первый маг в семье, самородок. И довольно сильная воздушница. Ее отец служит в банке, семья отказывает себе во многом, чтобы у дочери было прекрасное магическое будущее. А...

– Я могу назвать тебе сотню не менее полезных и уникальных темных магов, что прямо сейчас учатся рядом с тобой, – сухо оборвал меня мэтр ди-ре Сол.

– Но вы бы смогли... защитить моих... от своих? – с надеждой пролепетала я.

– Мне кажется, я и так защищаю их по мере своих сил и возможностей, – демонстративно неприятно удивился Анриш.

– Да, вы делаете для нас больше, чем все вместе взятые, – признала я.

Но где гарантия, что он всегда успеет прийти нам на помощь вовремя? Пока темные опасались навредить мне, отмеченной высочайшим вниманием зловещего мага смерти. А если эти опасения утомят, надоедят и истают в череду тяжелых будней? А если повелитель простит брата и вернет его во дворец, сняв с должности проректора академии. Что будет с нами? И таких «если» наберется еще очень много.

Поэтому я продолжила стоять напротив ди-ре Сола и с мольбой смотреть ему в глаза. Он с мрачной усмешкой качнул головой, а в

черных глазах блеснули знакомые бесенята. Затем опустил голову и несколько секунд смотрел на свою руку, наконец он решительно стянул с пальца кольцо, с виду неприятное, с серым камушком. И протянул его мне со словами:

– Будешь готова, нажмешь на камень и назовешь мое имя. Откроется портал, через него ты попадешь в мои покои.

Зачем он не пояснил, да и у меня вопроса не возникло. Сказал же, тридцать магов защитить – хлопотное дело. Затратное. Кто-то же должен заплатить?!

Словно под гипнозом я подала Анришу дрожавшую руку, и он надел мне на палец кольцо. Только не родовое, не помолвочное, а всего лишь порталное. Чтобы не светить наши с ним отношения.

– А если вас там не будет? – глухо спросила я, разглядывая артефакт, и второй рукой сжимала кулон на груди.

Как же интересно все складывается. Одно украшение мне одолжили на безвозмездной основе, за второе – ждут плату. А решение, платить или нет, отдали полностью на мое усмотрение.

– Прихвати с собой учебник и время пройдет с двойной пользой, – совершенно без шуток предложил ди-ре Сол.

Ну да, вместе и секс, и знания – сплошная польза.

– Я могу идти? – хрипло спросила.

Анриш посмотрел на дверь, пару секунд к чему-то, наверное, прислушивался, а затем кивнул:

– Иди, твои ждут за дверью.

Взяв сумку, я деревянной походкой направилась на выход. О том, на что подписалась, подумаю в своей комнате. И стоит ли соглашаться, тоже.

Не удержалась, обернулась и успела поймать весьма интересное выражение на лице Анриша и его взгляд. Бесстрастностью и спокойствием там и не пахло! А вот что-то темное, вождеющее с толикой безрассудства и готовое бесконечно долго выждать в засаде свою законную добычу, – да.

Я ощутила себя не Машей, а мышкой, которая все-таки попала в лапы голодному коту. Ох, не зря я его на первом занятии именно с ним сравнила!

– Лея Эмария, задержитесь, пожалуйста, – раздалась привычная до нервной дрожи фраза, на этот раз от мэтра Лореса.

Остальные светлые, окинув нас обеспокоенными взглядами, понуро разошлись по комнатам.

– Да, мэтр, вы что-то хотели? – спокойно спросила я.

Хотя я уже догадывалась, о чем пойдет разговор. Кулон на моей груди заметили не только темные, но и светлые. И моих он заметно расстроил.

– Лея, вы позволите обсудить кое-что у вас в комнате? Разговор не займет много времени, – нахмурился Лорес.

– Прошу вас, – распахнула я дверь и первой зашла внутрь.

Дальше порога Лорес проходить не стал. Помолчал с полминуты, явно подбирая слова и решаясь на крайне сложный разговор. Наконец он тяжело вздохнул, сжал кулаки и начал:

– Вы молодая, невинная лея, насколько я знаю; еще и сирота...

– Я...

Лорес вскинул руку, не позволив мне что-либо сказать:

– Да, вы умная, талантливая, осторожная девушка, и я понимаю, что пусть и невинная, но не наивная. Однако благородное воспитание наследниц древних фамилий, к сожалению, упускает неприглядную сторону обычной жизни.

– Мэтр Лорес, простите, что прерываю, но можно чуть короче, – мягко попросила я, ведь у меня на этот вечер еще много дел. И добавила, помня о его прошлой службе: – Говорите прямо, без реверансов.

Дей поморщился и словно со скалы бросился:

– Защищать группу светлых студентов по обмену – моя задача. Вы никому ничем не обязаны!

– Я знаю, – улыбнулась я.

– Я заметил кулон на вас, который появился на последней лекции. Очень непростой, от которого буквально смердит магией смерти! Лея Эмария, мужчины, не важно, темные или светлые, никогда не делают ничего не значащих и ни к чему не обязывающих подарков женщинам. И за этот подарок с вас могут потребовать плату. Может, не сейчас, позже. И плата может оказаться для вас неприемлемой, неподъемной. Сломает или уничтожит морально.

Чуть склонив голову, я намекнула завершить этот трудный для нас обоих разговор:

– И?..

– Мы справимся без его помощи! Вам не стоит мучить и ломать себя, мы...

Кого именно Лорес подразумевал под «его», даже пояснять не нужно было. Обоим понятно.

– А если все, связанное с кулоном, – мое собственное желание? Если я не ломаю и не мучаю себя?

И чуть не хихикнула, настолько удивленным и недоверчивым стало лицо Лореса. Конечно, он не мог поверить, что светлая может питать хоть какие-то положительные чувства к темному магу. Тем более – магу смерти! Однако, отметив мою иронично-понятливую улыбку, отсутствие наигранности и натянутой легкости, что говорило бы об обмане, расслабился:

– Тогда прошу меня простить за этот разговор и непрошенные советы. Просто...

– Я понимаю, почему именно вам не просто. И почему решились на столь личный разговор. Мэтр, вы еще раз доказали, что настоящий мужчина, благородный и мужественный.

Лорес тяжело вздохнул, дернул почти презрительно верхней губой и высказался о том, что его мучило:

– Увы, одного благородства не хватит, чтобы защитить или уберечь близких...

Похоже, дело не только в академии темных, наверняка в его прошлом случились трагичные события, когда он не смог кому-то помочь или спасти. И от этого до сих пор страдал.

– Ваше благородство и мужество помогло сплотить нашу группу. И эта сплоченность защитила нас от многих бед, – непререкаемым тоном парировала я.

Лорес посверлил меня черными, в общем-то обычными, не то что у Анриша, глазами и натянуто улыбнулся:

– Еще раз простите, лея Эмария. И доброй вам ночи!

– И вам, – кивнула я с улыбкой.

Как только я осталась одна, буквально без сил рухнула на кровать. Бездумно полежав несколько минут, пока в голове не образовалась звенящая ясность, встала. Разделась донага и отправилась в душ.

Сначала совершенно ни о чем не думала, привычно намыливаясь, пока не заметила новое колечко с серым камушком. И замерла, разглядывая его.

Любопытно, что у меня не было больше ни одного сомнения: идти или нет. На этот вопрос сама вот только что ответила в разговоре с Лоресом. Мне двадцать пять лет, я совершеннолетняя, самостоятельная женщина. Меня впервые в жизни заинтересовал мужчина. Нет, не так, покорила до мурашек на коже просто своим голосом. Что будет потом? Я, как незабвенная Скарлет О'Хара, подумаю завтра. А сегодня, наконец, испытаю, что такое страсть.

В конце концов, хранить девственность до брака даже в Байрате жестко не требуют. Я маг жизни, значит, замуж выйду исключительно по любви. А уж защититься от случайного зачатия способен любой целитель, даже со слабеньким даром.

Бр-р! Вода в душе оставляла желать лучшего, аж мурашки по коже разбежались, только не от любовного дурмана, а банально от холода. И пусть идут темным ирмундским лесом все, кого это бодрит. Я тщательно вымылась, высушилась и натерлась увлажняющим молочком с запахом луговых трав, взятым с собой из дома. В его качестве абсолютно уверена – лично готовила!

У шкафа задумалась: в чем на первое в жизни свидание идти? В душе царил восхитительный хаос эмоций, я трепетала перед предстоящим свиданием, дрожала от предвкушения. Мало ли что думал и подумает обо мне сам Анриш, я пойду не платить, а наслаждаться.

Тонкая зеленая батистовая рубашка на бретельках, без рюшек и кружев, простенькая лишь на первый взгляд. Тончайшая и слегка просвечивающаяся ткань красиво струилась по моей стройной фигуре и заманчиво льнула к коже. Травяной, ярко-зеленый цвет выгодно подчеркивал мою светлую, молочную кожу и выразительные зеленые глаза. Чуть-чуть полюбовавшись своим отражением, покрутившись так и сяк, я решила на авантюру – сняла иллюзию. И мои глаза буквально засияли чистейшими изумрудами, от волнения в них загорелись золотые искорки мага жизни.

Батистовое неглиже я прикрыла мантией; надела туфельки. Достаточно. Если вдруг что-то не сложится, без проблем дойду от

личных апартаментов преподав в первой башне до общежития студентов в третьей.

Выбрала учебник и вытерла вспотевшие от волнения ладони платком. Все, я готова к интимным приключениям! Сердце колотилось где-то в горле, когда я нажала на серый камушек в кольце и произнесла: «Анриш ди-ре Сол».

В метре от меня пространство разрезала черная молния и раздвинула его. Я восхитилась результатом – образовавшимся почти дверным проемом, ведь порталы очень мало. И артефакт, способный создавать такие пространственные проходы, должен быть невероятно мощным и неприлично дорогим. И выдали его мне... чтобы к любовнику ходить незаметно. Даже хихикнула от нервного напряжения, прежде чем шагнуть в проем.

Я оказалась в незнакомой, хорошо обставленной и довольно просторной гостиной. О том, что это гостиная в личных преподавательских апартаментах, догадалась, увидев несколько дверей, одна из которых была открыта и в проеме виднелась кровать... Увидев ее я испугалась, только сейчас подумав о боли, через которую придется пройти, чтобы, наконец, стать женщиной.

– Боишься и все же пришла, – прозвучало за моей спиной.

Обернувшись, я увидела в кресле у темного окна Анриша. Рядом с ним горела лампа, язычки пламени отбрасывали на его лицо зловещие тени. Он сидел всего в трех шагах от меня, словно специально так близко настроил выход из портала. Чтобы не успела сбежать, если передумаю?

Мэтр явно отдыхал, по-домашнему вытянув ноги в темных свободных брюках и в расшитых золотом бархатных черных тапках, белая рубашка непринужденно расстегнута у горла. Вальяжный и уверенный в себе лев.

– Я ни разу не была с мужчиной, – сразу призналась и добавила про себя, что ни в этом, ни в том мире, – поэтому боюсь первой боли, а не вас.

Не знаю, как это возможно, но и так черные глаза еще сильнее потемнели. Анриш встал и, в два шага убрав между нами расстояние, приблизился вплотную ко мне, нависнув, будто пытался напугать или подавить.

– Они тебе настолько дороги, что ты готова заплатить собственной невинностью за их жизни? – его голос чуть охрип, выдав волнение.

Я мотнула головой и уверенно сказала:

– Нет, я не готова платить за что-либо своим телом.

– Но ты здесь! – напомнил с мрачной и, мне показалось, горькой усмешкой Анриш.

– Я здесь из-за вас... и по своему желанию, – глядя ему в глаза, ответила я, ощущая как предательски загораются смущением мои щеки.

– А как же требование о неприкосновенности твоих светлых? – с легкой иронией напомнил Анриш.

– Это было не требование, а лишь отчаянная просьба. И я очень надеюсь, что, возможно, вы захотите сделать мне такой подарок. Защитите мою группу светлых по обмену...

Я замолчала, поскольку засмотрелась на чуть вытянувшееся от удивления лицо мага смерти.

– Ты же знаешь, что после зимы у большинства старших курсов начнется полевая практика? Это сейчас вы все здесь, теорию изучаете. А дальше положение осложнится...

Я облизнула пересохшие от пугающей новости губы. Да, мы думали об этом, догадывались, ведь и в Ройзмунской академии практику проходят не только выпускники, а все курсы, кроме первого. Только старались не говорить на эту тему, отодвинуть ее подальше.

– Догадывалась, что, если у нас есть практика, значит и в темной академии она однозначно будет, – уныло кивнула я.

– И если я откажусь защищать твоих светлых, ты все равно останешься сейчас и здесь со мной? – со зловещей улыбкой уточнил ди-ре Сол.

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь прочесть в них, по сути, наш общий с ребятами приговор, но ответила искренне:

– Останусь! Правда, буду очень-очень расстроена...

Мужчина испытывал меня мрачным взглядом с полминуты. Наверное, хотел выяснить, что я не шучу. И неожиданно рассмеялся. Тихо и коротко, но это впервые на моей памяти, когда он не зловеще ухмылялся, сообщая о наказании, выговаривая за нерадивость, а просто от души. И ему это шло.

Жаль, что веселился он очень недолго. Смех смолк, а вот пресловутая темная сумрачность, в большинстве случаев присущая ему, вновь вернулась и проступила в голосе:

– Ну раз здесь и сейчас ты моя. Да еще по собственному желанию и добровольно...

Я напряженно сглотнула, когда Анриш начал неторопливо развязывать тесемки моей мантии. Расстегнул несколько скрытых пуговичек, касаясь груди и живота, и распахнул полы в стороны. Мой рваный вдох, когда Анриш увидел, что под ней у меня лишь тоненькая нательная рубашка чуть ниже колен и туфли на босу ногу, – и мантия черной лужей улеглась у моих ног на роскошном ковре. Волосы шоколадным гладким покрывалом рассыпались по моим белым плечам. Несколько ламп давали достаточно света, заодно и рубашка сильнее просвечивалась. В этом я еще в собственной комнате убедилась и не питала иллюзий, что она хоть что-то скроет от черных глаз.

– Я прошу вас: будьте со мной нежным... сегодня, – прошептала я, отчаянно труся.

Это в своей комнате я чувствовала себя смелой авантюристкой, отчасти дерзкой, продвинутой девицей, а прямо сейчас все мое бесстрашие резко испарилось. Я осознала, что нахожусь наедине с хищником, голодным, умным, очень-очень коварным. Непредсказуемым не только в плане поступков, характера и пристрастий, о которых я ничего не знала, но и как маг. Еще не к месту вспомнила недавнее предупреждение темных о том, что любовницы сбегали от ди-ре Сола, невзирая на несметные богатства.

– Это я легко могу тебе пообещать, – не менее тихо и хрипло ответил Анриш.

В комнате стояла странная тишина, какая-то тягучая, вязкая, но сладкая, как патока. А мой единственный мужчина изучал меня глазами и прикосновениями. Его длинные пальцы, которыми я весь месяц любовалась на занятиях, сегодня, как тогда рисовало воображение, прошли от моей кисти до шеи, зажигая горячие искорки на ставшей чувствительной коже. Широкая ладонь сперва обхватила мою шею, но лишь затем, чтобы запрокинуть голову. Чтобы затем Анриш наклонился и коснулся моих губ. Нет, чтобы выпил мое

дыхание, забрал себе мой рваный напряженный выдох. А потом согрел мои губы своим теплом.

Мой первый поцелуй... Я всегда гадала, каким он будет, с кем и при каких обстоятельствах. Но даже представить не смогла бы, что буду стоять на цыпочках в neglige и туфлях перед малознакомым мужчиной в запредельно далеком мире. Что сама к нему приду и буду тянуться к его губам за теплым дыханием, словно за глотком воздуха...

– Нежная, какая же ты нежная, Эмария... – голос Анриша, чувственный и хриплый, слегка отрезвил меня, царапнуло не совсем мое имя.

– Зови меня Машей... наедине, – попросила я, заглянув в черные глаза-омуты.

Анриш обнимал обеими ладонями мое лицо, разглядывая его. А я накрыла ладони, нежно ласкавшие меня, своими и запечатлевала его образ, запоминала этот миг навсегда. Суровый, темный маг и я...

– Да, нежное и мягкое имя Маша тебе больше подходит, чем холодное – Эмария... – неожиданно решил Анриш.

Меня затопило удовольствием.

– Назови меня по имени! – удивил он жестким требованием.

– Анриш! – робко улыбнулась я.

– Умничка! – поощрительно усмехнулся он.

И заставил затаить дыхание, потому что сгреб на моих бедрах рубашку и потянул вверх с явным намерением снять. Пара секунд – и волна моих волос выскользнула из подола и вновь растеклась по плечам. Шоколадные пряди заструились по лицу, плечам, обнаженной груди и сжавшимся розовым вершинкам, щекоча кожу и посылая довольных мурашек. Коленки ослабели, пальчики ног поджались.

– Идеальная. Какая же ты идеальная... – хрипло выдохнул Анриш, жадно, откровенно любуясь мной.

– А ты? – я не спросила, а скорее попросила тоже раздеться.

Почему-то стало стыдно и неловко в одиночку щеголять телесами. Мужчина неожиданно мягко усмехнулся и, не сводя с меня восторженных глаз, начал неспешно разоблачаться. Первой улетела в сторону белая рубашка, открыв его атлетически развитый торс с тугими мышцами. Пока он расстегивал ширинку я забыла о дыхании, ведь столько раз за этот месяц нечаянно залипала в том месте, словно специально выставленном именно для меня. А сейчас он буквально

дразнил – пуговичка за пуговичкой открывал самое сокровенное... Пока не буркнул что-то невразумительное и стремительно содрал с себя штаны и нижнее белье. Оставшись полностью голым, признался:

– Ты так смотришь, что даже стальная выдержка сломается.

Окунуться в стыд не успела – была сграбастана и через несколько шагов лежала на кровати. Прохладная простыня остудила мой пыл ненадолго.

Приласкав пальцами мое лицо, глядя мне в глаза Анриш попросил:

– Не бойся, я буду очень нежным.

И... полностью сдержал обещание! Я размякла лужицей горячего удовольствия от многочисленных поцелуев. Растеклась не соображающей патокой от самых сокровенных ласк, а слабый укол боли первого вторжения чуть не пропустила, настолько горела жаждой слияния. Дальше я забыла обо всем, отдаваясь чувственному, но такому осторожному напору твердой мужской плоти.

Кто знает, сколько длилось мое первое в жизни безумие страсти. Оно выпило меня до доньшка. Не хотелось возвращаться к себе, только свернуться калачиком под теплым боком великолепного любовника и отдаться сну. Но, чуть остыв после страсти, я натянула на себя одеяло и, приподнявшись, посмотрела на тут же напрягшегося Анриша:

– Мне стоит уйти?

– А как ты хочешь? – ровно спросил он, только глаза полностью почернели.

– Хочу остаться, – призналась я в своей слабости к нему.

Анриш молча сгреб меня в охапку и прижал к себе. Лишь позволил улечься удобнее, поелозив у него под боком и уместив голову на его груди. И до того мне было по-домашнему уютно в его постели, в его объятиях, что я начала засыпать.

А он вдруг хрипло пообещал:

– Знаешь, твоя идея с подарком неплоха. Я гарантирую жизнь и неприкосновенность твоей группе светлых по обмену.

Осознав еще не совсем размякшим мозгом суть сказанного, забыв об одеяле, села и, глядя Анришу в лицо, переспросила:

– Ты правда обещаешь позаботиться о моих товарищах? Чтобы их никто не задирали ни здесь, ни на практике? Не завалил специально на

экзаменах, и они получили дипломы?

Мой мужчина, единственный и неповторимый, на последних словах округлил глаза, а потом второй раз за время нашего знакомства рассмеялся:

– Маша, да ты хитрее любой темной. Ты просила неприкосновенность и защиту, а теперь – еще и гарантию получения диплома...

Я смутилась и нырнула под одеяло, спрятала загоревшееся лицо у Анриша между плечом и шеей. И уже оттуда попросила:

– Прости меня, оно само, нечаянно. Без задней мысли или коварного плана...

– Поверь, я знаю об этом.

– Настолько веришь в мою порядочность? – оторопела я и снова отстранилась, чтобы ему в лицо заглянуть.

А встретила привычное бесстрастное выражение и чуточку колючий взгляд, с которым ждут неприятности. Поэтому села, прижав к груди край одеяла.

– Ты же маг жизни, значит, должна чувствовать других. Их боль, чувства, эмоции.

Я признала:

– В повседневной жизни – только самые яркие и сильные. А чтобы полноценно все чувствовать, надо активировать дар...

Мы смотрели друг другу в глаза, напряженно ожидая. Чего? Каждый ждал чего-то своего. Анриш усмехнулся немного грустно:

– Жизнь – это всегда хаос чувств и эмоций. Такие как ты буквально горят своими, испытывая все острее и глубже, чем остальные люди. Поэтому тебе приходится прислушиваться к чужим эмоциям, активируя дар, чтобы заглушить собственные. Смерть же не любит хаос, она любит безмолвие, ей нужен холодный порядок и закономерность. Поэтому маги смерти, чтобы выжить, должны держать абсолютный контроль над своими эмоциями и чувствами. Сохранять внутренний покой! Мне порой смешно, насколько все бояться смерти. Ведь смерть нужно еще заслужить, и порой о ее приходе молятся как о высшем благе!

– Смерть – это начало новой жизни! – вырвалось у меня хриплое, ведь вспомнилось собственное перерождение.

Мне достался очень внимательный взгляд от Анриша:

– Верно.

– Я правильно поняла: ты всегда ощущаешь чужие эмоции?

– Я не просто маг смерти, Маша, я жрец Смерти. И очень... очень... очень редко теряю контроль над своими чувствами. Поэтому да, чужие эмоции для меня не секрет.

– На бесчувственную ледышку ты совсем не походишь, – буркнула я, пытаюсь хотя бы за этими словами спрятать свое смятение.

Анриш тоже сел, обнаженный и притягательный, совершенный мужчина. Взял мое лицо в ладони и проникновенным до мурашек голосом протянул:

– В этом только ты виновата. Ты часто та-ак смотришь на меня, что любой контроль к ерховой бабушке летит.

– К какой-какой бабушке? – мои губы сами собой растянулись в улыбке.

– Ерхом звали одного глупого темного, который ради наследства забыл о родовых связях и отравил свою пожилую богатую родственницу. В итоге она с того света его прокляла. И потом буквально отравила ему жизнь, являясь еженощно.

– Жуть! – я передернула плечами.

– Замерзла? Иди ко мне, согрею, – коварно предложил темный и завалил меня на спину.

Ведь, выходит, знает, что рядом с ним мне точно не замерзнуть.

– Анриш, – хихикнула я, с восторженным удовольствием лаская пальцами его удивительно мужественное лицо.

То, что его щетина мягкая, я уже убедилась, но все равно до зуда хотелось прикоснуться к его лицу.

– Теперь ты только моя, Машенька. Мой личный маг жизни! – вроде разделяя мое веселое настроение произнес Анриш.

Да только его глаза совсем не улыбались и смотрел он на меня слишком серьезно.

– Жизнь покажет... – парировала я, лаская его высокие скулы и зарываясь в серебристые волосы. Не могла оторваться...

Глава 14

– Приветствую, вас, студенты Далеитской магической академии! Как вы знаете, в нашей академии ежегодно проходит зимний конкурс талантов. – Многоголосый галдеж восторгов и недовольства ректор тут же пресек гневным взмахом руки и продолжил более сухо и бескомпромиссно: – Это очень важное мероприятие, особенно для выпускников, поскольку результаты конкурса заносятся в диплом и влияют на итоговую характеристику мага!

У меня возникло дежавю: будто я стою на площади Ройзмунской академии и слушаю выступление ректора Эльвата фин Жигалья, который сообщал сногшибательную новость об обмене студентами Байрата и Ирмунда. Только холодное дыхание первых октябрьских ветров, да темные вокруг ломали прошлую картинку. Как и саркастично ухмылявшийся Террас ди Лан на верхней ступени перед первой башней, который смотрел в основном на нас, светлых. Как и в день прибытия в Далеит, сегодня нас построили у центральной лестницы, перед темным студенческим братством. Словно проштрафившихся.

Заявление Терраса ди Лана было для нас не менее проблемным и дурно пахнущим, чем ректора фин Жигалья:

– До Дня белого солнцестояния еще три месяца, вы успеете тщательно подготовиться к этому весьма важному событию. Больше всех это касается студентов из Байрата! Вашим талантам будет уделено особенное внимание. Уверен, своим выступлением вы нас удивите, ведь отсутствие у наших выпускников талантов может помешать получить диплом...

Завершив речь, ректор голодным хищным вороном уставился на нас, три шеренги светлых, прямо с каким-то маниакальным удовольствием. Мне даже оборачиваться не надо было, чтобы убедиться, как «порадовала» мою группу эта новость. Ведь мои соотечественники так или иначе выдали себя: кто-то рвано выдохнул, кто-то засопел, шепотом высказался, справа от меня Адеис тихонечко всхлипнула. Только мне больше не было страшно.

С той прекрасной и страстной ночи с Анришем прошло три дня. К себе я тогда вернулась на рассвете и никому о его «подарке» не рассказала. Будучи абсолютно уверенной, что никто не поймет ни моих чувств, ни его поступка. Кто-то решит, что я продалась. Кто-то – Анриш проявил слабость. Светлые подумают, что эта ночь – моя жертва ради них, темные – простой расчет и ничего больше. Лично для меня та ночь стала бесценным и дорогим воспоминанием, восхитительной тайной. А как к ней отнесся Анриш – не знала.

За три дня камень на порталном кольце больше ни разу не согрел мой палец, передавая приглашение встретиться с его хозяином. Хотя я нечаянно услышала, что тем же утром Анриш отбыл из академии во дворец и пробыл двое суток с Повелителем. Только глупое сердце болело и теряло надежду. Если эта ночь станет единственной, мне будет очень... очень... больно. Успокаивало единственное – Анриш ди-ре Сол выполнит свое обещание обеспечить защиту светлым.

Сейчас предмет моих переживаний стоял рядом с ректором и таким же, как в день нашего прибытия сюда, бесстрастным взглядом взирал на всех, походя на ледяную, бездушную статую. Только я-то уже узнала, какой вулкан прячется за этой ледяной броней.

Наконец я позволила себе посмотреть ему в лицо, хотя чувствовала на себе его тяжелый взгляд с момента, как мы построились перед лестницей. Господи, я могла бы вечно любоваться Анришем, но тщательно спрятала, заглушила свои эмоции. Нельзя полностью открываться мужчине, показывать, как сильно скучаю без него, такое доверие он должен заслужить. Поэтому повыше задрала нос и, даже стоя у подножья лестницы, взглядом выразила присущее всем аристократам снобистское высокомерие. Темные брови дрогнули, сошлись в недовольном удивлении, а ледяная бесстрастная маска Анриша заметно потрескалась. Больше того, он завел руки за спину, и я тут же ощутила, как призывно нагрелся камешек порталного кольца. Ага, значит он хочет, чтобы после занятий я пришла к нему.

Мы сцепились взглядами с ди-ре Солом: его – требовательно мрачный и мой – удовлетворенный и гордый. Ничего, мой темный друг, мы еще посмотрим, кто кого приручит. И пока ректор вещал о правилах проведения конкурса-концерта, я хоть и вникала в их суть, попутно тренировала нервы и выдержку проректора. Закусив нижнюю губу, добавила поволоки в глаза. Вышло эротично – вон как глаза мага

смерти почернели! Потом и вовсе разошлась, раз уж он чувствовал эмоции, раскопегарила в себе возбуждение, это довольно легко получилось, стоило только вспомнить некоторые моменты нашей ночи. Ха, у моего ледышки даже румянец на щеках проявился. Но тут на своего заместителя с тревогой покосился ректор, затем еще и еще, потом, проследив направление его взгляда, на меня посмотрел, сначала с удивлением, а в следующий раз – с возмущением.

– Все на занятия! – резко закруглился Терренс ди Лан.

Мы, тридцать светлых, первыми с площади уходили. Но не затравленными жертвами, а уверенно и спокойно, как и положено студентам к началу занятий. И пусть частью благодаря кулону Анриша, что черным светом сиял поверх моей мантии, но мы и сами доказали темной своре, что не слабаки.

Занятия прошли в каком-то тумане. Во-первых, порталное кольцо почти жгло мой палец, не позволяя забыть о приглашении Анриша. Во-вторых, каждый из нас варился в собственных нерадостных мыслях, какие таланты демонстрировать, чтобы не остаться без диплома. Судя по напряженным лицам моих одноклассников, а у кого-то и отчаянным, таланты у себя нашли не все. А придется!

Собравшись на тринадцатом этаже нашего общежития в нечаянно найденной неделю назад в самом конце коридора большой и просторной комнате, все молчали.

– Может стихи рассказать? – робко предложила Мирна.

– Если судить по правилам конкурса, то только если будешь как минимум полуголой стихи читать, причем, собственного сочинения, тебя сочтут за талант, – сухо ответил Адес Лиш, четверокурсник с природного.

– Высший бал получит то выступление, которое благодарными аплодисментами оценит больше половины присутствующих. В случае, если аплодисментов не будет вовсе, выступление не зачтется, – мрачно процитировал ректора гулким басом Виктор Порубежник. А потом добавил: – Нас же сразу освистают и все дела!

Я в мозговом штурме еще не участвовала, сидела на подоконнике и задумчиво глядела в окно, благо с тринадцатого этажа открывался великолепный вид на осенний академический парк. Многочисленные и разнообразные деревья, только-только начавшие желтеть и краснеть, дорожки и поля-полигоны, слегка посыпанные единичными опавшими

листьями, выглядели как гигантских размеров блюда с салатом. Еще сочная густая трава, беспечно зеленевшая под лучами солнца, обманчиво яркого, потому что ветер дул осенний, холодный. Заставлявший задуматься о более теплой одежде. Атмосфера, как обычно по осени, навевала грусть: скоро ноябрь, потом зима, холодная, неприветливая чужбина... Как там мои подопечные в имении проживают? Гуляя в осеннем ришенском парке, я заметила, что становилась особенно чувствительной к собственным ощущениям, запахам, проблемам... Совсем скоро ноябрь...

Вот так размышляла, рефлексировала – и под расстроенный бубнеж нечаянно провалилась в собственные воспоминания. Туда, обратно на Землю, в родимую Россию, домой, в нашу квартиру, где мы жили с Викой и Женькой. В тот вечер я тоже сидела на широком подоконнике, только за окном завывала метель, народ уже вовсю готовился к Новому году. Мы втроем придумывали, как заработать денег. Это было за год до похода к ведьме Анхеле, но сейчас я словно реально оказалась там... дома. И участвовала в веселом споре с девчонками, что этакое завлекательного можно спеть в переходе, чтобы народ расщедрился отдать нам свои кровные:

«– Это должно быть либо что-то очень веселое и новогоднее, либо на слезу прошибать, – настаивала прагматичная Вика.

– Голосую за веселое, на Новый год хочется больше радости, – воодушевилась Женька, самая позитивная из нашей троицы и верившая в чудеса.

– Вангую, из всех щелей будет литься это веселое. А нам нужно тебе на новые зимние сапоги заработать. Предлагаю выделиться из общей массы и спеть слезливое и трагичное.

– Думаешь? – недоверчиво уточнила я.

– Уверена! Деньги отдают, только если залезть людям в душу. А веселиться предпочитают бесплатно, – привычно менторски, ворчливо ответила наша юная старушка Вика.

– И что споем? – уныло спросила Женька.

Грустные песни она не любила. Голоса у нас троих красивые, каждый по-своему. Только Женька любила танцевать, причем даже при ее росте порхала и летала. Я обожала музыку саму по себе, слушать и играть. Виктория предпочитала петь, голос у нее был самый сильный и какой-то волшебный что ли, завораживающий.

– Балладу! – усмехнулась Вика. – О девушке у одинокой могилы, отчаянно взывающей к богам. Она долго искала сгинувшего в неизвестных землях любимого, прошла кучу испытаний, а потом узнала, что он погиб. И вот, далекие земли, чужие хмурые небеса, холм с одиноким деревцем и одинокая могила. И вся в черном девушка, задрав голову к небу, сначала обвиняет богов в том, что они лишили ее счастья и любви. Требует возмездия убийцам! Но не дождавшись от них ответа, падает на колени и молит уже о другом, просто забрать ее душу, чтобы она хотя бы на небесах воссоединилась с любимым... Ага, девочки, раз даже вас на слезу пробилло, значит точно исполним это!

Шмыгнув носом и вытерев побежавшие по щекам слезы, Женька спросила:

– Ты хоть напой ее что ли, мы ж ни слов, ни музыки не знаем.

Вика хихикнула, а потом удивила нас:

– Да знаете, знаете, это песня „Нентори“, Арилена Ара...

– Ты издеваешься? Она совершенно о другом поет! – не согласилась я.

– Ага, но, ты думаешь, найдется много людей в подземном переходе, кто знает точный перевод или албанский язык? Большинство слышит просто красивую и грустную песню на неизвестном языке!

– Ты...

– Я-то буду петь с надрывом и трагизмом, а вот ты перед этим всем расскажешь о драматичной судьбе бедной девушки и ее несчастной любви. А Женька будет танцевать и стоять на коленях у одинокой могилы... Кстати, нужно еще в магазине фокусов купить кинжал с надутым острием, Женька себе в живот воткнет на последних аккордах. Типа прощай, Земля, пошла я к любимому в космос... Для драматизма!

Мы с Женькой с минуту таращились на подругу, пытаюсь понять: она шутит или нет? А потом не выдержали и расхохотались. В этом вся суть нашей Шапокляк, доброй, но хитрой и предприимчивой. Как бы мы жили без нее, не берусь даже предсказывать. Однозначно гораздо сложнее...»

– Лея Эмария, а вы чем темных удивлять планируете? – выдернул меня из прошлого раздраженный голос Лореса.

Я поморгала, отгоняя образы любимых лиц, ощутила, как холодит сквозняк мои щеки, и поняла, что они мокрые от слез. Тайком вытерла и обернулась к замолчавшим одноклассникам, раскрасневшимся, взволнованным, явно спорившим, и почему-то решила воспользоваться предложением Вики. Не сдержала горький смешок – судьба складывается самым нетривиальным образом. И посмотрела на своих собратьев по обмену уже со зловещим предвкушением:

– Ребят, вы готовы изменить мир? И стать настоящими звездами, которым поклоняется мир? Кому хотят подражать? И...

Лорес качнулся ко мне и стремительными пассажами изобразил проверочную руну, заставив меня замолчать от неожиданности. А потом недоуменно констатировал:

– Странно, никаких проклятий нет, вроде бы...

Тьфу ты! Придется для наглядности демонстрировать. И почему-то захотелось именно наш новогодний эксперимент повторить. В тот раз, как и предсказывала Вика, вышел фееричным и успешным. Денег нам накидали с лихвой и хлопали более чем щедро.

– Мы все будем петь и танцевать. Сейчас без музыки, хотя она большое значение имеет, но я исполню вам древнюю легенду про девушку, которая потеряла любимого и обратилась к богам...

* * *

– Занятия закончились четыре часа назад, – раздался при моем появлении холодный, обманчиво спокойный голос Анриша.

Как и прошлый раз, он встретил меня в кресле у окна и в трех шагах от открывшегося портала. В тех же тапочках, домашних брюках и рубашке, на этот раз черной, расстегнутой до середины груди. И она ему очень шла, льнула к телу, подчеркивала его великолепный торс. В руках Анриш покачивал резной бокал с вином, на гранях которого играл свет лампы. Казалось бы, просто отдышал, да только суть приветствия выдала, что ждал. Ждал с нетерпением, раз посчитал время. Еще и запах темной энергетики изменился: загустел, добавилась солоноватая сладость, словно гематогена переел. Маг смерти гневался.

Я же этим вечером, наоборот, как на званый вечер оделась. В элегантно черное шелковое платье, чем невольно попала в унисон цвету его одежды, но мой наряд был что называется на выход, с открытыми плечами и мягким корсажем, приподнимавшим грудь. Юбка свободными широкими складками струилась до черных лодочек на низком каблучке. Анриш еще не знал, что под платьем у меня красивое нижнее белье, отделанное тончайшим черным кружевом. Наряд на любой случай!

– Вы забыли, эйт ди-ре Сол, через три месяца состоится конкурс талантов. И все светлые пытались отыскать хотя бы один на всех, чтобы ничто не помешало выпускникам получить дипломы. У светлых с остальных курсов хотя бы есть надежда, что дома им за живучесть дипломы выдадут, а вот нам, выпускникам...

– Я же пообещал, что у вас всех проблем не будет! Ни с дипломом, ни с живучестью! Ты не веришь моему слову? – уязвленно поинтересовался Анриш.

– Верю! – улыбнулась я. – Но я никому про ваш подарок не сказала, поэтому ребята нервничают.

– И почему же? – мрачно уточнил Анриш, затем встал, поставил бокал на подоконник и приблизился ко мне.

Он смотрел таким взглядом, что без слов стало понятно, в чем меня подозревал. В нежелании афишировать нашу связь.

– Во-первых, о своей личной жизни я никому не обязана докладывать или отчитываться. Во-вторых, не хочу, чтобы ваш подарок вызвал у кого-то из нас чувство безнаказанности или вседозволенности. Это может помешать учебе. Лучше мы продолжим прилежно учиться, чтобы не поставить вас в неловкое положение.

Окинув меня прищуренным изучающим взглядом, он с ироничным одобрением заметил:

– Любопытная жизненная позиция.

– Мне не хочется бездумно пользоваться вашим именем или вредить репутации. Поверьте, я умею ценить расположение, – серьезно и честно пояснила я.

Анриш – высокий, довольно крупный мужчина; мы так близко стояли, что пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. И чтобы не коситься на чуть не до пупа расстегнутую рубашку, вернее туда, где виднелась гладкая кожа развитого торса. Страшно признаться,

но, похоже, я больше не смогу спокойно реагировать на этого мужчину в непосредственной близости. Внутри меня разливалось характерное тепло желания, все нутро мелко трепетало.

– Сегодня ты одета... – с непонятым выражением протянул Анриш. А потом добавил, не сумев сдержать недовольство: – Обращаешься вновь на «вы» и по родовому имени...

– Полагаю, вы согласитесь, что в нашем с вами случае я в более уязвимом положении. С той... За эти три дня все могло измениться. Ваши желания тоже. Я просто дала вам возможность самому принять решение о статусе наших отношений. Чтобы не ставить не только вас, но и себя в неловкое положение, обращаясь по имени и на «ты».

Мы смотрели в глаза друг другу. Анришу почему-то не понравились мои старания или тот факт, что я словно бы отстранилась от него. Его взгляд скользнул вниз и замер на кулоне у меня на груди.

– Я еще прошлый раз заметил эту безделушку, для чего она? От нее прилично фонит магией, – он подцепил пальцем шнурок от кристалла памяти, а я поняла, что ошиблась с предметом его внимания.

– Это индивидуальный кристалл памяти, в него сразу после поступления копируют память студентов. Были прецеденты. Если вдруг по глупости или несчастному случаю кто-то память потеряет, можно будет восстановить личность...

– Я хочу посмотреть.

– Нет, – категорично отказалась и, приложив усилие, разжала пальцы Анриша на своем артефакте и убрала его на место.

– Строптивая, – ровно заметил он.

– Увы, нет. Просто прошлое есть у всех, зачем вам воспоминания восемнадцатилетней девицы, потерявшей родителей и всех близких? – с горечью пояснила я.

– Прости, – Анриш с трепетной лаской прошелся подушечками пальцев от моего виска к подбородку и глухо добавил, – мои намерения по отношению к тебе не изменились. На будущее я изыщу возможность и время, чтобы предупредить тебя о своих отлучках из академии.

Вскинув на него удивленный взгляд, я чуть хрипло ответила:

– Я была бы благодарна за такую заботу.

– Ты успела поужинать в вашей суеде поисков талантов? – усмехнулся Анриш.

– Нет, к сожалению, – я поморщилась.

– Ну что ж, тогда ты не зря выбрала это платье, – хмыкнул Анриш и отошел к столу, где набросал короткое магическое послание и отправил его.

– У нас намечается свидание? – улыбнулась я.

– Можно сказать и так, – бесстрастно согласился он.

Вскоре двое кухонных работников принесли ужин на двоих и накрыли на стол. При этом косили на меня любопытными взглядами. А мне было совершенно все равно, что они увидели меня в апартаментах декана белой кафедры. Мы с ним взрослые люди и ничего постыдного я уж точно не делала.

Ужин прошел вкусно и неожиданно многословно, правда, в основном говорила я. Рассказывала о своем житье-бытье, гибели родителей, истории с кузенком и даже о нелегальном заработке с помощью средств красоты. Сложилось ощущение, что на меня составляли очень подробное досье. А вот история с «перепутанным» зельем, очень ловко и совершенно ненавязчиво выуженная у меня, Анришу категорически не понравилась. Подавшись всем телом ко мне и схватив за руку, он жестко приказал:

– Поклянись, что ты не собиралась себя убить!

– Клянусь, я точно не хотела себя убить, – твердо и искренне ответила я. – За свою жизнь я буду драться до последней капли крови!

Мой ответ успокоил Анриша, он с нежностью погладил мою ладонь, которую до этого сжал словно тисками и откинулся на спинку стула.

– Наелась? – неожиданно спросил он.

– Да, – в моем голосе была хрипотца.

– Тогда продолжим свидание в спальне? – зловеще улыбнулся он.

Я молча встала и направилась в соседнюю комнату. Замерла у кровати, не зная, раздеваться самой или...

Анриш решил за меня. Большие, теплые мужские руки легли на мои обнаженные плечи и слегка их стиснули, притянули к его груди спиной, обняли, прижали крепче. Он уткнулся носом мне в макушку и выдохнул – пустил чувственные мурашки по всему моему телу:

– Ты пахнешь... теплым лугом... моя светлая девочка...

Его дыхание и признание... Я положила ладони на его предплечья, скрещенные поверх моей груди. И что-то или кто-то толкнул на следующий шаг: я поцеловала тыльную сторону его ладони, потом медленно покрыла нежными поцелуями его пальцы.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил Анриш.

– Благодарю за всю ту нежность, осторожность и удовольствие, которое мне подарили твои руки в прошлый раз. Превратили мой первый раз в невероятную сказку, избавили от страхов и боли...

Мужская грудь за мной окаменела, я уж было решила, что перестаралась с... признательностью, но Анриш отмер. Так ничего и не сказав, неспешно и спокойно раздел меня до нижнего белья. А вот стоило мне остаться в кружевной великолепии от байратского ателье, по-прежнему стоя к нему спиной, Анриш затих. Я уже хотела оглянуться, но он не позволил. Сгреб в кулак мои волосы на затылке, не больно, но жестко и как-то чересчур спокойно предупредил:

– Больше не провоцируй зверя, Маша! Тебе не понравятся последствия, если он поверит в нечто большее, чем ты сможешь дать ему!

Мой первый раз был осторожным и чувственным откровением. Вторая ночь с Анришем раскрыла страстную натуру темного мага. Без капли боли, без принуждения или давления, он показал, что в каждом скрыта темная чувственность, которая жаждет подчинения. Во мне, оказывается, тоже.

Пресытившись, Анриш улегся на бок и притянул меня к себе. Из накотившей дремы меня выдернуло его требование:

– Я хочу, чтобы ты надела это кольцо!

Я заполошно открыла глаза и увидела, что он пытался надеть на мой палец здоровенное кольцо с камнем. Успела с силой сжать руку в кулак и сипло из-за сорванного голоса спросила:

– Что это за кольцо?

– Родовое ди-ре Сол, – голос Анриша был бесстрастным, но напрягшееся за моей спиной тело выдало его истинное состояние.

– Что оно означает? – я тоже напряглась.

– Что ты моя! – словно камень в воду бросил.

– Кто? – сухо уточнила я.

– Моя невеста, будущая герцогиня ди-ре Сол, – спокойно ответил Анриш, как будто речь шла о сущей ерунде, и, выпустив меня из

своего плена, улегся на спину.

Собравшись с мыслями, я села, повернулась к нему, подтянув к груди одеяло, и категорично выдохнула:

– Нет!

Поиграв желваками, он процедил:

– Почему?

Думал, я буду счастлива стать герцогиней? Я отвела взгляд и поморщилась: слишком трудный и сложный наметился у нас разговор. Особенно после того, что только-только произошло в этой постели. Да только раз уж он начался именно сейчас, то к лучшему. Может, чуть позже было бы совсем поздно.

– Я маг жизни.

– Знаю. И что? – Анриш в недоумении вскинул брови.

– Маг жизни любит один раз и на всю жизнь. Наша любовь такая же сильная и безраздельная, как и дар. Брак по расчету – не для нас. Дар не примет подделку и не приемлет страданий, сначала будет жечь душу, а потом уйдет, иссякнет. Только, если тело покинет магия, уйдет и жизнь.

– Маша, я жрец смерти и что-то мне подсказывает, что в нашем браке твой дар не почувствует подделки! – без насмешки, серьезно и спокойно парировал Анриш.

Значит, этот темный ди-ре уверен в моих искренних и глубоких чувствах к своей персоне. Только о своих ни слова. Я разозлилась и высказалась, не скрывая язвительного тона:

– Моя группа в вашей академии чуть больше месяца, но даже мы уже не раз слышали, насколько любвеобильный ваш повелитель. И о количестве у него «любимых» фавориток. Прости, Анриш, но я лучше выберу свободу в наших отношениях, чем буду соревноваться с твоими фаворитками за место любимой жены!

Анриш резко сел, близко-близко ко мне, обхватил пальцами мой подбородок, в его голосе крошился лед:

– Свободные отношения между жрецом смерти и магом жизни? Ты шутишь, наверное? Или забыла мою первую лекцию о стадиях привязанности темных??

Я попыталась отодвинуть его кисть от своего лица, но мужчина прямо пылал яростью. Даже в комнате резко похолодало, в воздухе словно туман появился.

– Тогда дай мне клятву верности, – предложила я, – что ты будешь только мой. На крови!

– А ты только моя! – зловеще и криво усмехнулся Анриш, выпустив, наконец, мой подбородок.

– Да...

Я смогла только прошептать в ответ, потому что стало жутко страшно. Страшно, если он согласится, тогда меня ждет совершенно новая, неизвестная жизнь. И страшно, что откажется. Ведь тогда, вполне возможно, моя жизнь долго не продлится, если мои чувства пустили слишком глубокие корни.

– Ты готова принять мою клятву и родовой перстень прямо сейчас? Осознаешь, что с этого момента твоя жизнь полностью изменится? Навсегда!

– Да, – пискнула я.

В голове шумело, казалось, я стою на краю обрыва и вот-вот в него прыгну. Анриш потянулся к моей груди и под моим ошарашенным взглядом нажал на черный камень подаренного мне кулона. В следующую секунду из него выскочила пара лезвий. Я выпучила глаза:

– Ты отдал мне ритуальный скарификатор в качестве защитного амулета?

Анриш зловеще усмехнулся:

– Все в темной академии знают, что это за артефакт и для чего нужен. И только самый отмороженный рискнет причинить тебе вред, зная, что после сам окажется жертвой ритуала мага смерти...

Я таращилась на своего неординарного мужчину с еще более необычными «цацками»: он порезал свой палец. Привычно, даже не поморщившись от боли пустил себе кровь и произнес:

– Клянусь Смертью и Жизнью, что буду верен Эмариин фин Ришен. Буду верен тебе, Маша! Ты согласна стать моей женой?

– Да, – выдохнула я огушенная стремительностью и глобальностью происходящего.

Следом он надел на мой дрожащий палец внушительное кольцо.

– Ой! Колется! – взвизгнула я, когда под золотым ободком меня словно что-то ужалило, и схватилась за пострадавший палец.

– Ты сама потребовала клятву, привязала меня к себе нерушимыми узами. Поэтому родовой артефакт прямо сейчас и

активировался. Изъял каплю крови еще до официального обряда.

Я смотрела на Анриша осознав, что это не просто помолвка. Давшему клятву верности мужчине теперь только я могу подарить наследников, соответственно он меня никуда не отпустит и никому не отдаст. Живой. Фактически мы уже муж и жена, осталось только юридически закрепить этот факт.

– Мне тоже дать клятву? – просипела я.

– Не обязательно! – весело ухмыльнулся Анриш, и я напряглась, ожидая очередную подставу. И не ошиблась. – Родовые артефакты древних семей сами обеспечивают чистоту крови будущих наследников.

– В каком смысле? – не сразу поняла я. А потом возмутилась. – Ты хочешь сказать, что это кольцо гарантирует верность мужу? Вместо клятвы?

– Да, – довольно оскалился ди-ре Сол. – Я же тебе еще прошлый раз сказал, теперь ты только моя!

– Да, только и ты теперь только мой! – отзеркалила ему торжествующий оскал.

А то, ишь, хитрец нашелся: «Хочу, чтобы ты надела мое кольцо...» и в одиночку хранила верность. Два пишем, три в уме. Нет уж! Вместе, так вместе!

– Знаешь, полюбить мага смерти только маг жизни и способна, так что я в любом случае в выигрыше! – искренний, радостный смех Анриша меня изумил и успокоил.

Правда, это спокойствие вынудило вернуться к насущным проблемам. Я удрученно призналась:

– Как только в Байрате узнают о нашем браке, у меня отберут земли и титул. А я обещала мирозданию, что сделаю все возможное, чтобы продолжить славный и древний род целителей фин Ришенов...

Анриш отреагировал на мои тревоги в своей манере. Хмыкнул и заявил:

– Не переживай о таких мелочах. Хочешь сохранить родовое имя для наследников? Сохраним! Вне зависимости от решения короля Байрата мы в любом случае введем фин Ришенов в геральдические списки родов Ирмунда с присвоением земли. Только надо будет поднять статус до графского. А то не солидно члену рода ди-ре Сол баронскую печать иметь...

Поглазев на запросто распорядившегося титулами и землями Ирмунда почти-мужа, неожиданно подумала о поверенном Аруше и нашем с ним кровном договоре. Представила его довольство от получения права оттиска графской темной печати и расхохоталась.

– Я что-то смешное сказал? – уязвленно удивился Анриш, лишний раз доказывая, что в его присутствии редко смеются и веселятся.

Я рванула к этому ледяному айсбергу и, повалив на спину, нависла. Полюбовалась настороженным лицом Анриша и потянулась целовать, жарко и жадно. Мо-ой!..

Глава 15

Трое парней, покушавшихся на меня, тревожно следили за моим приближением. Конечно, их можно понять. После той ночи, когда я столь неожиданно и стремительно стала невестой проректора темной академии Анриша ди-ре Сола, мало того, двоюродного брата повелителя и второго в очереди на трон Ирмунда, за моей спиной появились две тени. И вот уже два месяца, сменяя друг друга, меня охраняли будущие маги смерти. Заодно и всю группу светлых, мы же по одному не ходим. Да и злить проректора дураков нет. Внушительный родовой перстень с большущим сапфиром и вязью рун на моем тонком пальце вскоре все заметили, и у темных вопросов о моей персональной охране не возникло. Лорес после первой попытки влезть в мою личную жизнь с наставлениями, второй раз не решился. И слава богу.

Теперь, стоило машинально поднять руку для любого дела, родовой перстень ди-ре Солов радостно бликовал, пуская зайчиков и невольно приковывая к себе не только чужое, но и мое внимание. И главное, хоть мельницей маши, не слетит с руки. Держится, будто приколоченный баннер с предупреждением: «Осторожно, частная собственность рода ди-ре Сол! Не прикасаться! Убьют!»

– Эйта фин Ришен, самой темной ночи вам, – настороженно поприветствовали меня Денрик с подельниками, стоило к ним подойти.

– Иры... – начала было я, но застопорилась отметив, что парни оскорбленно поморщились, а следом, побледнев, вытаращились на меня. Пришлось срочно исправиться, пока они окончательно не решили, что Анриш лишил их родового статуса: – Простите, эйты. Я готова взыскать с вас долг.

– Слушаем вас, – напряжение в них достигло пика, даже лица будто окаменели.

Без слов понятно, что после моей оплошности с обращением должники ждут от меня чего-то запредельного. Либо баснословно дорогого, либо смертельно пакостного. В какой-то мере я их не разочарую, оправдаю ожидания:

– В качестве возмещения завтра вы лично сопроводите группу моих соотечественников после занятий в Далеит. И обеспечите им надежную охрану!

– Это все? – не поверил Денрик.

– Нет, конечно, – усмехнулась я. – Вы покажете моим товарищам все хорошие и нужные им лавки, а также оплатите все их покупки.

– Можно нам заранее уточнить... хотя бы примерно, для расчета необходимой суммы, что именно они собираются купить? – очень осторожно поинтересовался друг Денрика.

Судя по хмурой складке между его бровей, уже подсчитывал, в какую долговую яму я их загоню.

– Ткани, нитки, тесьму, в общем, все для шитья. Еще обувь и одежду. И кое-какие другие вещи для конкурса.

– Для конкурса? – опешили все трое.

– Верно! – еще шире усмехнулась я и решила сразу подсуетиться: – И второе немаловажное условие, чтобы я сочла ваш долг закрытым.

– Да? – снова напряглись парни.

– Аплодисменты!

Видимо, я довела парней до ручки, они выпучили на меня глаза:

– Что, простите?

– Вы должны мне аплодисменты. Когда будут выступать светлые, ваша обязанность – громко и восторженно хлопать! Искренне и с полной самоотдачей! Поэтому вы обязаны присутствовать на конкурсе талантов и активно нас поддерживать.

Несостоявшиеся преступники несколько томительных мгновений мрачно смотрели на меня, судя по сжатым желвакам и скрипу зубов, мысленно расчленили. Еще бы, на такой позор толкнула: хлопать – восторженно! – светлым. Немыслимо!

– А может вам нужны драгоценности и...

– Они лучше, чем у рода ди-ре Сол? – холодно оборвала я Денрика.

– Нет, – обреченно признал он.

– Значит, поход в Далеит за покупками и восторженные аплодисменты! – завершила я торги. – Завтра в три часа моя группа будет ждать вас у ворот. Не опаздывайте! И если хоть что-то пойдет не так или мои товарищи пострадают, я сочту, что вы отказались от

возмещения мне долга. В этом случае вам придется иметь дело уже не со мной...

Сухо кивнула им на прощание и поспешила в столовую, куда изначально и направлялась со своими друзьями. Да только, заметив по дороге должников-инвесторов, задержалась взыскать долги.

Взяв себе еды, присоединилась к своим за длинным столом у окна. Я уже привыкла к повышенному вниманию темных, поэтому ни настроение, ни аппетит они мне больше не портили.

– Тебе досаждают эти трое? Нужна наша помощь? – тихо уточнил Лорес, который сидел напротив меня рядом с Адеис.

– Нет. Скорее я им жить спокойно не даю, – хихикнула я, а потом серьезно пояснила: – Мэтр, я обещала вам решить вопрос с конкурсными костюмами. Эти трое – мои должники, поэтому мы договорились, что они сопровождают нашу группу по дальнейским лавкам и обеспечат охрану. Более того – оплатят все покупки. Надо отправить несколько парней и, думаю, стоит еще пойти Алисе и Айшат. Поскольку только женщины способны выбрать красивые ткани и приклад для пошива нарядов.

– Разве ты не пойдешь с нами? – удивилась Алиса.

– Меня не отпустили, – призналась я с досадой.

Ведь только заикнулась Анришу о своей идее – и тут же получила категоричный отказ. Правда, и обещание, что позднее он мне сам покажет столицу, да хоть весь Ирмунд. Ведь земли ди-ре Солов занимают пятую часть королевства.

Отметив понятливые ухмылки парней, все же Хартан – глубоко патриархальный мир, даже в своей темной части, я вспомнила о важном:

– Рин Шмун тоже с вами пойдет! Купит все необходимое для остальных артефактов.

– Еще артефакты? – вскинул брови Лорес.

Бывший законник и следователь по особо важным делам, наш куратор с боевого факультета, к сожалению, лишь в пределах базовых знаний выпускника магической академии разбирался в музыкальных инструментах.

– Да, – кивнула я и, обернувшись к Шмуну, сидевшему по правую руку от меня, с восхищением пояснила, – Рин создал артефакт, который улавливает и усиливает естественную вибрацию корпуса

гитары и струн. Это придает звуку особенный объем, бархатистость и глубину. Теперь басовые струны звучат упруго и с хорошим сустейном...

– С чем? – недоуменно переспросила Адеис.

– Звук стал более длительным, – пояснила я и про себя порадовалась: хоть не полноценная электрогитара вышла, но очень приближенное звучание. – И высокие струны не просто звучат, а поют. Такой чистый и почти хрустальный звук...

– Рин у нас гений в артефакторике, – с не меньшим восторгом согласился Этеис под радостное кивание жевавшего Алесана. – Теперь моя гитара выдает такое... словно один звук размножили и он отдается эхом в горах. Потрясающе звучит...

Я счастливо улыбалась, Рин действительно сотворил что-то невозможное. Создал магический трансакустический блок. Волшебник!

– Мы вчера с леей Эмарией проверили здешний зал торжественных приемов, где проходят все конкурсные мероприятия и концерты. Там, как в храме, – потрясающее отражение звука! – оценил Виктор, наш барабанщик. Довольный!

– А причем тут эхо? – недоумевала Адеис.

Я пояснила:

– Дело не в эхе, а изначальной, конструктивной особенности помещений отражать звуки. Называется реверберация. Это эффект, придающий звуку ощущение пространственной глубины и ширины за счет отражения звуковых волн...

Ни Адеис, ни наши соседи меня не поняли. Лорес улыбнулся любимой девушке и взялся пояснять сам:

– Представь ручей. Если кинуть в него камень, то ничего, кроме «бултых», не будет. А если кинуть камень в тихую гладь паркового пруда? Появится рябь, которая волнами разбежится далеко от места падения камня. Так же и со звуком. Если ты крикнешь дома, твой голос иссякнет, стоит замолчать. А если в Главном Храме Ройзмунa? Когда по праздникам проповедует наш главный жрец, его отлично слышно даже на внешних ступенях. Сам он стоит в центральном нефе, но конструктивные особенности стен и купола храма создают такое эхо, что его голос многократно усиливается, становится глубже, сильнее и пробирается до самой печенки...

– Да, благодаря залу торжеств первой башни академии и артефакту нашего Шмуна-золотые-руки, нас услышат все! И не смогут забыть! – зловеще ухмыльнулась я.

И мое коварное предвкушение разделили все светлые, что сидели рядом. Ведь даже моя «легенда о несчастной девушке, взывающей к богам» произвела на них большое впечатление. А уж когда к моему пению присоединилась музыка, даже Анхиль, самый пессимистичный пессимист приободрился и поверил в чудо нашего будущего успеха. Хотя, какое чудо? Мы вот уже два месяца ежевечерне репетировали – пели и танцевали как одержимые. Правда, пришлось добавить еще и рассветы – непривычные танцевальные движения, особенно синхронизация с вокалом, давались с трудом. К тому же необходимо совмещать заучивание песен, тренировки вокала и речитативы темных ритуалов для сдачи экзамена. Благо нас с первого курса натаскивали петь и играть, соблюдать ритм и четкость, что самым чудесным образом сыграло нам на пользу.

Скооперировавшись с Этеисом, менталистом, хоть и основное его направление магия иллюзий, мы создавали общую ментальную сеть и проводили репетиции, в упрощенном и ускоренном темпе заучивая непривычные для хартанцев танцевальные движения Земли. Синхронизировали и доводили до идеальной четкости.

Темные за соседними столами наше нехарактерное зловещее предвкушение отметили и насторожились. Явно опасались мести светлых за былые «заслуги». Только мои товарищи до сих пор не в курсе нашего с Анришем соглашения о безопасности всей группы. И усиленно занимались, и репетировали. Как и я! Уверена, каждый из нас по итогу этого сложнейшего года повысит свои данные, как интеллектуальные, так и физические. В здоровом теле – здоровый дух! Вот!

После вечерней репетиции будущие светлые звезды, взмокшие и уставшие, устало разбрелись по комнатам готовиться к завтрашним занятиям. А я обратилась к артефактору с просьбой:

- Рин, задержись на секундочку, пожалуйста.
- Да, лея? – Рин слегка смущенно остановился у моей двери.
- Завтра ты пойдешь с остальными в Далеит, – сразу озадачила я, – помимо необходимых деталей для артефактов, ты непременнополнишь свой гардероб.

– Лея, пока я не...

Я вскинула руку, обрывая его стыдливую попытку пояснить очевидное. У Рина просто нет денег. Ему повезло уже в том, что Алекс Крюк подарил ему новые ботинки, иначе ходил бы по снегу босиком. Да, отрабатывать короне свое обучение он больше не должен, но его без королевской стипендии оставили. Как и любой возможности подработать! Для сироты из приюта – безнадёжная ситуация.

– Полагаю, ты тоже знаешь, что за долг мне отдают темные?!

Рин хмуро кивнул, про нападение я рассказывала при всех.

– Но...

– Они помогут нам выиграть этот конкурс. За все заплатят и будут восторженно хлопать. Хотя, уверена, это станет для них не тяжким бременем, а незаслуженным удовольствием! К сожалению!

– Но причем тут мой гардероб?

– Еще решат, что дешево отделались. Свой урок они должны запомнить навсегда! Ткани и обувь для танцев – это слишком скромная плата за нападение и мои нервы! К тому же вся темная академия постаралась оставить тебя без самого необходимого. Рвали твои рубашки, штаны, испортили теплый плащ... Пусть хотя бы самые отъявленные мерзавцы возместят ущерб, – сухо и строго пояснила я.

– Лея, вы полагаете это правильным? Чтобы я тратил, по сути, ваши деньги и...

– Если бы не конкурс, никогда бы к ним не обратилась. И уж точно лично мне от них ничего не нужно! – оборвала я Рина. – Однако взыскать долг необходимо. Мне пояснили, что иначе они сами примут меры его вернуть. Поэтому я выбрала именно этот способ компенсации.

– Просто остальные же не будут... – парню было неловко и стыдно.

– Потому что у остальных есть все нужное. А тебя темные лишили даже самого необходимого! Мэтра я уже предупредила, поэтому он проследит, чтобы ты ни в чем себе не отказывал! Теплые вещи на зиму, на весеннюю практику, побольше запасных штанов и рубашек возьми. Там легко не будет, запас придется очень кстати! Про запасные сапоги тоже не забудь и туфли на лето. Куртку на весну. И зимний плащ тоже! Анриш... э-э-э... мэтр ди-ре Сол предупредил, что

самые сильные морозы еще нагрянут, а пока так, холодно, но терпимо...

Рин передернул плечами. На дворе первая неделя декабря, уже ровным слоем землю Ирмунда укрыл хрустевший под ногами снег, усилились холодные ветра, а он ходил в штопанной-перештопанной легкой куцей курточке, из которой давно вырос. Новость о грядущих морозах заставила его решиться:

– Я вам все верну, лея Эмария... когда смогу заработать.

– Нет! – категорично отрезала я. – Повторяю, это компенсация темных. Не только мне, но и тебе! Ты мне ничего не должен. А вот те деятели точно запомнят, для чего в академию поступали. Чтобы защищать свой народ и землю, а не нападать по углам на беспомощных! – злобно ощерилась я с многообещающей кривой ухмылкой.

Я легко прощаю, и Анриш тех парней уже сурово наказал. Более того, судя по изменившемуся поведению, они тоже все осознали. Но страх, что они породили во мне в той мрачной нише, все еще свербел где-то глубоко внутри. Поэтому мне хотелось выковырять его хотя бы таким способом: банально отомстив. Заодно и помочь себе и своим светлым выиграть конкурс талантов, вопреки всем темным убеждениям. И заодно одеть сироту, которого в буквальном смысле раздели их сородичи. Может, тогда я отпущу те темные воспоминания?

Мы смотрели друг другу в глаза: восемнадцатилетний парнишка, только вступивший во взрослую жизнь, но уже познавший много трудностей и бед; и я, осиротевшая, дважды умиравшая, ныне двадцатидвухлетняя аристократка. Вроде разница в возрасте никакая, а чувствовала себя его тетушкой. Наверное, меня душа толкнула, я обняла парня, крепко, по-братски, и глухо выдохнула:

– Судьба слишком много тебе задолжала, Рин. Так, может, это первый платеж по счетам?

Рин ничего не ответил, я ощутила, как он мелко задрожал и с не меньшей силой сжал меня. С минуту мы так и простояли, прижимая друг друга, молча делясь силой и разделяя горести и проблемы. Я ободряюще гладила Рина по спине. Наконец его руки разжались, я отстранилась и заглянула ему в глаза. Голубые, чистые, необыкновенно красивые, опущенные густыми темными ресницами и слишком блестящие от подступивших, но огромным усилием

сдерживаемых слез. Черты лица у Рина тоже необычные для рисса, слишком классические и благородные. Эх, вот как пить дать, не проста история его рождения. И вероятнее всего, если не трагичная, то драматичная.

– Спасибо, – сипло выдал он.

– Не за что, ты же друг! – улыбнулась я и, кивнув, скрылась за дверью.

Собственная комната показалась пустой и чужой. Я сходила в душ и тщательно вымылась, благо вода теперь текла не только холодная, можно хоть час стоять под упругими горячими струями, смывая напряжение дня и усталость. А всего-то пару раз стоило прийти к Анришу с ледяной кожей и в мурашках после холодного душа. И сразу же на тринадцатый этаж стала поступать горячая вода и в комнатах стало тепло. Я все никак не могла успокоиться и сосредоточиться. Разобрала вещи, сложила в сумку на завтра книги и тетради, и решила переместиться в апартаменты жениха.

Сегодня Анриш во дворце, на большом приеме у повелителя, и вернется, скорее всего, лишь под утро. Но за два месяца после нашей помолвки редко когда порталное кольцо не согревало мой палец, прося присоединиться к подарившему этот артефакт мужчине в его покоях. И я привыкла, не только телом, но душой и разумом привыкла проводить вечера и ночи в другом месте. Поэтому и сегодня надела домашнее теплое платье из изумрудного бархата с золотой вышивкой, которое в Ришене стараниями портнихи переделала из выходного на свой лад. Зато теперь оно без бесполезного в холода декольте и с удобным запахом, с застежкой и завязками. И нажала камень в перстне.

В покоях Анриша я зажгла светлячки и лампы по углам гостиной и в спальне. И устроилась за столом у стены писать реферат по теории магического права. За окном давно царила ночь, завывала и стучала снегом декабрьская метель. Я выполнила все задания, даже те, которые можно было отложить на пару дней. Успела поужинать, мне разрешено делать заказы без Анриша из его покоев. Потом, забравшись с ногами в его любимое кресло в углу у окна, уже клевала носом над очередной главой.

Неожиданно в трех шагах от меня, обдав лютым морозом, который словно сотней кусачих муравьев впился в мою кожу,

пространство разрезала черная молния. В следующее мгновение словно из пустоты вышел мужчина. Я не успела увидеть его лицо, но не Анриш. Потому что у этого незнакомца белоснежные, а не платиновые волосы. И скрюченное тело, а не прямая осанка...

Я растерянно и слегка заторможенно наблюдала, как ссутуленная и напряженная мужская фигура покачнулась с мучительным хрипом. Я уже открыла рот, чтобы обозначить свое присутствие для неожиданного гостя, но тот еще более неожиданно рванул к двери. Отложив книгу, я бесшумно встала и замерла у окна, не решаясь подать голос, и дальше изумленно наблюдала, как беловолосый мужчина блокировал дверь настоящей магией смерти. Намертво! Затем пустил серые смертельные щупальца по всем стенам... наверное, чтобы закрыть доступ любому в эти покои.

Я испуганно выдохнула, когда чужая магия пронеслась мимо меня, запечатывая окна, опутывая серой паутиной стены. Еще утром я ощущала ее почти родной и спокойной, сейчас же запах походил на тот короткий момент, когда человек попадает в око урагана. Вроде полный штиль, только ты каждой клеточкой ощущаешь неизбежно наступающее дичайшее напряжение и понимаешь: секунда-другая – и тебя снесет, закрутит, как песчинку, сломает, перемелет и окончательно поглотит. Сотрет с лица земли!

И вдруг до меня дошло, кто этот столь неожиданно появившийся мужчина, я, кажется, вовсе потеряла голос. Только и смогла потрясенно-вопросительно пискнуть:

– Анриш?

Гордый, абсолютно уверенный в себе мужчина, безусловно одетый для королевского приема, был на себя не похож. Волосы побелели до снежного блеска, глаза походили на бельма, тепло-золотистого оттенка кожа посерела и покрылась темными разводами, выпуклыми и пульсирующими... словно все вены вздулись. От великолепной царственной осанки не осталось и следа, неведомая сила буквально складывала его пополам, явно вызывая дикую боль.

Заметив меня, пришелец распахнул глаза. Даже эти жуткие бельма не могли скрыть ужаса, когда он понял, что я нахожусь с ним в одной комнате. Судорога скривила его лицо, когда он начал стягивать магию со стены рядом со мной. В голосе заскрежетала ржавым металлом самая натуральная паника:

– Маша, беги! Активируй портал и беги отсюда!

Меня и самую начала накрывает паника, только от непонимания, что случилось с Анришем. Еще не дослушав, я невольно замотала головой, отказываясь выполнить приказ:

– Я не уйду! Что происходит?

Показалось, словно мой голос только усилил его страдания. Покачнувшись, он успел ухватиться за край стола и заорал на меня:

– Уходи! Пошла прочь, я сказал. Я проклят!

– А ты...

– Беги! – прорычал Анриш, прилагая титанические усилия и накручивая на кисть плохо подчиняющуюся магию смерти. Которую только что сам щедро разливал по комнате, блокируя себя здесь. От всех. И, похоже, от меня особенно!

Вены на его коже вздулись и почернели, лицо с бельмами выглядело настолько жутко, что обычному человеку инфаркт получить можно запросто. Но это был все тот же Анриш. Мужчина, которого я люблю...

– Нет, я могу помочь. Вылечить! Просто, скажи как... – всхлипнула я и неуверенно шагнула к нему.

– Черную жажду невозможно вылечить, только удовлетворить, – проскрежетал Анриш, создав просвет в своей магической паутине. – Быстро! Открывай портал и уходи! Иначе я убью тебя. Выпью магически до суха, пока буду брать твое тело... Без нежности! И без жалости!

Я не сдвинулась с места, он открыл портал рядом со мной и опять рявкнул:

– Уходи!

– А ты? – я нерешительно замерла у просвета, в котором виднелась моя комната.

– Забудь обо мне, я уже мертвец. От черной жажды можно избавиться, только насытив. Но ее чувственный голод подпитывает весь мой резерв...

Голос Анриша, осознавшего свое обреченное положение, словно простуженный, скрипящий, меня основательно встряхнул. Резерв сильнейшего мага смерти Ирмунда. Значит, противовес для насыщения чужого проклятья должен быть не меньше. Из рваных пояснений суть проблемы я поняла: чтобы насытить это проклятье Анришу требуется

секс и магия. Но он связан клятвой верности... Что, уверена на сто процентов, спасло сегодня множество жизней неповинных женщин-магов. При размере его резерва понадобилось бы полгорода! А вот моей единственной жизнью Анриш почему-то рисковать не готов... Страх и сомнения ушли.

– Я остаюсь! – пусть мой голос дрогнул, но я стояла на своем.

– Если останешься, умрешь вместе со мной! – рыкнул Анриш в бессильной ярости, все еще удерживая спасительный портал открытым для меня.

– Я люблю тебя, – с горечью и злостью на обстоятельства призналась я.

И других пояснений ему не нужно. Маги жизни любят до смерти. Впрочем, как выяснилось сегодня, и маги смерти тоже!

Портал схлопнулся вместе со вспыхнувшей мыслью об обреченности. Не время и не место для пессимизма. Умереть от удовольствия не самая плохая смерть. Мгновение и неуловимое движение – и вот уже почерневший Анриш рядом со мной, заглядывал мне в глаза своими жуткими бельмами, искал во мне сомнения и отвращение.

– Если выживем, ты не пожалеешь! Обещаю! – проскрежетал он с каким-то безумным восторгом победителя.

Я же лишь улыбнулась, пусть с горчинкой, но открыто. Одновременно с этим судорожно срывала все внутренние блоки и магически разжигала в себе яростное ответное желание. Ведь любимый честно предупредил: «Без жалости и без нежности».

Анриш жадно вдохнул, были бы видны зрачки, уверена, они сейчас бы расширились от желания. Сейчас же он оказался способен лишь на одно: мое платье и его парадно-выходной наряд осыпались тленом к нашим ногам. В следующую секунду я, обнаженная, рухнула спиной на кровать и меня накрыла тяжесть Анриша. Благодаря собственной предусмотрительности его первое вторжение я встретила стоном удовольствия, а не боли, ответной ненасытной жаждой. Выгнулась в его сильных руках, оплела ногами его бедра, поощряя к действиям. И лишь подстегнула свою страсть, услышав его буквально звериный рык удовольствия. И выдыхая свой его именем:

– Анри-иш...

Все разумные мысли, страхи и любые моральные и физические ограничения ушли. Нас обоих поглотила черная жажда, для которой главное – заполнить магией и удовольствием кошмарную ненасытную бездну. И мы старались, безумно старались... Вдвоем!

Глава 16

От мутного тяжелого сна меня пробудил робкий солнечный лучик, который заглянул в окно и согрел мои веки. Сперва хотела отвернуться или накрыться одеялом, но окончательно разбудила страшная мысль: «Уже рассвет... значит, я проспала занятия!»

Распахнув глаза, я резко села, озираясь. Действительно позднее утро, вот-вот начнется первая лекция, а я еще в постели! Но вспыхнувшую панику захлестнули воспоминания о том, что случилось накануне и смыли ледяной волной страха. Ведь рядом неподвижно лежал Анриш, беспомощно раскинув руки и ноги, выбившиеся из-под одеяла. Бледнее, чем обычно, с темными кругами под глазами, с заострившимися чертами лица и не шелохнувшись. Кажется, даже грудная клетка не шевелилась...

Мое сердце, совершив кульбит, заколотилось с утроенной скоростью, пока я тянулась к своему мужчине проверить: живой ли он вообще? Фу-х... его теплая рука и упругий спокойный пульс вырвал у меня рваный выдох и шквал облегчения. Едва касаясь, я обрисовала лицо любимого подушечками пальцев. Просто наслаждаясь тем, что ощущала его теплую гладкую кожу. Тем, что жив... что мы оба живы. И у нас впереди целая совместная жизнь. Уф-ф... как же это хорошо!

Стоило страху отступить, опять нахлынули воспоминания о минувшей ночи, яркие, страстные на грани боли, потому что мы с магом смерти боролись за жизнь. Настолько острые воспоминания, что меня от макушки до пят прошила судорога и оставила уже знакомое тянущее ощущение внизу живота. Если бы не магия жизни, не способность к быстрой регенерации и управлению желаниями собственного тела, я бы не пережила эту ночь. Ни магически, ни физически. Я вновь бросила участливый взгляд на темные круги под глазами спящего и полностью вымотанного и истощенного Анриша. Не выжил бы ни он, ни я!

– Бедный ты мой... – выдохнула я едва слышно, склонилась и коснулась его губ осторожным поцелуем.

А потом, кряхтя как старушка, с трудом встала и поплелась в ванную. Болело все, даже самые мелкие суставы и в самых

неожиданных местах. Смертельный сексуальный марафон иссушил мой магический резерв и даже в жизненные силы запустил свою голодную проклятую лапу.

Вода помогла, силы возвращались, хоть медленно и неохотно. Стоя у зеркала, я уныло созерцала бледное привидение с черными кругами под потерявшими былую искристую яркость зелеными глазами. Густые каштановые мокрые пряди тоже нерадостно свисали по моим плечам и спине, оставляя влажные дорожки на огромном черном бархатном халате Анриша, который я надела вместо обращенного в пепел своего. Магии во мне нет и волосы с ее помощью не высушить, придется ждать, пока сами высохнут. Я впервые осознала, насколько привыкла к магии, насколько она дорога мне и стала моей неотъемлемой частью, необходимой.

Мысли сквозь вязкую вату в голове ворочались с трудом. Придерживаясь за любую поверхность, я поплелась в гостиную. По пути пришлось прибрать к ногам и тапочки Анриша, а то пол местами стал слишком пыльный почему-то. Первым делом собралась заказать обильный и вкусный завтрак, чтобы восстановить силы и убрать эту вату из головы, да и голодный обморок мне ни к чему.

В гостиной я ошеломленно замерла: все вокруг покрывала серая пыль. В этой еще вчера уютной и хорошо обставленной комнате целой осталась только деревянная мебель и кое-что из вещей покрепче, чем портьеры у любимившегося мне кресла у окна, гобелены, картины, диванные подушки, даже большая часть книг и другая мелочевка. От множества предметов вполне герцогского интерьера, дорогого и аристократичного, остались барханчики пепла на полу, которые игриво гонял сквозняк.

Я растерянно оглянулась в спальню и убедилась, что и там некоторые изменения прошли мимо моего измученного «наслаждениями» сознания. И солнечный луч не просто так разбудил меня зимним утром, а потому что штор на окнах больше не было. Целой осталась кровать, шкаф и несколько предметов. Видимо, Анриш специально зачаровал их, чтобы не пострадали в случае неконтролируемого выплеска его жуткой магии.

А вот я в урагане его магии выжила...

Я вновь засмотрелась на спящего, вымотанного, не менее чем сама, мужчину, осознав свои перспективы в качестве его жены, пары

мага смерти. Только в груди больше не было пугающей пустоты одиночества, внутри защемило от нежности, да ласковым пламенем грела любовь к нему. Теперь в моем сердце тлел лишь один страх – потерять его.

Я улыбнулась, ощутив легкость и цельность в душе, в бездну все прежде мучившие сомнения. Послала их туда легкой рукой и следом буквально ощутила эхо упавшей в бескрайний бочонок моего пустовавшего резерва первой капельки магии жизни. Да-да, любовь способна творить чудеса, например, чуточку ускорить восстановление жизненных сил. Осталось плотно поесть и жизнь снова войдет в налаженную колею. Доковыляв до стола, я все-таки немного расстроилась: писчие принадлежности тоже превратились в пыль. Даже заказ не на чем и нечем написать. Эх, а счастье было так близко...

Вдобавок к этой досадной неприятности кто-то загромыхал в дверь, требовательно и решительно, грозя ее вынести совсем. Мало деревянной бедняжке магии смерти, по ней кто-то словно дубиной колотил. Еще Анриша мне разбудят. Тогда я этих незваных, но настойчивых гостей сама прокляну, невзирая на откат, все равно во мне магии сейчас нет!

Я поспешно распахнула дверь – и замерла, изумленно разглядывая занятную компанию. В довольно просторном коридоре преподавательского крыла общежития у апартаментов Анриша оказалось удивительно людно. Напротив меня, правда, метрах в двух, застыла женщина в элегантном синем платье и меховом манто небрежно, а может и поспешно накинутом на плечи. Черноволосая, белокожая, с яркими синими глазами и тонкими изящными чертами лица, женщина выглядела лет на тридцать пять, по земным меркам. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не смесь скорби и страха неизбежности потери, что портила эту холеную аристократичную идеальность.

Позади незнакомки таким суровым полукругом, перекрывая коридор, сиял зловещими синими переливами мощный магический щит, за которым замерло минимум пятеро мужчин в черной форме с золотыми нашивками на погонах и груди. Похоже, магконтроль Далеита. Причем, судя по яркому мерзкому привкусу на языке и запаху темных эманаций, передо мной очень сильные маги. Такие шутки не

шутят, такие приходят и убивают потерявших всякие берега преступников...

Почему-то, увидев меня, женщина вздрогнула, ее глаза широко распахнулись, а нижняя челюсть некрасиво отвисла, показалось – от неожиданности и изумления.

– Чем могу помочь? – напряженно пискнула я, с неменьшим изумлением разглядывая незваных зловещих гостей.

Вот что вялые мозги совершают! Они толкают на неправильные поступки, такие как без спроса открыть дверь в чужой комнате! Или не чужой?..

– Мы ищем Анриша, – напряженно просипела незнакомка с какой-то безуминкой, вспыхнувшей в ее красивых сапфировых глазах.

– Он еще... э-э-э... отдыхает, – пролепетала, а внутри у меня все ревниво насторожилось, поэтому постаралась быть более убедительной, – спит.

Красивая женщина по утру явилась-не запылилась к моему почти-мужу, да еще с законниками...

– Спит? – вырвалось у нее с каким-то недоверчиво-облегченным судорожным присвистом, прямо как у родственников чудом выжившего пациента.

– Темного утра, мама! – раздалось за моей спиной, а следом мне на плечи легли тяжелые ладони Анриша.

Законники в коридоре резко подобрались и напряженно уставились на мужчину за моей спиной.

– Ты жив, сынок?.. – всхлипнула... его мама.

Из нее словно стержень вынули, плечи расслабились, и вся она чуть не стекла на пол, наверное, лишь силой воли удержалась на ногах.

– Все хорошо, мы с Машей справились. И, как видишь, выжили... – в голосе Анриша я услышала искреннюю нежность.

Женщина качнулась вперед и, шагнув за порог, буквально стиснула нас обоих в объятиях, не по-женски крепких, с тяжелым ароматом сильной магии, и легким цветочным запахом духов. Потискав заодно с сыном и меня секунд десять, больше женщина себе слабости не позволила, отстранилась и быстро осмотрела нас с головы до пят. От ее изучающего, очень внимательного взгляда не скрылась ни одна деталь: ни огромный халат ее сына на мне, полудохлого вида невесте или свежеиспеченном привидении, ни здоровенные тапки с

золотыми вензелями на моих ногах, ни их хозяин босиком. Дальше мы с ней вместе посмотрели на измученного полуголого Анриша в явно впопыхах надетых домашних штанах.

Я нервно затеребила пояс на талии, чем опять привлекла внимание будущей свекрови. Посмотрев на родовой перстень, красовавшийся на моем пальце, она сказала:

– Я горжусь тобой, сын! И жду официального представления!

– Обязательно, как будет время и возможность, – в своей привычной сухой манере усмехнулся Анриш.

Оказывается, его снисходительная усмешка достается не только мне, но и матери. А вот остальным предназначалось лишь бесстрастное ледяное равнодушие, либо, что гораздо хуже, зловещий оскал будущего наказания.

– Маша, значит... – протянула будущая свекровь с нездоровым интересом.

И еще сильнее напрягла – с неожиданной мягкостью обвела мое лицо теплой ладонью. Словно запоминала каждую черту для будущего портрета разыскиваемой преступницы. Но, вдруг хорошо улыбнувшись, герцогиня ди-ре Сол расправила плечи, вернув себе апломб и уверенность, развернулась и покинула комнату. В коридоре она притормозила, пока ее сопровождающие убирали магический щит и ледяным, непререкаемым тоном приказала:

– Проблема исчерпана! Вы свободны!

Маги, вот сто пудов не были готовы к такой развязке. Тем не менее командир отряда, конечно же, прибывшего для ликвидации зараженных проклятьем магов смерти, очень, вот очень-очень уважительно поклонился и ответил ей, уже глядя в спину:

– Слушаюсь, эйта ди-ре Сол! – Затем, обернувшись к нам, с не меньшим пиететом отвесил поклон ее сыну: – Приношу извинения за беспокойство эйт ди-ре Сол. Можно идти или будут иные указания?

– Свободны! – холодно и равнодушно ответил маг смерти.

И уже хотел было закрыть дверь, но черный взгляд остановился на мне. Видимо, мои все еще влажные волосы натолкнули его на важные мысли:

– Нет, постойте! Уберите мои покои и зарядите артефакт очистки. И отправьте заказ в столовую, пусть нам принесут полноценный горячий обед на двоих. Срочно!

Я сглотнула, а то от нервов во рту пересохло, чем опять привлекла внимание Анриша:

– Голодная?

– Да, – тихо выдохнула я, неловко сводя полы халата на груди.

– Не волнуйся, родная, сейчас все исправим и тебе полегчает, – слегка нахмурив брови, мягко, сочувствующе пообещал Анриш и, приобняв меня за плечи, повел в спальню.

Вот честно, я неосознанно застопорилась. Спальня меня сейчас совсем не прельщала, а сверху с мягкой насмешкой прозвучало:

– Не бойся, Машенька, только чтобы ты отдохнула.

Машенька! Про это ласковое производное от моего имени я случайно проговорила. Лишь раз. Но Анриш его запомнил и сейчас использовал, уже зная, что таким образом обращаются только к самым родным и близким. К любимым! Я застыла, глядя ему в глаза:

– Машенька?

И шмыгнула носом, глаза аж запекло от подступивших слез. И плевать, что в комнате незнакомцы, и что они удивленно таращились на нас с Анришем.

– Моя Машенька! – едва заметная, но уже знакомая скупая улыбка буквально осветила лицо, а главное – глаза моего любимого мага смерти.

Анриш подхватил меня, измученную, обессиленную, ошарашенную знакомством с его царственной мамой, и под негромкий щелчок закрывшейся за ее свитой двери отнес в спальню. Надо же, маги группы зачистки сюда не заходили, но времени зря не тратили, им хватило минуты на выполнение приказа Анриша. Вокруг теперь все блестело, даже в воздухе витал запах луговой свежести. И артефакт очистки заправили под завязку.

В этот раз Анриш очень бережно, как ребенка, уложил меня на постель, а не как вчера, упав на кровать вместе со мной. Подложил под спину подушки, чтобы удобно было отдыхать полусидя. Опять же, как ребенку, подоткнул одеялко, а сам, будто здоровенный кот, вытянулся вдоль меня, оставшись в домашних штанах, что, казалось, держались не на бедрах, а на честном слове.

Ди-ре Сол даже в нынешнем состоянии производил неизгладимое впечатление: крупный, сильный, абсолютно уверенный в себе мужчина, хоть и оставшийся без капли магии. Память-предательница

опять подбросила несколько ярких воспоминаний о том, что он вытворял с моим телом этой ночью. И мое нутро, вопреки воле, загорелось. Неужели так теперь будет всегда? Или только когда он, как сейчас, возьмет мою руку, освободит из широкого рукава своего необъятного халата и, глядя мне в глаза, начнет целовать каждый палец... мои тоненькие пальчики, на одном из которых красовался слишком большой перстень. Родовой брачный артефакт рода ди-ре Сол. Еще и выглядела моя ладошка в его типично мужской руке слишком хрупкой, уязвимой.

– Когда ты решил, что я стану твоей женой? – вырвалось у меня. – Сразу как узнал, что я маг жизни?

– Нет, – спокойно ответил Анриш, при этом не отрывая взгляда от меня, продолжал ласкать мое лицо. Обводил его подушечками пальцев с таким взглядом и интересом, как был у его матери. словно запоминал каждую черточку.

– А когда? В какой момент ты решил, что я должна стать твоей?

Я отстранилась от его ласки и села повыше, надоело лежать. И пребывать в неизвестности тоже!

– О том, что ты должна стать моей, я подумал на первом же занятии, когда заметил, что нравлюсь тебе. Только дурак отказался бы завести постельную интрижку со светлой, которая на тебя так ярко реагирует. О тебе, как о своей возможной жене, подумал, когда выяснил о совместимом уровне нашей магии. А вот окончательно решил, лишив тебя невинности. Ты подошла мне идеально. Во всем, – спокойно пояснил Анриш.

А вот я, хмуро сощурившись, сверлила его злобным взглядом. Да, он прямой, бесчувственный темный, без капли романтики в душе, о чем я знала, но не хотела верить, и поэтому злилась. Напомнила об одном несоответствии:

– Но ты же с первых дней нас защищал... меня.

– Свое лучше сразу за столбить, не люблю делиться с другими, – пожал плечами Анриш и с усталым вздохом улегся на соседнюю подушку.

Устал... редиска темная! А я еще думала, бедненький мой, а он... столбил оказывается, а не защищал по велению души! Продолжить разговор я не успела, в дверь постучали. Вскоре мы сидели за обильно накрытым столом и уплетали горячую живительную пищу. Ум-м!

Наевшись до отвала, попивая горячий морс, я вновь сверлила Анриша изучающим взглядом и думала о множестве всего, чего не знала о нем. И о семье, в частности. Поэтому решила продолжить начатый в спальне разговор, раз уж он пошел на откровенность:

– Почему проверять жив ли ты, пришла твоя мама, а не отец?

– Он погиб тридцать лет назад. Вместе с супругой предыдущего повелителя Ирмунда. Нам с Ромусом тогда было меньше десяти лет. Повелитель решил показать обоим наследникам Ирмунд. Так мы оказались на границе с Байратом, в приграничном городке Дольче. Только моей мамы с нами не было, она носила под сердцем второго ребенка и отец запретил ей ехать с нами. Там густые, изобилующие дичью леса, а повелитель любил поохотиться. В общем, тогда, несмотря на всю нашу магию и силу, жену повелителя и моего отца убили. Исподтишка. Заманили в ловушку и напшиговали арбалетными болтами... Мы были рядом, но повелитель успел вывести нас из-под удара. Закрыл собой и был ранен. Мы с Ромусом выжили чудом. Потом отец Ромуса заплатил Белой Эйте своей жизнью за наказание тех, кто погубил его любимую и брата. Все равно без жены был не жилец. Так мы и узнали, что нападение организовал дед нынешнего короля Байрата. Тот выродок умирал в страшных муках, никто не мог его спасти. Маги жизни ценой своих жизней продлили его жизнь. Ненадолго. С того момента и началась настоящая война, а не редкие стычки. Короли Байрата выслеживают таких как ты, магов жизни, и держат при себе. Чтобы в случае чего выторговать себе у Смерти жизнь, защититься от нее.

Очередной глоток морса встал у меня поперек горла. Теперь понятно, почему в Байрате лишь одна академия магии. Для выявления магов жизни. И почему Злата фин Рыбка прятала глаза под иллюзией и не гналась за золотом, что платили на королевской службе. И мне не советовала. И кстати, его мама ждала ребенка, поэтому я спросила:

– У тебя брат или сестра?

– Нет. Смерть отца настолько потрясла мать, что она преждевременно разрешилась от бремени. Ребенок не выжил.

– О... – горько вздохнула я. И печально покачала головой, догадавшись: – И замуж она больше не выходила?!..

Анриш поймал мой взгляд в плен своих удивительных черных глаз. Они стали еще более ледяными, чем обычно. Как и голос с

предупреждающими интонациями:

– Нет. Такая уж темная любовь – один раз и до смерти. Мои родители любили друг друга с детства. Мама не примет никого другого.

– Она тоже маг смерти?

– Нет.

Я смотрела на Анриша с душевной болью, испытывая сильнейшее сочувствие и к нему, и к его матери, которую, по сути, обрекли на пожизненное одиночество. Лишили всего! Зато понятно, почему она стояла перед магическим щитом, а не за ним. Она не боялась умереть, в мире живых ее удерживал лишь сын.

– У вас очень много по-настоящему сильных магов, но именно магов смерти единицы. Почему? – продолжила я тяжелый, но нужный и важный разговор, раз мне теперь здесь жить.

– В древности только правители этих земель были магами смерти. Говорят, они первыми заключили договор с Белой Эйтой на право повелевать другими. Их уникальная магия стала отличительной магической чертой. Опытав знаменитый знак правителей, грубо говоря, – охотно пояснил Анриш, все-таки он преподаватель по призванию. – Однако впоследствии от одной родовой линии отделилось несколько младших ветвей. Более слабых, но тем не менее и в них изредка рождаются маги смерти.

– Ты хочешь сказать, что Ринх и Томаш...

– Да, как и еще трое наших студентов с белой кафедры имеют общие с повелителем корни. Это очень дальние корни. Только две главные линии, ди-ре Сола и ди-ре Солары, со временем усиливают родовую магию. У остальных она с каждым новым поколением ослабевает. И маги смерти рождаются все реже.

– Это плохо? – осторожно уточнила я.

Анриш с легкой горечью усмехнулся:

– Для них – хорошо. Магия смерти очень коварна и сложна в управлении. Она скорее лишает, чем одаривает носителя преимуществами и благами. Гораздо проще быть просто сильным темным. Укротил магию – и живи спокойно, пользуйся. А смерть нельзя укротить, нельзя принудить. Ей можно только служить и временно сдерживать.

На миг затаив дыхание, я выдохнула:

– Значит, слухи не врут? Ты правда сорвался и убил тех аристократов? Поэтому тебя сослали в академию?

– Нет, – неожиданно зловеще ощерился Анриш, – этот слух запустил лично я, чтобы прикрыть правду.

Я ошеломленно вытаращилась на Анриша:

– В каком смысле – ты?

– В прямом, – в привычной сухой манере продолжил он. – Прешлой весной на Ромуса покушались, второй раз, спустя тридцать лет. И это были не светлые, а кто-то из темных хотел изменить наши устои и отправить верховных жрецов Белой Эйты в забвение. Нас всего двое и оба не женаты, и без наследников. Идеальный момент для смены власти.

– Покушение? – выдохнула я растерянно и попросила: – Расскажешь, причем тут ты?

– На большом собрании глав родов Ирмунда сразу трое из них запустили в Ромуса смертельные заклятья. Я отразил их, вернув хозяевам с утроенной силой. В результате они прямо на глазах собравшихся сгорели, превратились в пепел. Это очень походило на мою личную магию смерти. После меня всегда остается лишь пепел...

– И ты...

– Мы с Ромусом этим воспользовались. Пустили слух, что нестабильный второй наследник трона сорвался. Поэтому его сослали в академию.

– Как можно сослать в академию? Здесь же толпа детей? Да я бы убила, если бы узнала, что в академию, где учатся мои дети, прислали неадекватного высокородного убийцу! – возмутилась я.

Неожиданно Анриш не разозлился, а улыбнулся, улыбнулся с нежностью и поощрительно:

– Ты меня все больше радуешь, Машенька!

– А ты меня все сильнее расстраиваешь, – буркнула я и отставила от себя бокал подальше, а то еще запущу в некоторых ненароком.

Хохотнув, Анриш пояснил:

– Я же говорил, наши академии – это резервации для диких безмозглых магов в стадии укрощения. Тут в каждой стене, на полигонах, в аудиториях встроены специальные артефакты. Они контролируют степень магических выбросов и при критических возмущениях начинают их глушить.

– Ты на полигоне магию смерти выпустил, когда нас чуть не убили пару месяцев назад. И ее не заглушило! – парировала я.

– Я второй после повелителя, по сути, хозяин академии. Был бы спонтанный выброс, артефакты заглушили бы, а контролируемую магию мне запретить никто не в состоянии. А остальные... Ну не убили же? А ведь могли. И не раз... – насмешливо и весьма многозначительно заметил Анриш.

– Мы успешно защищались! – возмущенно зашипела я.

Анриш устало вздохнул, темные круги у него под глазами только-только начали светлеть. Ему бы еще полежать, а мы тут разговоры ведем.

– Маша, война ослабляет не только Байрат, но и Ирмунд. Это пора заканчивать. Иначе нас соседи начнут потихонечку жрать. Ромус дал Террасу ди Лану четкий приказ: вы должны дожить до получения диплома и вернуться домой.

– Дожить должны, а вот как именно, ректора уже не волнует, верно? – хрипло и с обидой уточнила я.

– Я присматривал за вашим выживанием, – напомнил Анриш. – И в этом мне помогал защитный контур академии, глушил все смертельные заклятия. А Террас вразумлял преподавателей.

– То есть, ты здесь поэтому? – хмуро вернула я тему разговора к прежней.

– Нет. Вы лишь маленькое хлопотное дополнение к основной задаче, – огорошил меня Анриш.

– Какой? – глухо спросила я, не надеясь на ответ.

– Отвлекаю внимание, создаю видимость разобщенности в семье повелителя. А попутно ищу предателей, – удивил откровенностью Анриш.

– Среди магов смерти? Думаешь, кого-то из них прочат на ваши места с повелителем?

Анриш снисходительно дернул уголками рта и продолжил:

– За всю историю существования Ирмунда ни один маг смерти не предавал свой род. Потому что знаем, Белая Эйта не прощает тех, кто забирает ее жрецов. У нас одна покровительница. Только поэтому я доверил твою охрану именно Томашу и Ринху. Они не предадут. И не заберут ту, которую я назвал своей.

– Тогда кто? – мрачно настаивала я.

– Скоро узнаешь. Как и весь Ирмунд, – усмешка Анриша напоминала жуткий оскал палача.

Я передернула плечами и не столько спросила, сколько посетовала:

– Вчера было новое покушение?

– Да, – поморщился Анриш. – Очередное большое собрание, только с представителями торговых гильдий. В общем, толпа незнакомых лиц. Я лишь краем глаза уловил черную вспышку и летящее в Ромуса проклятье. Среагировал инстинктивно, закрыл его собой... После выяснилось, что это черная жажда. У меня было очень мало времени, чтобы придумать план спасения... но его не было.

– Да, ведь на тебе клятва верности, – кивнула я мрачно. А потом осознала и другой важный момент «плана»: – Если академия напичкана защитными артефактами, значит, проклятье не смогло бы перекинуться на кого-то другого после твоей смерти и распространиться. Ведь ты своей магией для надежности и стены с окнами заблокировал...

– Я пришел сюда умирать. В одиночестве! И постарался, чтобы никто случайно или специально не попал в мою комнату. И не заразился этой мерзостью, выкосив всех магов поголовно. Тот, кто запустил то проклятье в Ромуса, явно не думал об окружающих. Ему было плевать на гибель всех магов Далеята. Ведь Ромус не давал клятву верности и высушил бы всех женщин, кого смог найти... Дальше началась бы смута...

– Может, ваши ни причем? Может, это соседи Ирмунда воду мутят? – испуганно выдохнула я.

– К сожалению, наши тоже при делах. Жажда власти посильнее черной жажды будет, – скривился Анриш, потом мягко добавил лично для меня: – Не переживай, мы скоро вычистим это змеиное гнездо.

– Кто ты, Анриш? – хрипло спросила я.

– Глава Тайной канцелярии. Я же говорил, что второй после повелителя.

Угу, как я и думала, второй после повелителя никак не может быть простым деканом даже белой кафедры или проректором. Это мелко и не по статусу. Как и невеста-баронесса...

– Как ты себя чувствуешь, Машенька? – неожиданно участливо спросил мой жених.

Я настолько погрязла в унынии и сомнениях, что ответила с рассеянной откровенностью:

– Неплохо. Жизненные силы восстановила, даже в резерв немножко накапало магии. Уже не болит все тело, будто меня переехали...

– Моя нежная, но такая сильная женушка, – услышала я над ухом с веселой нежностью, а следом меня подхватили на руки и унесли в кровать. – Тебе необходимо отдохнуть, нужно восстановить резерв.

– Я не хочу пока заниматься этим, – всполошилась я.

Анриш рассмеялся, потерся о мой висок носом и шепнул хрипло:

– Поверь, пока, – это слово он особенно выделил, – я тоже не хочу заниматься этим.

И последнее слово он тоже особенно выделил. Укрыл одеялом нас обоих, прижал меня к себе крепко-крепко, а потом начал мягко, осторожно, гладить меня по затылку, убаюкивая.

– Правда, что Ромус – бабник невиданный? – пригрелась я на груди любимого.

– Правда. Как и любой темный, – согласился Анриш, расстроив меня, но добавил сладкой пилюльки, – пока не полюбит.

– Во дворце есть светлые маги? – тихонечко спросила я о том, с чем предстоит жить.

– Есть несколько. Жены двух начальников отделов из моей канцелярии. Они, еще будучи молодыми боевыми магами, служили на границе с Байратом и удачно обзавелись светлыми магичками.

– Украли то есть?

– Бывает... – почувствовала теплый насмешливый выдох макушкой. – Потом они женились. Насколько я слышал, счастливые семьи, магически сильных наследников родили.

– А среди аристократов? – моему унынию не было пределов.

Всего две светлые магички. Такая толпа подруг ждет, что замучаемся в гости ходить.

– Трех знаю, но из мелких. Они нечасто при дворе бывают. Также из приграничья.

– Смотрю, у вас прямо засилье светлых, – ехидно буркнула я.

– А в Байрате много темных при дворе? – уел меня Анриш.

– Ни одного не знаю, – пристыженно призналась я.

Хотя и при дворе-то ни разу не была. Но и в Ройзмуне ни одного темного не видела до недавних событий.

– Ты будущая герцогиня ди-ре Сол. Чего ты боишься? Это темные будут искать твоего общения, а не ты их! – попытался успокоить мои страхи Анриш.

Вспомнились Вика и Женька, наши веселые посиделки, музыкальные выступления и приключения. Потом вспомнила рису Лишану, поместье Ришен и его обитателей. Все это вызывало тепло в душе и тоску, ведь больше никогда в моей жизни не повторится.

Теперь у меня есть только Анриш, который ни разу не обмолвился о своих чувствах. Я прижалась щекой к его обнаженной теплой груди и обняла руками торс. Ничего-ничего, Машенька, любовь случается либо внезапно, либо долго идет трудными тропами на неслышных мягких лапах, ее надо просто подождать. А я умею ждать! И словно рефреном моим мыслям раздалось тихое ласковое обещание:

– Не бойся, милая, все будет хорошо, я обещаю!

Глава 17

Сцена огромного Центральный зала торжеств Далеитской магической академии порадовала своими размерами. Ведь мы, байратцы, в отличие от местных, будем выступать в полном составе. Авансцена на несколько метров углублялась в зрительский зал, который накануне праздника, Дня Белого солнцестояния, из-за конкурса талантов освободили от стульев. Сидячие места остались только на боковых помостах, прилегающих к сцене. Исключительно для преподавателей.

Нам было велено присутствовать на конкурсе-концерте от начала до конца, так сказать, перенимать опыт, восхищаться талантами темных, учиться у лучших из лучших. Поэтому мы тремя шеренгами стояли у сцены, ближе к правому помосту, куда лишь спустя несколько часов наших страданий соизволил явиться главный мучитель светлых, Террас ди Лан.

Ректор явился в компании зама ди-ре Сола и незнакомого, но явно важного темного вельможи. VIP-ы заняли первый ряд. Меня напрягли серебристые волосы незнакомца, черные глаза и та пугливая суетливость, с которой следом за ними подобострастно двигались остальные преподаватели, занимая места за первым рядом. Печенкой почуяла: все это не к добру! Как и мрачный взгляд Анриша, которым он быстро нашел меня у сцены и внимательно осмотрел. Хвала Высшим, после этого чуть расслабился.

Может слишком сгустившаяся энергия тьмы, захватившая весь зал, или ее уплотнившийся запах, терзавший не только мой чувствительный, излишне светлый нос, но и каждое нервное окончание. Или цвет волос и глаз незнакомца встревожили... Но в ответ Анришу я лишь улыбнулась, не решившись послать эмоциональную волну радости, что увидела его. Он и так знал, чувствовал, что я абсолютно его.

На сцене под звуки там-тамов выгибалась и откровенно ласкала себя высокая темная красотка. Ее выступление, если беспристрастно судить, было бы зажигательным и увлекательным, если бы не одно «но». Это был уже, наверное, пятидесятый, утомительный стриптиз за

день. И чем дальше, тем девицам приходилось быть все более откровенными и раздетыми, чтобы заслужить аплодисменты, а значит – выполнить минимальный «норматив» для получения оценки «зачтено» в конкурсе талантов.

Даже неизбалованным женскими обнаженными прелестями парням из Байрата наскучили эти полуголые пляски с бубнами. Отчасти понятно, почему смотр талантов нашей группы оставили напоследок. В надежде, что мы либо от скуки помрем, либо свалимся от усталости, простояв несколько часов кряду. Однако как маги мудрые и подготовленные к трудностям, не зря же прошли курс молодого бойца в темной учебке, мы взяли с собой корзины с едой и морсом. И периодически внаглую усаживались прямо на пол, нам не привыкать, а хозяевам – ну что со светлых взять.

Темная прелестница, старательно изображавшая одалиску, на последнем дыхании пыталась привлечь внимание зрителей, причем особенно старалась для ректорского сектора. А наша светлая группа под шумок хрумкала солеными огурцами и подкреплялась бутербродами. Кто бы нам раньше сказал, что таланты требуют так много сил и нервов?

К вечеру народу в зале прибавилось. Похоже, всем хотелось стать свидетелями позора светлых. Я завертела головой в поиске своих должников. Ага, явились голубчики, мрачные, злые, но вежливые. Заметив мое внимание, Денрик с подельниками натянуто улыбнулись и приветственно кивнули.

– Смотри-ка, вам улыбаются, а всему третьему курсу сегодня житья не давали, – тихо, с веселой усмешкой поделился Мирош, один из наших третьекурсников.

– С чего это вдруг? – заинтересовался Дитмар с пятого курса.

– Трясли должников! – ехидно хохотнул Мирош. – Эти трое всем поставили условие: прощение долгов за аплодисменты светлым. Только «искренне и с душой», не халявить.

Алесан хмыкнул:

– Хитрецы, решили разбавить свой позор на большее число студентов, чтоб не нести его бремя втроем.

Все тридцать светлых приглушенно захихикали.

– Да уж, Денрик с подельниками никогда не забудут своего наказания, – ехидно прошептал Лорес. – Со всех сторон финансовые

потери.

Я спрятала в капюшоне лицо, покрасневшее от с трудом сдерживаемого смеха, вспомнив в красочных подробностях тот момент, когда месяц назад из окна покоев Анриша наблюдала возвращение из Далеята в академию команды светлых в сопровождении Денрика и его друзей. Эпическое возвращение!

Проводить лично группу своих светлых за покупками я не смогла, в оговоренные три часа дня мы с Анришем еще спали как убитые, отходя от иссушения проклятьем. Зато вечером оба заинтересованно наблюдали, как в центральные ворота академии с лениво-сыто-пресыщенным видом заходили мои светлячки. Следом за ними пара крупных лошадей тянула под завязку нагруженную телегу, а за ней уныло, не зная куда глаза деть и наверняка сжимая кулаки в карманах, брели Денрик со товарищи.

Впереди этой процессии шел натуральный щеголь в меховом полушубке и шапке, в сапогах и штанах с иголки. Я с минуту тарасилась на него, пока в изумленном восторге не узнала в нем Рина Шмуна. Он чуть не жмурился от удовольствия, пряча нос от ледяного зимнего ветра в меховом воротнике и, нет-нет, да проверял свое новообретенное добро: широкий ремень на талии, увешанный всякими штуками, нужными опытному артефактору.

Анриш, увидев гору купленного добра и «мехового» Шмуна, одобрительно усмехнулся. Даже позволил себе похвалу в адрес мэтра Лореса. Заметив, что на этого, похоже, умного, предусмотрительного и справедливого мага можно положиться. Раз тот не позволил мягкотелой целительнице оставить безнаказанными трех мерзавцев и не позволил счесть род ди-ре Солов излишне добрым или слабым. Я даже растерялась немного от такого заключения. Это же мной лично придуманное наказание и притом я – мягкотелая? Ну да, признаться, думала, что затраты будут гораздо скромнее и такой горы покупок не предусматривалось, но... Эх, ну и ладно, главное, все довольны и получили по заслугам!

И вот, через месяц после тех финансовых потерь, компания Денрика опять понесет потери, только в этот раз моральные. Раз решили разделить позорное для них бремя аплодисментов со своими должниками. А мне «что-то» подсказывало: хлопать и им, и их должникам нашему выступлению будет не в тягость. Наверное,

первый и последний раз в их жизни возврат долгов будет приятным и не обременительным занятием.

Наконец, последний темный талант покинул сцену и один из младших преподавателей, организатор конкурса, объявил нас. Все тридцать светлых подобрались и, резво поднявшись на сцену, скрылись за кулисами. Через минуту наши воздушники слеветировали на сцену музыкальные инструменты и прочее оборудование, расставили в заранее оговоренных местах. В зале становилось все тише и тише, уж с больно суровой уверенностью мы готовились к выступлению.

У меня в груди разливался знакомый по Земле азартный мандраж и волнение. Мы с подругами не дожили до такой большой сцены, зато, попав на Хартан мечта сбылась, как мечтали с Женькой и Викой. И мне не страшно, потому что три месяца все тридцать байратцев работали как одержимые: пели, плясали, запоминали и придумывали. Использовать наработки моего утраченного техномира оказалось не так-то просто, даже с учетом магии. Но старались все в едином и самом душевном порыве. Подобное всегда вознаграждается!

– Ну что, вы готовы изменить мир? – спросила я у сбившихся вокруг меня светлых.

– Да-а! – крикнули дружно и задорно.

– Тогда сделаем это! – я вскинула кулак вверх и первой уверенно вышла на сцену.

Зрители встретили нас глумливыми усмешками, легким недоуменным ропотом и презрительными взглядами, мол, ну-ну, повеселимся. Мой творческий коллектив быстро разошелся по сцене – в каждом номере нашей программы задействованы все тридцать артистов: музыканты, певцы, подпевка и подтанцовка, плюс десятки инструментов и иллюзии. Мы даже стойку с набором хрусталя, подвесными гонгами и медными чашами соорудили, чтобы разнообразить звук, усложнить, расширить наши музыкальные возможности.

Всю группу одели в едином стиле – черное с красным. На парнях облегающие прямые черные штаны, мягкие туфли и рубашки, расстегнутые чуть не до пупа, с красными воротниками и манжетами. Благо основной состав – боевые маги с физической подготовкой жуть-кошмарной, поэтому выглядели, как супербрутальные модели с

обложки глянцевого женского журнала. На девочках черные водолазки, красные летящие юбки до колен, черные лосины и невысокие, облегающие икры сапожки из тонкой и мягкой кожи. Волосы все артистки зачесали в высокие хвосты и сделали яркий макияж.

Собственно, за три месяца невероятных физических и магических нагрузок не только боевики, но и ботаны, включая девушек, подтянулись и построились. Даже Адеис потеряла большую часть своих округлостей. Я бы не сказала, что она была полной, просто тип фигуры такой, плотненький, что ее не портило. А теперь и вовсе красоткой стала. Так что на сцене стояли тридцать молодых, поджарых и весьма сексапильных артистов с горящими глазами.

Я вышла вперед и улыбнулась заинтригованным зрителям со зловещим предвкушением в душе:

– Всем темного вечера! Мы все знаем, зачем здесь собрались...

– Чтобы посмотреть, как вы с позором сбежите отсюда! – перебил меня темный, остальные поддержали его хохотом.

– Не парьтесь, давайте раздевайтесь, а мы посмотрим, есть ли там на что смотреть! – заорал другой нахал и хохот только усилился.

– Какие нетерпеливые. Не переживайте, сейчас начнем. Но! – после моего громкого предупреждения зрители притихли, а я, специально понизив голос, чтобы вынудить их прислушиваться, добавила: – Запомните самое важное! Мы исполним для вас ровно три номера. Если вы захотите, чтобы мы продолжили, должны будете попросить!

– Совсем с ума сошли? – заржали первые ряды, плотно окружавшие авансцену.

Последовал очередной оскорбительный гвалт, я краем глаза заметила, как нахмурился Анриш, ему ситуация явно не нравилась, очень. Пришлось поторапливаться. Я громко, заливисто свистнула и вскинула руку, призывая всех замолчать. Ведь никто не ждал от аристократки такой выходки.

И завершила:

– Хлопайте, свистите, топайте ногами, кричите «еще»! И тогда мы продолжим наше скромное выступление! Согласны на это условие?

– Ну давайте-давайте, а то мы уже заждались... вашего обнаженного выступления! – заржал какой-то любитель стриптиза.

Народ его поддержал скабрзностями и новым взрывом хохота.

– Ну что ж, тогда начнем, – усмехнулась я и, покачав пальцем, напомнила, – тик-так, тик-так, помните, ровно три и ни одной больше...

И дала отмашку своим. Так уж вышло, что быть первым никто не решился, не из страха, а скорее смущения. Поэтому пришлось стартовать самой. В душе разразился настоящий эмоциональный шквал. Ведь наши зрители, да и мои соучастники еще толком не понимали, что прямо сейчас изменится мир! И именно мы его изменим!

Мы заняли свои места, я осталась в центре авансцены. Сначала вступила подпевка, затем подключились музыканты и последней я. С первыми словами невольно посмотрела на Анриша, поймала его ответный напряженный взгляд. Вот не зря, ох, не зря я выбрала любимую песню нашей самой романтической подруги Женьки «Ищу тебя», слова которой написал Леонид Дербенев, а музыку – Александр Зацепин.

Глядя в глаза Анришу, пела не я, а моя душа:

«Всегда быть рядом не могут люди,
Всегда быть вместе не могут люди.
Нельзя любви, земной любви пылать без конца...»

Земное «диско» летело под высокие своды роскошного зала в кавер-версии, адаптированной под мой новый мир. Я словно раскрывала ему свои объятия, душу, жизнь, протягивала руку...

Виктор завершил песню динамичной ударной сбивкой и поставил точку в композиции последним тягучим ударом по «бочке».

Мы замерли, ожидая, когда эхо последнего барабанного удара утихнет. Выложившись эмоционально и в какой-то мере физически, я переводила дыхание. И напряженно разглядывала окружающую нас толпу темных, ошеломленно замершую, походившую на скопление статуй. В зале воцарилась оглушительная тишина, которую нарушил Анриш – первым хлопнул в ладоши. Дальше нас затопило шквалом аплодисментов.

Обернувшись к своим, я, не скрывая торжества, выдохнула: «Да-а!» Ребята улыбались как шальные. Ведь прямо сейчас, всего лишь

одной песней мы выиграли этот конкурс. Бесспорно! И честно!

Вернув внимание зрителям, я вновь вскинула руку, зал разом замолчал. Обвела всех взглядом и заговорила:

– Следующая композиция посвящена всем женщинам Хартана. Ведь вы, любимые девушки, сестры, жены и матери. Вы те, ради кого начинают и выигрывают войны! Кто дарит любовь своим мужчинам и детям. Вы те, кто создает уют в доме. Вы те, без кого этот мир просто не смог бы существовать. Вы самые лучшие и неповторимые! И наши мужчины поют вам оду ответной любви! Исполняет преподаватель по боевой магии, наш куратор мэтр Дей Лорес.

Да-да, песню поэта и композитора Виктора Резникова «Спасибо, родная» я выбрала специально, чтобы подкупить женские сердца. Чтобы каждая из присутствующих темных влюбилась в моих парней.

Мэтр Лорес занял мое место перед зрителями, а я его, у ляшена, этакой смеси клавесина и фортепьяно. Первые аккорды, зал затих, Дей запел очень глубоким, чуть хриловатым мужественным голосом. Таким мурашечным и проникновенным, что сразу трогает женскую душу:

«Сладкий сон погасил глаз ласковых пламя,
Тихо губы твои чуть трону губами я
А на губах твоих усталый день затих.
Ты сладко спишь, а я шепчу тебе, родная,
Спасибо за день, спасибо за ночь,
Спасибо за сына и за дочь,
Спасибо за то, что средь боли и зла
Наш тесный мирок ты сберегла...»

Мне показалось, что некоторых преподавателей даже на слезу пробило. И в этот раз шквал аплодисментов не задержался ни на секунду, благодарные зрительницы еще и восторженно орали. Ну хорошо, все идет, как запланировано. Улыбнувшись, я уже почти привычно вскинула руку, призывая к тишине, и объявила:

– Мы часто забываем, что преподаватели тоже всего лишь люди, а не боги. Они могут ошибаться, чего-то не знать, и за это их не стоит строго судить. Как и перекладывать на них вину за собственные

неудачи. Поэтому следующая песня посвящена нашим глубокоуважаемым преподавателям. И исполняет ее вновь мэтр Дей Лорес.

Конечно, темные попросят продолжения концерта, но мы решили подстраховаться. И поэтому выбрали три бесспорных хита, чтобы без резких перегибов, но в то же время привлекли все группы зрителей. Поэтому следующей стала песня британского исполнителя и автора песен Rag'n'Bone Man «Human».

И понеслось. Адеис первой ударила в бубен, тут же создавая тишину в зале. Следом за ней струн коснулись пальцы Алесана, Этеиса и Анхилия, можно сказать гитарных богов. Подключились барабаны Виктора. И наконец Дей запел, глядя в зал черными некромантскими глазами, одетый в черный костюм с багровыми вставками. Крупный, сильный, харизматичный и с таким императивом, что даже у меня, несмотря на то что слышала несколько раз его исполнение, каждый волосок встал дыбом. Музыка, казалось, проникала под кожу, заставляла дрожать каждую клеточку, отзывалась вибрацией в груди.

Зал снова взорвался аплодисментами. Я, ухмыльнувшись, не скрывая торжествующей иронии, крикнула:

– Ну что, уважаемая публика, просить оказалось не сложным делом, верно?

И пусть смысл был двояким, но темным студентам и преподам было сейчас не до двусмысленности. Они кричали и топали, хлопали и свистели, не прося, а требуя продолжения. Я бросила короткий взгляд на Анриша, он сидел расслабленно и тоже наслаждался представлением. Даже подарил мне одобрительную улыбку, от которой у меня будто крылья выросли.

Теперь опять была моя очередь петь, последняя на сегодня в моем вокальном исполнении композиция. Она была на чужом языке, без перевода и смысл того, что мы пели, не соответствовал изначальным словам, но для меня было важно ее исполнить. Эта песня для меня – как связь времени, пространства и трех родственных душ, которые пять лет назад, я надеялась, соединила обрядом ведьма Анхелла. Я посвятила песню Вике и Женьке.

На несколько мгновений скрывшись за кулисами, я надела поверх черного костюма белый балахон, олицетворяющий на Хартане траур.

Затем вышла на авансцену с хмурым, трагичным лицом, подняла ладонь, требуя тишины и объявила:

– Почему-то все забывают, что любовь не имеет границ, ей не подвластно время и расстояние. Она спасает мир или разрушает его. Ей плевать, на каком языке ты говоришь, человек ты или оборотень. Светлый или темный. Любовь вечна, хотя даже легенды со временем умирают. Сейчас мы исполним для вас древнюю балладу на рдийском, давно забытом языке! К сожалению, точного перевода у нас нет, только слова... и смысл. Эта баллада о девушке, которая долго искала сгинувшего в неизвестных землях любимого. Он отправился на заработки и пропал. Она прошла сотни дорог, пережила сотни испытаний и вот в далекой-предалекой чужбине, наконец, узнала, что ее любимого подло убили. Девушка нашла его могилу и обратилась к небесам. Сначала обвиняла богов в том, что они лишили ее счастья и любви. Требовала возмездия убийцам! Но, не дождавшись ответа, упала на колени и молила уже о другом – просто забрать ее душу, чтобы она хотя бы на небесах воссоединилась с любимым.

Зазвучала музыка, Этеис, замерший у задника сцены, запустил иллюзию. Освещался только маленький кусочек сцены, где я солировала. Я надеялась, что у Этеиса хватит сил на настолько масштабную иллюзию. Мы очень старались, чтобы каждый зритель в зале погрузился в драму, проникся печальной историей. Видел хмурые серые небеса, тяжелые зловещие тучи, нависавшие над холмом, где у одинокого кривенького деревца, гнущегося под порывами ледяного ветра, у могилы застыла скорбная фигурка героини в моем исполнении. Дальше я запела, не подражая «Нентори», но стремясь быть не менее глубокой, страстной и с трагическим надрывом.

В этот раз я ни на кого не смотрела, мой взгляд был обращен вверх, в небеса, к богам. А перед глазами так не вовремя вспышкой возникло воспоминание. Когда в продуваемом ледяном переходе я была вместе с Викой и Женькой. Словно воочию видела, как порхала наша высокая и стройная Шпала, слышала изумительный, завораживающий голос Шапокляк, ощущала особый новогодний флер грядущего всеобщего праздника. И по моим щекам невольно поползли слезы, а в голосе проявилась легкая хрипотца боли и потери. И пусть смысл слов другой, но чувствовала и страдала я по-настоящему. Как же я скучала по своим девочкам!

Под конец песни я стояла на коленях, в моей руке Этеис создал иллюзию кинжала. Надувной, как на Земле, здесь не найти. Зато наш иллюзионист создал гораздо круче и более реалистичный. На последних аккордах и словах я «всадила» себе в живот иллюзию кинжала и сломанной куклой завалилась набок, на сцену, изображая смерть.

По договоренности с Этеисом подо мной разлилось море иллюзорной кровищи, но насладиться потрясением на лицах зрителей не вышло. Пока я «замертво» падала вбок, краем глаза уловила метнувшуюся ко мне черную тень, которая заслонила весь обзор. Открыв глаза, я некотором ступоре разглядела рядом бледного и, я бы сказала, перепуганного Анриша. Если бы сама не увидела, никогда бы не поверила, что его что-то могло так напугать...

Анриш стоял возле меня на коленях и шарил по животу и рукам, похоже, в поиске смертельных ран от кинжала. За пару мгновений он осознал свою ошибку, выпрямился и с мрачной убийственностью воззрился на меня. Иллюзорный кинжал бесследно растаял вместе с кровью. Другая под этим злобным взглядом умерла бы от страха или постаралась исчезнуть следом за кинжалом. Я же едва не растекалась не иллюзорной кровищей, а всамделишным счастьем. Ведь мой любимый маг смерти... испугался... за меня!

Чтобы помочь ему с достоинством выйти из щекотливого положения, я приподнялась и села. Взяла его руку, которой он только что ощупывал «раны», и поцеловала в сердцевинку ладони. Благодарила за этот страх за меня, за заботу, за его чувства.

Оглушительная тишина, тревожно повисшая в зале по завершении песни и моей трагической «гибели», взорвалась не менее оглушительными овациями. Стоило им чуточку стихнуть, а Анришу вернуться на свое место на помосте, ректор неожиданно удивил:

– За столь потрясающее мастерство ваш иллюзионист получил «отлично» по всем зачетам и экзаменам его направления.

А ведь это минимум два зачета и один самый сложный экзамен по менталистике. Я оглянулась на Этеиса, который счастливо и признательно тараторил на Терраса ди Лана. Наконец, опомнившись, Этеис шагнул вперед и благодарно поклонился ректору темной академии. Со сцены мы сбежали вдвоем, чтобы подготовиться к следующему выступлению. А зрители скандировали: «Еще!»

Дальше был очень и очень неоднозначный эксперимент. Я любила рок, но Хартан еще не знал этого направления в музыке. И как его примут, сложно предсказать. Но о-очень хотелось узнать. Для этого я выбрала Roxette и их потрясающую «The Look», этот наэлектризованный энергетический сингл.

Тишину разорвал четкий ритм ударника, хорошо узнаваемый гитарный риф разрезал пространство как меч джидая, вызывая сокрушительный адреналиновый вал внутри каждого зрителя. Вокалистами были Алесан Рорик и Алиса Шаль. В какой-то момент мне показалось, что на сцене Пер Гессле и Мари Фредрикссон, настолько органично исполняли эту песню мои светлые ребята.

Под сводами великолепного Торжественного зала Далейтской академии магии бушевал неистовый поток позитивной энергетики. Внутри у меня растекалось тепло, от вибраций ударной установки Виктора и гитар Анхилия и Этеиса все дрожало, только усиливая восприятие и немыслимый азарт. Хотелось двигаться, кричать, плакать и смеяться, что и делал весь зрительный зал. Гитары прошивали плотную возбужденную публику, ударник выстреливал очереди артикулированных «сбивок», а бас гудел где-то внутри живота. Голоса Алесана и Алисы высокие, открытые, яркие, вызывавшие мурашки на коже...

Когда мы завершили, народ еще с минуту не мог успокоиться и едва не бесновался. Чувствовалось, вскоре рок войдет в сердца на всем Хартане. А мы продолжали знакомить этот мир с музыкой Земли. Час, еще час, к концу третьего мы уже полностью выдохлись. Ведь мы танцевали, пели, прыгали по сцене под еще одну рок-композицию. И каждый из тридцати светлых побывал в шкуре певца или танцора. Под конец мне пришлось делиться энергией с одноклассниками, чтобы достойно продержаться на ногах.

– Ну что ж, вот и подошел к концу наш номер. Надеюсь, вам хватило наших талантов и без раздевания! – улыбнулась я.

Народ загудел, отказываясь принимать, что песни и пляски закончились. Я улыбалась с почти зловещим оскалом:

– Если у нас будет хорошее настроение, достаточно времени и жизненных сил, мы обязательно выступим перед вами еще раз. Так что все в ваших руках...

Встала в один ряд со своим коллективом, и мы дружно поклонились публике. А потом, помахав рукой, невзирая на рев толпы, похватали свои инструменты и сбежали со сцены в заднюю комнату, отведенную для подготовки артистов.

И вот там мы позволили себе самим сорваться. Каждый выплескивал дикий восторг и бушевавший после выступления адреналин. Кровь кипела, в голове шумело, вибрировала каждая клеточка. У меня даже руки дрожали, хотя наверняка и у всех остальных тоже.

Мы переоделись, привели себя в порядок, очищая от пота, собранной во время танцев пыли с пола. Вернув себе внешний вид чопорной аристократки-студентки, я в изнеможении рухнула в кресло у стены. Господи, как же я устала...

– Эйта фин Ришен? – громко позвал меня от дверей организатор конкурса.

– Я здесь, – устало отозвалась, даже не попытаюсь встать.

Молодой мужчина прошел внутрь небольшой комнаты, которую мы перегородили ширмами для переодеваний. Восторженно улыбаясь одновременно нам всем, он быстро подошел ко мне и коротко поклонился:

– Вас ждут в соседней комнате. Прямо сейчас!

– Эйт ди-ре Сол? – не смогла я сдержать нежности в голосе, но, надеюсь, мое кряхтение, пока я вставала, ее приглушило.

– Не только, – с придыханием ответил мэтр, – с ним повелитель. Сам темнейший Ромус ди-ре Солар почтил вас своим визитом!

Всю разомлевшую и размягченную благодать внутри меня резко приморозило. Встав, я проверила прическу и платье: зеленый бархат идеально облегал мою фигурку, расходясь складками от талии; ни один волос не выбился из собранного на макушке хвоста. Сценический макияж я удалила вместе с потом и пылью. Все светлые тревожно переглянулись, поэтому пришлось беззаботно улыбнуться и уверенной походкой направиться на выход.

Соседнее помещение было гораздо просторнее, отсюда вели лесенки на сцену, слышался шум никак не успокаивавшейся толпы зрителей и увещевавшие голоса преподавателей, требовавших порядка и разойтись по комнатам. В иной ситуации я бы зловредно похихикала над трудностями преподавателей, которые на своей шкуре в очередной раз

познали необузданный и безбашенный нрав темных студентов. Но не сейчас, когда ради меня собрались ну очень внушительного вида мужчины.

Конечно, первым мое внимание притянул Анриш, он стоял рядом с тем самым незнакомым блондином, который сидел между ним и ректором в первом ряду. И в представлении больше не нуждался, я вспомнила, что платиновый цвет волос – метка жрецов смерти. Хоть перед концертом забыла об этом из-за дикого напряжения и волнения, но не теперь.

Ректора среди этого крутого народа в черном не было. Пятеро таких же суровых и сильнейших магов в черной форме с золотыми знаками отличия приходили месяц назад за Анришем с весьма зловещими намерениями. Сегодня же их десяток, и они очень характерно перекрыли все ходы и подступы к двум представителям королевских фамилий.

Я оробела и на подкашивающихся ногах подошла к Анришу. Присела в глубоком реверансе перед повелителем Ирмунда, старательно не глядя ему в глаза. Хищникам лучше не бросать вызов прямым взглядом. Он в любом случае, как и Анриш, почувствует все мои эмоции, узнает, что я взволнована и напугана.

– самого темного дня, ваше темнейшество, – вспомнила я обращение, принятое в Ирмунде к повелителю.

– Любопытно. Даже несколько часов подпитывая силы трех десятков магов, она ярко горит чистейшим светом, – прозвучал хриловатый глубокий заинтригованный голос, похожий на баритон Анриша. Вообще-то, повелителя с его комплиментами мне хотелось видеть менее всего, зато ему наоборот: – Рад, наконец, увидеть мага жизни в своих владениях.

Я вскинула испуганный взгляд на Ромуса ди-ре Солара и столкнулась с его черными, внимательными глазами. Повелитель Ирмунда похож на Анриша: и цветом волос, и цветом глаз, и общей аристократической породистой «мастью», такой красивой, холодной, но жутковатой. Они даже облачились в схожие черные «дворцовые» одежды с золотой и серебряной вышивкой, одинаково заложили руки за спину и держались так, словно свысока взирали на бренный мир.

Я перевела взгляд на Анриша в поиске поддержки, но в этот момент он, сощутив глаза, сверлил двоюродного брата. Божечки, в

усердии достижения одной цели я совершенно забыла об осторожности.

– Для меня честь быть представленной повелителю Ирмунда, – пролепетала я, повторяя реверанс, только еще ниже и усерднее, пусть коленки и ходили ходуном под платьем.

– Я готов оказать тебе еще большую честь и сделать своей! – улыбнулся Ромус, ну прямо что сытый, пресыщенный кот.

– Приношу глубочайшие извинения, ваше темнейшество, но вынуждена отказаться от вашего, несомненно, щедрого предложения, – хрипло ответила я, ощущая нарастающий внутри ужас.

Вокруг нас внезапно вырос магический купол, отрезая от свиты и не позволяя услышать разговор всемогущих.

– Прости, мой нежнейший светлячок, но твои извинения меня не интересуют. Как, впрочем, и твое положение в обществе. Наш союз способен принести пользу Ирмунду, поэтому я прощу тебе некоторые недостатки и...

– Она моя! – оборвал Анриш повелителя с мертвящим предупреждением в тоне.

– Братец, ты же знаешь о сложившейся в королевстве обстановке. Мне необходим наследник. И маг жизни этому как никто может помочь. Потом найдешь себе другую игрушку...

– Маша не игрушка! – захрустел ледяной крошкой голос Анриша.

Маги смерти сцепились взглядами, забыв обо мне и пытаясь продавить волю друг друга.

– Насколько я помню, три месяца назад подписал твое прошение о заключении брака с байратской баронессой фин Ришен, – чуть нахмурившись, возразил Ромус и довольно завершил, – вот и женись на ней, а я готов осчастливить светлейшую Машу.

Я заинтригованно посмотрела на Анриша. Интересно, он получил разрешение до или после клятвы верности? В Байрате разрешение короля уже фактически означает брак. Потому что мало кто решится оспорить его «благословение». Только сейчас сам повелитель, похоже, готов отказаться от своего волеизъявления.

– Повелитель, позволь представить тебе мою жену, эйту Эмарию фин Ришен. Ту самую байратскую баронессу, мой брак с которой ты одобрил, – с мрачным сухим удовлетворением изрек Анриш и, обняв меня за плечи, прижал к себе.

Ромус с минуту сверлил не меня, а брата тяжелым, непримиримым взглядом. Затем вскинул бровь на лоб и со злой иронией переспросил:

– Жену? Опять же, насколько я знаю, в Храме Белой Эйты никаких обрядов за эти три месяца не проводилось...

– Я решил провести его сразу после Зимнего солнцестояния. В дни коротких каникул, чтобы у нас с женой появилась возможность провести как можно больше времени вместе.

– Значит, все поправимо. Я аннулирую свое разрешение на этот союз, – как ни в чем не бывало постановил повелитель темных.

– Я дал ей клятву верности! – злобно рыкнул Анриш.

– Я беременна! – одновременно с ним призналась я.

А то, не дай бог, эти царские торги за мага жизни приведут моего любимого на плаху. Мужчины замолчали, вытаращившись на меня. Знатная шоковая терапия вышла! Рука Анриша соскользнула с моих плеч, он медленно обернулся ко мне и почему-то зло проскрипел:

– Когда?

Его злость была настолько неожиданной, что выбила из равновесия. Вроде совершенно не виноватая, я виновато залепетала:

– Месяц назад, когда тебя проклинали. Черная жажда высушила меня до последней капли магии. Поэтому защитное заклинание от зачатия не сработало.

– Я спрашиваю, когда ты узнала, что беременна? – ледяным тоном уточнил Анриш.

– Сегодня утром, – шепотом призналась я, ощущая, как запекло глаза от подступивших слез.

– И, зная, что беременна, ты три часа скакала по сцене и колотила себя в живот? – почти прохрипел от ярости Анриш.

Осознав смысл его слов и причину злости, чуть не всхлипнула от облегчения. Боже, с этим темным я скоро с ума сойду от нервов.

– Твоему сыну всего месяц, он еще только крошечный сгусток темной магии... Ему в принципе ничего не угрожало, а в живот я не била, а лишь сделала вид, что...

– Сын? – сипло выдохнул Анриш.

Я кивнула, невольно обняв себя руками. То ли себя защищая, то ли еще нерожденного малыша. Слишком странная реакция у Анриша, впрочем, как и напряженно-мрачное выражение лица у повелителя. Я о

многое думала этим утром, предполагая реакцию жениха на новость о беременности, но что все будет вот так, мне бы в голову не пришло.

– Да, мальчик. У вас обоих очень схожий магический флер, – хрипло пояснила я.

– Маг смерти! – неожиданно довольно кивнул повелитель. А затем напрягся: – Сможете выносить?

– Да. Я уже привыкла к магии Анриша. К тому же магия жизни сделает все возможное, чтобы помочь моему сыну родиться здоровым и в положенный срок. Хотя, конечно, лично мне будет нелегко.

– Он угрожает твоей жизни? – второй раз за все время нашего знакомства я отметила напряжение и страх на лице Анриша.

Положила ладонь ему на предплечье, чтобы успокоить:

– Нет. Просто будет мучить сильная тошнота, перепады настроения, усталость. В общем-то, как и большинство обычных женщин во время беременности. Если бы я носила светлого, магия жизни избавила меня от всех подобных неудобств. А вот с темным малышом скорее усилит их...

– Брачную церемонию проведем в конце недели. В пятницу! Она удачно совпадает с днем Благодарения Белой Эйты, лучший день для темного обряда еще поискать! – торжественно объявил Анриш.

И вроде тон голоса ровный, но его магия «барахлила», глаза то белели, то чернели, по полу и стенам расползлся белый туман. Без слов ясно: мой мужчина в неадекватности от новости. И, кажется, не определился, как вести себя и реагировать.

Возражать, как и возмущаться тем, что со мной не согласовали дату, я не стала. В этом мире лучше быть законно рожденным. И раз уж так вышло, то лучше стать официально замужней, а не надеяться на клятву верности, царское благословение и прочие пляски с бубном.

– Ну что ж, брат, поздравляю с обретением семьи и будущим рождением наследника! – в голос повелителя все-таки просочилась толика горечи. Следом он выдал нечто из области сногшибательного: – После столь значимых изменений в твоей жизни, обретения семьи и скорого появления наследника, сразу после вашего обряда объявлю Ирмунду об отречении от трона в твою пользу. Придется трон занять тебе. А я отправлюсь на покой...

– Ни за что! – одновременно выпалили мы с Анришем.

Затем переглянулись с почти мужем, и я испуганно замотала головой и замахала руками:

– Нет-нет, не надо! Я не готова быть повелительницей темных! Зачем мне все это? Из меня королева как палач из мага жизни!

Анриш усмехнулся, кивнув своим мыслям, и обернулся к брату:

– Прости, Ромус, я тоже против. Ты же меня знаешь и видел, что Белая Эйта неспроста любит и выделяет сильнее остальных... Если я сяду на трон, залью кровью неудобных улицы не только Далеита, но и всего Ирмунда.

Я вытаращилась на любимого мужчину. Ромус смотрел на брата с откровенным сожалением, признавая истину в его словах. А я поняла, что связала свою жизнь с очень-очень-очень непростым мужчиной. Который лишь для меня заботливый и пушистый... изредка. Не даром его боялись все, без разбора. И как сказал один из претендентов на мое тело, даже несметные богатства рода ди-ре Сол не помогли найти желающих занять вакантное место его супруги. Пока в Далеит не попала Эмария фин Ришен, маг жизни и попаданка.

– Это может вызвать недовольство знати, – морщась, размышлял повелитель. – Я не женатый маг смерти. Не менее сильный, чем ты. Поверь, в моих способностях контролировать магию тоже у многих большие сомнения. И страх превратится в тлен я чувствую во всех. Моего внимания ищут только как повелителя, а в мою постель ложатся только за ответными услугами.

– Я все понимаю, но я на троне не лучшая идея! – держал оборону Анриш. – Как твоя наказующая длань и страшилка изменникам я подхожу гораздо лучше!

– И все же тебе придется занять трон! С рождением твоего наследника возникнет угроза двоевластия, ты же понимаешь и...

– А если вы тоже женитесь, проблема снимется? – пискнула я, одновременно с этим подняв руку, спрашивая разрешение на вопрос.

Как в аудитории, на экзаменах, когда два препода спорят: стоишь ты хорошей оценки или все же завалить тебя дополнительными вопросами.

– Ты ей не говорил, в чем наша проблема? – с веселым недоумением спросил Ромус у брата.

– Нет, – сухо ответил Анриш.

Я напряглась: что еще от меня утаил мой премудрый маг смерти?

– А историю нашей семьи и выживания? – уточнил Ромус. Анриш кивнул, но повелитель все равно взялся пояснять, как выяснилось, более короткую, но углубленную версию: – В день, когда погибли наши родители, мой отец заплатил жизнью за наказание виновных в смерти его жены. Прямо там, в лесу, рядом с телами жены и брата, провел обряд Белой Эйте. Принес в жертву пойманных убийц, а в завершении – и самого себя. Мы с Анришем были рядом, должны были завершить обряд, чтобы не выпустить силу на свободу... – Ромус поморщился. – Обряд вышел настолько мощным, ведь душевная боль отца, наша с братом, обильная жертва... на нас охотился с десятков сильных магов светлых... в общем, все в совокупности сыграло. Король Байрата умер в страшных муках, забрав при этом жизни многих магов жизни. А мы с Анришем...

Закончить ему помог брат и товарищ по несчастью:

– Мы стали жнецами. Истинными жрецами смерти. Наше нерожденное дитя при созревании выжжет темную супругу, многократно усилив ее магию. Поэтому в нашем случае возможен брак исключительно со светлой.

Ромус добавил:

– Лучшей жены, чем маг жизни, нам не найти! Такие как вы, эйта Эмария, способны идеально уравновесить магию смерти в наших наследниках, вернуть к исходной силе. Убрать воздействие того обряда... И нашим детям не придется бороться с собой за каждую каплю контроля. Они не будут чувствовать себя изгоями, которых терпят лишь за титулы или должности...

Я обиженно посмотрела в глаза Анришу – не сказал всю правду. Выходит, еще и воспользовался мной. Было грустно и горько: думала, он испугался именно за меня, потому что влюбился. А получается, потому что я редкий маг, который ему очень нужен. Однако поздно, Маша, как говорили на родине, пить боржомом, ты фактически замужем и беременна. И слава богу, мой сын родится обычным магом смерти, если слово «обычный» применимо к этому виду магии. Главное – здоровым и без проблем с контролем силы.

О любви я подумаю потом... как-нибудь. В одиночестве! Чтобы не показывать их темнейшим своим слабостям. А сейчас, сейчас у меня появился план как избежать другой напасти. Должности повелительницы Ирмунда!

– Если вы согласитесь на мои условия, я готова попробовать вам помочь с поиском супруги! – к своему неудовольствию, в моем голосе звучала хрипотца от волнения.

– Ты ставишь мне условия? Повелителю Ирмунда? Жрецу смерти? – возмутился повелитель.

Я молча развела руками, де сами виноваты и продолжила смотреть ему в глаза с холодным равнодушием. Анриш смену моего настроения, видимо, ощутил. И как уже не раз бывало, ему моя холодность и отстраненность не пришлись по душе. Хмуρο меня осмотрев, он бескомпромиссно заявил:

– Полагаю, дальнейший разговор можно перенести в мои покои. Эмарию требуется отдых и плотный ужин.

Не дожидаясь ответа повелителя, нажал на камешек порталного кольца и открыл проход в свою комнату. Затем, подхватив меня под локоть, вынудил идти с ним, а повелителя – догонять.

Люди в черном, телохранители то бишь, остались не у дел. Похоже, братья друг другу доверяли, раз повелитель никого из них не взял с собой.

Вскоре мы сидели за отменно накрытым столом. И судя по золоченой посуде и хрустально, все блюда были доставлены прямо из дворцовой кухни. Оба мужчины молчаливо ждали, пока я поем, а сами лишь поковырялись в тарелках. Я и правда сильно проголодалась, все же и магические, и физические, и эмоциональные затраты понесла колоссальные. Плюс целенаправленно мучила эту парочку высокопоставленных темных ожиданием, а то ишь, хитромудрые дельцы...

В итоге я перестаралась: не просто наелась – чуть не лопалась от переедания. Тянуть время дальше – себе хуже. Под насмешливыми и все понимающими взглядами сотрапезников я с тяжелым вздохом откинулась на спинку стула.

– И?.. – поторопил меня повелитель.

Я пожала плечами:

– Вы так и не ответили, готовы ли принять мои условия или нет.

Скрежет зубов Ромуса, стал приятным десертом:

– Какие условия?

– Я постараюсь найти вам в супруги мага жизни. Но перед этим вы дадите клятву на крови, что соглашаться или нет на ваше

предложение будет только девушка. В случае отказа ни делом, ни мыслями, в общем, никак ее за это не накажете. И не будете давить, отпустите с миром!

– Отпущу мага жизни, способного родить мне наследника? – с удивленной, недоверчивой насмешкой уточнил Ромус.

– Да, – строго ответила я, – и если она согласится стать вашей супругой, вы дадите ей клятву верности.

– Что?.. – опешил венценосный любитель гаремов.

– Маги жизни не могут жить с кем-то исключительно по расчету. В какой-то момент приходит либо любовь... либо смерть. Поэтому это условие – своеобразная защита для вашей будущей супруги. Защита жизни, – холодно пояснила я.

Оценив мрачную мину Анриша, с которой он смотрел на меня, я мысленно ответила: «Да-да, я и тебе, дорогой, напомнила, что тебе досталась очень ранимая и крайне уязвимая жена!»

Хотя, конечно, если ему нужен лишь наследник, то моя песенка долго не продлится. Ведь я полюбила, безоглядно, безгранично и так неосторожно...

Повелитель раздумывал с минуту, сверля меня тяжелым, осуждающим взглядом. Я отвернулась к окну, за которым чернела самая длинная зимняя ночь и сияли далекие звезды.

– Я поклялся хранить Маше верность. Поклялся принадлежать только ей. И никогда не пожалею об этом, – неожиданно прозвучал голос Анриша, уверенный и какой-то жесткий, словно вторая клятва.

Клятва отдалась в моем сердце ускоренным пульсом. Я обернулась к любимому и с отчаянной надеждой посмотрела в его напряженное лицо с хмуро сведенными к переносице бровями.

– Я твой, слышишь? – он накрыл мою руку, лежавшую на столе, ладонью, такой правильной, мужской, надежной.

И глядел в самую душу еще сильнее почерневшими от волнения глазами. И это «Я твой!» сказанное с абсолютным убеждением, с учетом их темной специфичности, почти как «Я люблю тебя!».

Не зная, как реагировать на это признание, я пожала плечами, следом робко улыбнулась, а потом шмыгнула носом, потому что глаза опять запекло от подступивших слез. Но я усилием воли их сдержала. Судя по тому, как расслабились плечи Анриша, он ощутил, что его

слова стали целительным бальзамом для меня, неуверенной и влюбленной в него девушке с русской душой.

– Я согласен на оба условия, – оторвал нас друг от друга его брат, да так, словно со скалы бросился. – Когда я увижу свою предполагаемую светлейшую невесту?

Если честно, не думала, что повелитель темных так быстро согласится на подобное. Буквально немислимое для темных: потерять свободу и стать зависимым от кого-то.

Глотнув сока, чтобы смочить горло, я пояснила:

– Мне нужно будет попасть в Ришен, мое поместье в Ройзмуне и...

– Исключено! – холодно оборвал меня Анриш. – Свою жену с ребенком я на вражескую территорию не отпущу!

– Это мой дом, а не вражеская территория. Там живут десять пожилых слуг, которые служат моей семье всю жизнь. И растили меня с рождения.

– Это не значит, что они...

– Со мной поедет Дей Лорес. Он боевой маг и сможет защитить от любой опасности...

– Я сказал – исключено! – потерял терпение Анриш. – Ты моя жена, значит, все поездки только со мной и под охраной!

Понятно, что тревога Анриша вполне обоснована: убийство отца и тетки с дядей – сущий кошмар. Но он же разрушит весь мой план, простой и потому гениальный.

– Тогда я не представляю, как мне искать мага жизни для твоего брата. Ты же фонишь тьмой так, что тебя даже самый слабый маг почует. Как мы доберемся до Ришена незаметно? Мое поместье в Ройзмуне, а это, на минуточку, столица Байрата, светлых земель...

Эх, прости меня, рисса Лишана, подвела тебя воспитанница. Забыла о субординации и этикете.

– Порталом перейдете, – флегматично заметил Ромус, пожав широкими плечами, отчего блики от золотой вышивки на его камзоле забегали по стенам.

– Стоит нам активировать портал в академию Ройзмуну, как нас тут же засекут. Мы не успеем даже выбраться из ямы...

– А зачем нам в академию? Вы же сказали, что нужно в поместье? – криво усмехнулся Ромус.

– Каким еще порталом... – я замолчала, нечаянно бросив взгляд на серенькое колечко у себя на руке. – Вы хотите сказать...

– Нет, – прервал меня Анриш, – это узконаправленный порталный артефакт. Мы перейдем другим, из дворца. Ты будешь его настройщиком, просто представишь, куда надо попасть и все.

– А обратно?

– Он переносной, в виде браслета, просто хранится у меня в кабинете, – пояснил с улыбкой Ромус. – Отдашь Анришу, он представит уже нужное вам помещение, и вернетесь обратно.

– Все равно наши маги почувствуют темное возмущение и поднимут тревогу, – засомневалась я.

Темные маги одинаково снисходительно ухмыльнулась.

– Не почувствуют, – слишком уверенно заявил Анриш.

Надо думать, тем порталом в Байрат уже ходили. И скорее всего, не единожды. Проверено временем.

– Ты тоже дашь клятву, что принимать решение будет она. Давить или как-то вредить, наказывая за отказ, ты не будешь! – вовремя осознала я свою оплошность.

Братья резко помрачнели, враз потеряли насмешливость и снисходительность. Ага, редиски, а я-то, наивная, думала, откуда такая сговорчивость? Решили облапошить наивную светлую. Фиг вам!

– Дам, – проскрежетал Анриш, под мою широко расплзавшуюся ухмылку.

– Мне кажется, вы бы вполне и сами справились с обязанностями повелительницы, – нехорошо так высказался Ромус, откинувшись на спинку кресла.

– Когда кажется, надо через левое плечо три раза плюнуть. Тогда иллюзии стираются, – сухо парировала я.

Я больше не боялась повелителя, будучи в абсолютной уверенности, что Анриш меня в обиду не даст. И сам Ромус Темнейший не причинит вреда.

– Значит, за твоей невестой отправимся завтра! – объявил Анриш.

– Да, но сперва вы мне обещанную клятву на крови дадите. О решении за невестой, – напомнила я.

– А еще магом жизни называется! – развеселился Ромус.

Я оттопырила безымянный палец с родовым перстнем ди-ре Солов и перевела стрелки:

– Это все оно виновато!

Глава 18

Переход прошел легко, только от запаха тьмы немного затошнило. А может это токсикоз начался? Разберусь на досуге. А пока моя спальня встретила нас тишиной и родным, уютным теплом, согревшим душу. Дом, мой милый дом!

– Посиди здесь, пожалуйста, пока я...

– Исключено! – категорично отказал Анриш.

Раздраженно поджав губы, я пробурчала:

– Это мой дом, здесь только самые близкие и...

– Отныне, единственный близкий, кто всегда и везде обеспечит твой комфорт и безопасность, кому ты можешь безоговорочно доверять, – это я, Маша. – Под моим несогласным, осуждающим взглядом Анриш тяжело вздохнул: – Не надо, Машенька, не злись на меня. Мне жаль, но ты должна понять, что твоя жизнь полностью изменилась. Фактически ты уже жена второго наследника трона и мать будущего наследника трона Ирмунда. Через два дня пройдем обряд и все...

– Для этих людей я останусь...

– Хозяйкой. Пусть любимой и заботливой, но хозяйкой, – оборвал меня Анриш. – Но ровно до того момента, пока Ришен и титул баронессы принадлежит тебе. Разве, когда ситуация изменится, они поедут за тобой в Ирмунд? Согласятся тайными тропами пробираться к врагам за любимой хозяйкой? Жить на чужбине?

Я замерла посреди своей очень девчачьей спальни, глядя на фактически мужа наверняка круглыми глазами. Не от удивления, а от растерянности, не зная, что ответить. Чуть больше десятка домашних слуг, не магов, в довольно пожилом возрасте, которые всю жизнь, по сути, прожили здесь, в Ришене. В Ройзмуне! Что им делать во враждебном Ирмунде? Или что там делать Глерику, которому больше тридцати, а разум не слишком умного подростка? Даже от домогательств Мурдяка не смогли защитить Эмарию. Их так приучили, что голова у хозяев, а они исключительно исполняющие руки.

– Ты прав, – с горьким осознанием поморщилась я.

Анриш подошел ко мне, обнял. И глухо предложил:

– Я чувствую твоё смятение, горечь и боль. Ты их не бросаешь и не предаешь. Давай купим небольшой дом-пансион, положим на имя каждого из тех, кого ценишь, кругленькую сумму. Если Ришен конфискуют, у них будет собственный угол и средства для жизни.

Меня до глубины души растрогало это немыслимое предложение темного мага смерти и главы Тайной канцелярии Ирмунда, в конце концов, равнодушного ко всему герцога ди-ре Сола. С каждым днем я открывала в нем столько скрытого, чудесного и благородного, что меня затопило нежностью и восторгом. Не в силах подобрать верных слов, я лепетала:

– Знаешь, ты невероятный... ты такой замечательный... ты самый-лучший мужчина в мире!

Анриш с мягкой насмешкой вскинул серую бровь:

– Думаешь?

– Уверена! – я обняла его за торс и крепко прижалась.

Понежиться в руках любимого мне не дали, дверь распахнулась... В проеме замерла, н-да, прямо целая боевая группа во главе с риссом Паринном, дворецким и управляющим Ришена, плечом к плечу с Глериком, с вилами наперевес и самыми зверскими лицами. За ними маячили остальные слуги, с топорами, ножами... кухарка вооружилась половником.

– Лея Эмария?.. – потрясенно воскликнули они.

– Да, мои дорогие! – хихикнула я, весело разглядывая свою замечательную домашнюю команду.

Но тут Анриш нечаянно выдал темную натуру – и кухарка рухнула в обморок. Судя по побелевшим лицам, все решили, что она умерла. Маг смерти, недолго думая, пустил белесый магический щуп для проверки. Началась паника и бессмысленная суетливая беготня. Сходу сообразить, куда бежать, кого спасти и главное – как, никому не удалось. Вдобавок Глерик в запале попер с вилами на Анриша и тот обратил их в пепел. Пришлось крикнуть:

– Тишина! Замерли все!

Я привела кухарку в чувство, затем собрала испуганную толпу слуг в гостиной и объявила, что выхожу замуж за герцога. Которого они зря вилами встретили, потому что мой благородный и добрый жених, да-да, так и сказала, решил сделать им по этому случаю

щедрый подарок – позаботился об их достойной старости. Если вдруг что...

Анриш был прав: новость, что слугам не придется покидать Ройзмун, при этом они не окажутся на улице, сразу повысила им настроение и волшебным образом поспособствовала принятию моего темного. Я только с облегчением улыбалась: цирк, да и только!

Сразу после этого дворецкий отправил Глерика за риссом Арушем. Наказал привезти в Ришен и чтобы никому ни-ни о моем появлении дома. Пока мы ждали поверенного, опять же по мудрому совету Анриша, я собирала самые дорогие и любимые вещи для переправки в дом мужа. Те, что напоминали о родителях, о детстве. Первыми в багаж отправились родовые драгоценности фин Ришенов и мемуары отца, для будущих наследников моего светлого целительского дара.

Спустя час в гостиную стремительно вошел Демьян Аруш, мой замечательный поверенный. За прошедшие четыре месяца он нисколько не изменился. Все тот же солидный, харизматичный мужчина. Увидев меня у лашена, он опешил, остановился на полпути. Даже не заметил Анриша, внимательно наблюдавшего за ним.

– Эмария? – потрясенно выдохнул Аруш, потом спохватился, извинился. – Простите, лея фин Ришен, не ожидал вас увидеть!

– Доброго дня, рисс Аруш, – радостно улыбнулась я.

Но поверенный с каждой секундой все больше мрачнел и волновался:

– Как вы оказались в Ройзмуне? Вас вернули?

– Так получилось, что мне пришлось...

Глаза Аруша расширились, он глухо выпалил:

– Вы сбежали из академии? От темных?

– Не совсем, чтобы сбежала, я...

И вновь Аруш, не дослушав мои пояснения, растерянно закивал, взволнованно зарывшись пятерней в волосы на макушке. Того и гляди выдерет у себя клочок волос, настолько разволновался. Похоже, поверенный пытался срочно придумать выход из, как ему наверняка показалось, патовой ситуации. Потому что дальше начал выдавать самые невероятные предложения буквально на ходу:

– Так, надо немедленно очистить все ваши счета в банке. Как только корона узнает о вашем побеге из Далеята, ваши деньги

арестуют. А право на титул аннулируют.

– Рисс Аруш, послушайте, вы не поняли...

– У меня есть надежный человек из теневиков, который поможет вам незамеченной покинуть Байрат. Думаю, лучше в королевство Ачир, там тоже светлый источник, приемлемые законы, но отношения с Байратом натянутые. Уверен, выдавать беглую баронессу откажутся. Тем более, вы целительница, сильная, а у них с магами еще хуже, чем у нас!

– Аруш, – позвала я задумавшегося поверенного.

Но он весь ушел в себя, срочно придумывая план моего спасения. Даже на «ты» перешел, забывшись:

– Да, девочка, я все понимаю, не надо мне ничего объяснять. Мне и так стыдно! Не смог уберечь от этого ужаса сироту, доверившую мне свою жизнь. Жена уже который месяц не хочет со мной разговаривать из-за этого. Больше это не повторится! Не волнуйся, средствами я тебя обеспечу, выгрызем все, что накопилось в банках и у арендаторов! Еще успеем. На скромную, но сытую и безопасную жизнь в Ачире тебе точно хватит. Продолжишь заниматься производством кремов для омоложения, я подыщу тебе там надежных посредников, все будет хорошо...

– А как же наш договор и право оттиска баронской короны на ваших документах? Вы многого лишитесь, если я сбегу! – весело спросила я, ведь именно статус главного баронского поверенного больше всего ценил Аруш в нашем сотрудничестве.

– Клянусь высшими, лея, о чем вы вообще думаете в подобной ситуации? Если вас поймают, вернут темным или посадят в тюрьму! А вы о какой-то безделице печетесь. Я и без нее с делами достойно справлялся, так что думайте только о своем спасении. Соберите самые необходимые вещи, а мне надо срочно в банк и найти проводника через границу... Каждый час на счету!

– Вы самый лучший и надежный поверенный на Хартане! – с обожанием улыбнулась я.

Самый лучший и надежный поверенный наконец взглянул на меня, причем с некоторым недоумением из-за моего явно нетрагичного настроения. Еще бы, он весь в ужасе за меня, а я веселилась. Качнул головой укоризненно и следом горько усмехнулся:

– Напишите об этом моей жене, лея, а то она разочаровалась во мне, когда вас к темным отправили. Боюсь, еще чуть-чуть – и совсем разлюбит...

– Не разлюбит! – хихикнула я.

А то слишком эмоциональное отношение ко мне поверенного вызвало ревность и ярость у ди-ре Сола, вон аж глаза побелели. Повезло, что Аруш не маг и не ощущал темные эманации. Хотя и белых глаз мага смерти хватило бы, чтобы понять.

– Все, на болтовню нет времени. Собирайте вещи, лея, я вернусь с проводником ближе к обеду. Если задержусь, не волнуйтесь. Иртажан очень надежный, я ему и свою любимую Элиму со спокойной душой бы доверил. Только он на месте не сидит, придется поискать...

Развернувшись, Аруш ринулся к двери, но тут, наконец, увидел Анриша. Мой любимый поднялся из уютного кресла и неспешно подошел к застывшему в изумлении поверенному. Несколько секунд они внимательно изучали друг друга.

– Темный? – сипло каркнул Аруш, вытаращившись на невероятного гостя.

– Маг смерти, – кивнул Анриш, криво ухмыльнувшись. – Вторым наследником трона Великого Ирмунда, герцог Анриш ди-ре Сол.

Взяв Анриша под локоть, я поспешила многозначительно добавить, опустив некоторые незначительные юридические детали:

– Мой муж.

Аруш впал в ступор, вытаращившись на нас обоих.

– Без шуток, – улыбнулась я. И добавила: – Мы поклялись друг другу в любви и верности, так что со мной все хорошо, я в полной безопасности.

Тело Анриша напряглось: в любви он не клялся, но промолчал.

– Я... я поздравляю вас... лея Эмария с замужеством, – хрипло выдавил любезность Аруш.

– Знаешь, а ты мне понравился, росс. Ценю преданность и верность, – зловеще хмыкнул Анриш. Я напряглась, поверенный побледнел. Мой коварный муж продолжил: – Про ваш договор на крови мне жена уже рассказала. И я тут подумал, что могу доверить тебе управление делами не только Ришена. Но и титулами и землями, которыми будут наделены мои будущие наследники со светлым даром

в Ирмунде. Как ты на это смотришь? Справишься с делами в качестве главного поверенного ирмундского графа или великого князя?

– Да, – прорезался голос у Аруша, только легкого петуха дал от восторга открывающихся перспектив.

– Ну и отлично! Личный портал тебе организую, будешь из Ришена в Далеит ходить как к себе домой. И здесь дела вести останешься, и у нас не соскучишься.

– Я, да... я справлюсь, – еще больше разволновался Аруш.

– И полезными новостями делиться будешь, – продолжил Анриш. – Раз у тебя настолько обширные и полезные связи в теневом мире.

Я толкнула мужа в бок. Вот зараза, смотри, что делает, кует железо, не отходя от кассы. Аруш посмурнел, уже без восхищенного блеска в глазах смотрел на слишком высокопоставленного работодателя:

– Прежде всего, я верен тем, чьи интересы защищаю как поверенный. И ради них я могу идти на некоторые нарушения закона. Однако я не готов...

– Вредить Байрату не требуется. Вся информация, добытая тобой, будет не военного характера. Нам интересны совершенно разные сведения. Финансы, разговоры соседей Байрата, торговые соглашения и образующиеся монополии... В общем, все, что идет на пользу прежде всего роду ди-ре Сол, частью имущества которого ты будешь управлять. Согласен?

– В таком контексте, да, – с минуту поразмыслив, согласился Аруш.

Ди-ре Сола и ди-ре Солары – это и есть Ирмунд. Поэтому работать на ди-ре Солов, значит, служить всему Ирмунду. Но предупреждать Аруша я не стала. Он умнее меня во многих вопросах и раз решился, значит, осознал возможные последствия. А главное, я уверена, он либо уже придумал, либо придумает выход, чтобы соблюсти золотую середину между интересами Байрата и Ирмунда. И своими!

– Замечательно. Наш договор составим чуть позже, как только мы с повелителем определимся с новыми титулами и землями, которые будут выделены нашим наследникам...

– Повелитель Ирмунда ждет наследников? – опешил Аруш. – А как же наша светлейшая принцесса Барияр? Ведь все только и судачат о ее браке с темнейшим?

– К сожалению, пока не ждет. Но надеется завести их в будущем, – поторопилась я с пояснением.

– В связи с этим у нас к тебе важное дело, – уведомил Анриш.

– Да, конечно, чем могу помогу...

* * *

Знакомый кабинет рисса Аруша начал психологически давить. Персона, которую мы пригласили, заставила себя ждать. И я опасалась, что она вовсе не придет, просто побоится какой-либо подставы или ловушки. Теперь-то мне известно, что быть магом жизни в Байрате, впрочем, как и везде на Хартане, весьма опасно.

А вот Анриш сидел в соседнем кресле и, кажется, вообще ни о чем не волновался. Пока мы ехали сюда, он с любопытством рассматривал из окна кареты улицы Ройзмуна, людей, витрины лавок. Его интересовало все, даже состояние городских дорог. И попадая в очередную яму или подпрыгивая на колдобине, в отличие от меня, он довольно улыбался каким-то своим мыслям. Я могла лишь предполагать их направление, с учетом его положения и должности. Похоже, мнение ди-ре Сола было не в пользу Байрата.

Рисс Аруш тоже тайком следил за своим новым клиентом, но мне показалось, чем дольше длилось их знакомство, тем более уважительно и спокойно смотрел на него. Вот уже два часа, как мы в его кабинете ждали...

– Лея Злата фин Рыбка, – объявил помощник поверенного, прервав мои размышления, и распахнул дверь перед той, от кого так много будет зависеть.

Анриш едва заметно вскинул брови и бросил на меня недоуменный взгляд. Наверно, слышал это имя раньше. Ах, да, земли барона фин Рыбки граничат с территорией Ирмунда. Анриш же занимается, грубо говоря, безопасностью королевства и трона, значит, знаком с соседями. Однако про мага жизни у себя под боком однозначно был не в курсе!

В кабинет неуверенно зашла моя старая знакомая – очаровательная белокурая девушка с тонкими, изящными чертами лица. Раздумываясь с мороза. В теплом стильном пальто в зелено-коричневую крупную клетку с меховым воротником и манжетами. Из-под него выглядывал подол коричневого шерстяного платья и сапожки. Увидев меня, долгожданная посетительница взметнула густой веер светлых длинных ресниц и потрясенно распахнула большие яркие изумрудные глаза:

– Эмария?

Впервые увидев эту красавицу, я мысленно назвала ее Золотой Рыбкой. И сейчас, спустя почти пять лет, она именно ею и была для меня. Точнее, я очень надеялась, что она исполнит мое заветное желание и потому искренне улыбнулась:

– Доброго и светлого дня вам, лея фин Рыбка!

Девушка невольно тоже ответила мне улыбкой, но затем ощутила густой запах тьмы, успевший пропитать всю комнату, и насторожилась. Испуганно оглянувшись, она замерла, глядя на Анриша, который медленно встал со стула.

– Темный? – в ужасе пискнула Злата и явно дернулась бежать, но не успела, Анриш привычным мановением руки захлопнул дверь.

Я поторопилась ее успокоить:

– Лей Злата, не пугайтесь, прошу вас. Это мой муж, он сопровождает меня для защиты. Сюда вас пригласила именно я, поговорить.

– Муж? – потрясенно вытаращилась на меня лей, но даже это не смогло испортить ее нежной утонченной красоты.

Я как можно радушнее улыбнулась, наверное, во все тридцать два зуба, и невольно пожалала плечами, как бы признавая: ну да, может не самый привычный, зато самый лучший. И заметила:

– Пути любви неисповедимы!

Анриш снисходительно, но довольно хмыкнул, Аруш спрятал усмешку, опустив голову. Наверное, веселая, доброжелательная обстановка помогла Злате чуточку успокоиться, не смотреть на нас затравленным зверьком. Кашлянув, она вполне ожидаемо спросила:

– Зачем я здесь? Как вы здесь оказались?

Анриш многозначительно глянул на поверенного и тот, кивнув, вышел из кабинета. Муж активировал глушилку. Лицо Златы вновь

побледнело, но я жестом предложила ей присоединиться ко мне, сесть за стол, на котором стоял поднос с исходившим ароматным паром чайником и красивыми фарфоровыми чашками, и предложила:

– Может быть чаю, лея? А то погода в Ройзмуне нынче снежная и холодная.

Злата, от решения которой так много зависит, машинально кивнула, а потом, вздрогнув, отрицательно мотнула головой. Ага, опасалась отравы или чего похуже. Посмотрев ей в глаза, я пообещала:

– Клянусь, это просто чай. Сама заварила. Успокаивающий и укрепляющий состав. Вам ничего здесь не угрожает. С нашей стороны!

Налила себе первой и с удовольствием отпила. Золотая Рыбка нервно косила взглядом то на меня, то на Анриша и нет-нет, да принималась к его магии.

– Хорошо, – решила она, – налейте и мне, пожалуйста. На улице и правда сегодня морозно и метель эта...

Пару минут мы крохотными глоточками чая тянули время, присматриваясь друг к другу. Наконец я решила:

– Лея фин Рыбка, я прошу вас дать клятву, что обо всем, сказанном мной здесь, вы никому не расскажете.

– Я могу уйти прямо сейчас и ничего не слушать. Мне чужие тайны, особенно связанные с темными, точно ни к чему, – резонно предложила она и поставила чашку на стол, собираясь встать.

– Вы хотите остановить войну? – я подалась всем телом к девушке. – Избавить брата и сестер от тяжелой королевской службы, чтобы их не выжали досуха, если за ним или его наследником в очередной раз придет смерть?

– Мы слишком незначительный род, чтобы от нас зависело продолжение или прекращение войны, – не согласилась она и, взяв с колен перчатки, встала.

– Я прошу вас! Мне очень нужна ваша помощь. Или совет! Но при этом я буду вынуждена раскрыть государственные тайны Ирмунда. Только поэтому попросила о клятве неразглашения.

Злата посверлила меня внимательным взглядом, медленно опустилась на стул и с идеально прямой спиной и явной неохотой дала клятву. Затем поторопила меня:

– Я слушаю.

– Сперва я представлю вам своего мужа, – сжав кулаки на удачу, я можно сказать, добила ее, – Лея фин Рыбка, это второй наследник трона Великого Ирмунда, герцог Анриш ди-ре Сол. Маг смерти и верховный жрец Белой Эйты.

– Самого темного дня вам, эйт ди-ре Сол, – встав и слегка склонившись, хрипло почти прошептала Рыбка.

Я чувствовала ее внутреннее напряжение, до предела, как тетивы, готовой спустить стрелу.

– Вы достойны уважения, светлейшая лея, за вашу храбрость и выдержку, – сделал ей комплемент Анриш, приблизившись к нам.

Встал за моей спиной и положил ладони мне на плечи. Я подумала, что Злата оказалась лучше подготовленной, чем я. Знает принятые в Ирмунде приветствия. Близкое соседство с темными сказалось?

– Чего вы от меня хотите, эйты? – не сумев справиться с голосом, по-прежнему хрипло спросила она, объединив нас с Анришем в одно целое, темное целое.

– Я предлагаю вам стать повелительницей Ирмунда, – ухнула я сразу с самого важного.

– Что, простите? – Злата вновь округлила и так не маленькие глазищи.

– Если вы согласны, можете стать повелительницей Ирмунда! – улыбнулась я.

– Это шутка? – разозлилась она.

– Нет, – я мотнула головой, – так уж вышло, что повелитель Великого Ирмунда, Ромус ди-ре Солар, настолько сильный маг смерти, что родить ему наследника способна исключительно маг жизни, светлая.

– А сами что? В повелительницы не горите желанием? – едко парировала она.

– Я уже замужем, – напомнила я. – И люблю его брата. Так что в повелительницы мне ну никак нельзя.

– Любишь? – обхватив мой подбородок, Анриш вынудил меня задрать голову и посмотреть ему в глаза.

– А ты все еще сомневаешься? – удивилась я. – С вами можно жить либо по большой любви, либо по расчету. Как ты уже знаешь, брак по расчету не для магов жизни. Я же говорила.

– О том, что уже любишь меня, ты не говорила! – укорил Анриш.

– Ты, вообще-то, тоже не говорил! – возмутилась я.

– Я жрец смерти, мне положено быть логичным и бесчувственным, – пожал он плечами.

– А я беременный маг жизни, мне можно все! – возразила я и глубоко задышала, чувствуя, что сейчас разорвет от взрыва эмоций.

– Прости, Машенька, – примирительно попросил Анриш и начал успокаивающе массировать мои плечи.

Рыбка с непередаваемым выражением лица, будто ее пыльным мешком накрыли, наблюдала за разборками в нашем светло-темном семействе. Я, наслаждаясь теплыми руками Анриша, неожиданно вспомнила, что он никогда ничего не делает просто так. Возможно, наша пикировка и его покладистость, пусть нечаянно, поможет настороженному магу жизни увидеть, что темные маги тоже люди. Хотя, может это дурацкое предположение?

Отбросив сомнения, я принялась ковать железо, то бишь добиваться от Золотой Рыбки согласия, пока та не погрязла в своих:

– Так вы согласны в повелительницы? Ромус поклялся не давить на вас с решением. И не мстить, если откажетесь.

Вопреки моим обещаниям Злата побледнела:

– Мстить?

Я махнула рукой:

– Темные же. Что с них взять. Но Ромус и Анриш на крови поклялись, что только вы будете решать: соглашаться или нет на это сомнительное предложение... – Анриш неожиданно стиснул мои плечи, отчего я пискнула: – Ой!

– Повелитель Ирмунда настолько страшный и жуткий? – иронично улыбнулась на «сомнительное» Рыбка.

Похоже, наши отношения с магом смерти начали ее забавлять. Чтобы помочь ей принять решение, я с усмешкой предложила:

– Сейчас покажу. Я попросила слепок памяти, где он в живую запечатлен.

И активировала выданный мне сегодня утром перед отправкой артефакт. Дальше мы со Златой во все глаза смотрели «кино» – маленькую цветную голограмму из роскошной спальни. Ромус приближался к нам от двери этакой вальяжной поступью сытого, уверенного в себе льва. Платиновые волосы в легком беспорядке,

подбородок, как у Анриша, поблескивал светлой щетиной, черные глаза горели чувственным голодом. Фигура поджарая, мускулистая, вот прямо хоть сейчас такого альфа-самца на обложку женского журнала. Ромус встал напротив нас, неторопливо расстегнул и снял белоснежную рубашку, продемонстрировал свои мужественные стати. Затем, чуть наклонив голову, горячо, призывно посмотрел прямо на нас и обольстительно улыбнулся, блеснув крепкими жемчужными зубами.

После приглушенного сглатывания Анриш деактивировал артефакт и сердито уставился на меня.

– Это не я, вообще-то! Мне этот бабник сто лет не нужен! – возмутилась я.

Посверлив меня подозрительным взглядом и убедившись, что я не вру, Анриш перевел ставший довольным взгляд на мою собеседницу. Та алела щеками и не знала, куда деть глаза. Но, тем не менее, решила пойти в наступление, желчно заметив:

– Видимо это воспоминание его любовницы?

– Одной из, – уточнила я с усмешкой, а чтобы не дожидаться «подзатыльника» от мужа, прояснила главное, – но лично вам переживать не о чем. Потому что Ромус даст клятву верности, если согласитесь стать его женой и родить наследников.

– Темный добровольно согласится потерять свободу и стать зависимым от светлой? – опешила Злата и вопросительно взглянула на Анриша.

– Когда нет выбора, – тот бесстрастно пожал плечами.

Я выразительно глянула на темного умника, невольно вспомнив, как он меня вынудил стать женой. Выбора у него не было, видите ли. Это мне его не оставили! Фактически-муж широко ухмыльнулся, ощущая мои эмоции и, конечно же, догадываясь об их причине.

– А если я не соглашусь? – откинувшись на спинку стула, спросила Злата, пристально наблюдая за нами.

– Ничего не будет. Они оба поклялись мне в этом. Однако я буду просить вас помочь мне с поиском другой кандидатуры в повелительницы Ирмунда.

Фин Рыбка невольно посмотрела на оставленный на столе артефакт с чувственным «видео» от Ромуса. И я ее поняла: оба мага смерти слишком яркие, слишком неординарные и харизматичные, во

всем слишком. Коварный Ромус продемонстрировал себя с самой беспрюирышной стороны. Ведь о других его сторонах эта белокурая красота еще не в курсе. Ох, и трудный у нее выбор!

Злата нервно потерла лоб:

– Даже не знаю, что ответить. Это настолько нереальное, неожиданное и... темное предложение, что я в полной растерянности! Будто какой-то сон... или дурная шутка...

– Если бы шутка. Нет, все реально. Лея Злата, поверьте, он красивый, умный, сильный. Да, еще и коварный, жестокий, хитрый и... темный, в общем, что мне вам рассказывать... – Анриш скрипнул зубами, слушая мои не всегда удачные комплименты своему брату, а я продолжила нахваливать: – Зато благодаря клятве верности этот великолепный мужчина будет принадлежать только вам. Это защитит вас от измен и поможет ему полюбить вас...

– Ты решила ее окончательно запугать? – прошипел Анриш.

Рыбка удивленно посмотрела на моего темного:

– Любовью?

– Они считают любовь одержимостью, слабостью, – поделилась я с ней только нам, светлым, понятной иронией.

Мы одарили Анриша снисходительными усмешками, следом Злата уже серьезно посмотрела на меня:

– Брак с темным, магом смерти, еще и повелителем – это в любом случае смертельный риск. Я же провинциальная аристократка, маг жизни, вы же сами знаете, наши обстоятельства и ограничения.

– Ваш статус не принципиален...

Но Рыбка оборвала Анриша:

– Мы выходим замуж только по любви. А в случае с повелителем... я вижу лишь минусы и трудности. Одна лишь красивая внешность не может быть решающим фактором, когда на кону моя жизнь.

– Земли вашей семьи граничат с Ирмундом, насколько я помню? – ровно уточнил Анриш, а я поняла, что не ошиблась в своих подозрениях.

Все он помнит и знает!

– Да, – настороженно ответила Злата.

– Вы знаете, что принцесса Барияр – пустышка? Понимаете, что мирный договор между нашими королевствами из-за этого тоже может

стать пустышкой?

– Она не пустышка! Она целительница, просто слабенькая, – запальчиво опровергла Злата.

– Любопытно, что вы об этом знаете, хотя королевская семья скрывает сей факт, – с кривой усмешкой протянул Анриш.

– Почему? – удивилась я.

– В роду воздушников родилась целительница... – поморщилась Злата.

Я вытаращилась на сокурсницу, намекнувшую, что королева банально нагуляла дитя от кого-то из магов целителей, которыми окружил себя король Байрата. Выносить сор из избы не стали и девочку признали.

Мне только и осталось покачать головой:

– Тогда понятно, почему ее согласились отдать Ирмунду.

– Не согласились, а сами предложили в залог мира, уже зная, что слабая светлая может просто не пережить вынашивание столь сильного темного, – мрачно добавил Анриш.

– Я слышала, раньше она была помолвлена с кем-то из высокородных магов жизни. Но в ходе мирных переговоров его величество разорвал помолвку и предложил ее руку повелителю Ирмунда, – грустно поведала Злата.

– Зачем же Ромус согласился? – не могла не спросить я.

– Дорогая, если бы он действительно согласился, нас бы здесь не было, – усмехнулся мой любимый темный.

– Весь Байрат судачит о бедняжке Барияр как о будущей жертве темного, а он, понимаешь, в игры играет, – буркнула я.

– Трон Ирмунда в этом точно не виноват, – открестился Анриш и уставился черными глазищами-сканерами на Злату. – Леи, мы слишком отклонились от цели нашей встречи. Вы, лея фин Рыбка, можете не только своим согласием помочь закончится войне. Но и, некоторым образом, помочь вашей бедной принцессе. Спасти ее от навязываемого королем жуткого брака... Ведь ей Ромус клятву верности дать не обещал...

– Я в спасительницы мира и принцесс не напрашивалась, – возразила Злата, и я ее прекрасно понимала.

– Ваши земли граничат с нашими. Насколько я помню, у ваших родителей помимо вас и брата еще двое дочерей. И догадываюсь, все

вы маги жизни...

– Анриш! – ахнула я на неприкрытый шантаж и угрозу.

– У Ромуса безвыходное положение, дорогая! Иначе он не разбрасывался бы клятвами. Не рисковал мирным договором. И ему было бы плевать на судьбу подневольных принцесс, – сухо парировал Анриш, а потом тяжело взглянул на Злату. – Он же внешне заинтересовал вас, понравился?! И будет весь ваш, от макушки до пяток! Вы красивая, явно не глупая, и способны привязать такого как он не только телом. Но и душой! Чего вы боитесь?

– Помимо супруга повелителя и мага смерти, есть еще дворец со всеми его интригами, опасностями и ядовитыми обитателями, – резонно напомнила Злата и вновь бросила взгляд на артефакт на столе.

– Ромус – сильный маг. Он способен защитить свою жену и мать его будущих детей от любой опасности! Даже не из-за любви или клятвы верности, а просто из чувства собственного достоинства и чести. Никто не посмеет даже косога взгляда бросить на наших женщин, иначе сотрем с лица Хартана! – жестко и непоколебимо заявил Анриш.

Злата еще сомневалась, поэтому Анриш продолжил давить:

– Я не угрожаю и не шантажирую, мы дали вам клятву, что не будем мстить, и сдержим, чего бы это ни стоило. Но как долго еще вы сможете скрывать, что все в вашем роду маги жизни? Когда король Байрата, не пожалевший девушку, которую вырастил, решит поставить живым щитом ваших родных, брата, сестер, между собой и смертью? А если мирный договор после гибели принцессы будет нарушен? Вы же живете рядом с Ирмундом, на границе между светлыми и темными. Ваша семья в любом случае не останется в стороне! А мы защитим не только вас, но и ваших родных! Приложим все усилия!

Злата молчала, хмуро взирая на Анриша, резавшего правду-матку словно свежий кусок мяса с кровью. Без жалости! Подарил надежду ее очередной, словно привязанный взгляд на артефакт с «видео». Похоже, чувственный стриптиз Ромуса ее сильно впечатлил. Хитрый соблазнитель!

Вот только у меня на душе было откровенно тяжело, ведь именно я ее втянула в «историю с географией». Втянула ни в чем ни повинную девушку, которая пять лет назад своевременно посоветовала мне спрятать золотые искры в глазах – спасла от незавидной участи

королевского щита. Я слишком поспешно, легкомысленно отнеслась к своей затее, лишь бы перевести «стрелки» от себя. Наивно сочла, что парочка клятв способна как-то защитить Злату от интересов Ирмунда, если та не согласится. Зато Анриш показал, что обойти эти клятвы не трудно, просто нарисовал мрачную картинку опасностей для ее семьи. Давил на самое слабое место.

Рыбка с минуту разглядывала свои побелевшие от напряжения руки, сцепленные на коленях. Наконец, она подняла на меня изумрудные глаза и, сощурившись, с вызовом спросила:

– В случае моего согласия, лея фин Ришен... простите, эйта ди-ре Сол, вы сами согласитесь всегда и во всем помогать мне? Быть рядом?

Эх, вот работать фрейлиной, или как там эта должность называется, у повелительницы я точно не хотела бы, но, увы, сама заварила эту кашу, пересоленную и невкусную. Так что остается только ее съесть в приятной компании. К тому же есть чему порадоваться: в темном царстве и мне хочется светлого надежного плеча, поэтому уверенно обещала:

– Буду.

– Мне необходимо посоветоваться с семьей и получить согласие, – решила фин Рыбка, вновь невольно бросив взгляд на артефакт на столе.

Мы с Анришем встрепенулись:

– Я помогу вам попасть домой порталом, чтобы не терять даром время на длительное и рискованное путешествие. Завтра мы прибудем к вам за ответом, – вкрадчиво, любезно предложил Анриш. – В случае согласия, предлагаю и вашей семье воспользоваться нашим порталом, чтобы попасть во дворец для более близкого знакомства с женихом. Естественно, в любой момент мы можем так же порталом вернуть вас обратно в Байрат.

Злата, немного подумав, неожиданно с толикой стыдливости призналась:

– Повелитель должен знать, что моя семья на грани разорения. Мы столетиями содержали детский приют, лечебницу для бедных и...

– Повелителю не нужно ваше приданое. Более того, если вы согласитесь, вашей семье будет пожалован темный титул и владения. А долги барона фин Рыбки в Байрате полностью погасят.

– Я тоже мечтала организовать бесплатную лечебницу, – мечтательно призналась я.

– И еще приюты для детей! – Злата с надеждой прижала к груди кулаки. А потом расстроилась: – Правда, моя семья из-за этого обнищала.

– Поднимем налоги для богатых! – хихикнула я.

– Я согласна! – обрадовалась Злата.

– Леи, сразу предупреждаю, чтобы иллюзий не питали: к управлению Ирмундом вас и на полет стрелы не допустят. Королевством мы с братом сами занимаемся! – строго обломал нас Анриш.

– Ой, да никто не спорит и на ваше место не претендует, – заверила я, но о грандиозных планах предупредила, – ведь поиск средств на содержание наших лечебниц и приютов – уже ваша проблема.

– Предлагая магу жизни темный трон вы же должны понимать, что придется чем-то пожертвовать, – спокойно пояснила Злата.

– В разумных пределах! – скрипнул зубами Анриш. Его выдержка едва не трещала, будто мы по миру пустить Ирмунд собрались. – В четко обозначенных пределах. Предварительно согласованных с нами... за десять лет, не меньше!

Под нашими хмурыми взглядами Анриш совершенно неожиданно для меня сдался:

– Однако торг за размер благотворительных квот уместен.

Обсудив еще несколько важных для нее моментов, наша Золотая Рыбка отправилась к родителям. Я видела, что Анриш нервничал, опасался, что дело может сорваться, если кто-то из светлых пронюхает о планах Ирмунда на байратских магов жизни. Поэтому портал Злате построили с выходом в уединенном месте, в саду родного поместья, а не прямо в доме. Мы договорились, что завтра утром придем за решением туда же.

Помахав друг другу, мы расстались на позитивной ноте. Я надеялась, ненадолго.

Глава 19

Портал из Байрата привел нас в незнакомый зал. Небольшой, в изумрудно-золотой гамме, с круглым столом, накрытым к завтраку, с удобными стульями, обитыми зеленым бархатом, с мягкими подлокотниками. Вдоль стен выстроились лакеи в форме. Видимо, мы перешли сразу во дворец.

Помимо нас с Анришем в Ирмунд со Златой на смотрины отправились ее отец и мать, остальных родичей барон фин Рыбка категорически отказался посвящать, куда и зачем отправляется. Для домочадцев они ушли порталом в столицу помочь кому-то очень важному. Конечно, барон опасался какой-либо ловушки или обмана.

На то, чтобы осмотреться, у нас была лишь минутка, вскоре двери распахнулись и в обеденный зал стремительным шагом вошел Ромус ди-ре Солар.

– Темнейший! – почтительно выдохнули Рыбки.

Я вместе с Златой и ее мамой Лидией присела в глубоком реверансе, барон поклонился. Анриш коротко кивнул брату.

Силу Злата фин Рыбка унаследовала от отца, а вот внешне походила на мать, слабенькую целительницу. Несмотря на то, что Лидия фин Рыбка мать довольно взрослых четверых детей, она сохранила изящную фигуру, свежесть и красоту. Не утратила прелести и обаяния. Еще и оделись обе фин Рыбки в платья схожего фасона, элегантные, из тонкой шерсти: дочь – в лиловое с воротом-лодочкой, ее мать – в нежно-зеленое с отложным воротничком.

Ромус, скользнув по гостям быстрым взглядом, буквально ринулся к Злате:

– Счастлив видеть вас, моя нежная фиалка, в своем скромном доме!

Его не формальное приветствие прозвучало восторженно и с легкой хрипотцой. Повелитель взял Златину руку, поднес к своим губам для поцелуя и замер, заметив, что девушка поморщилась. Может быть, ей, как и мне, не понравилось странное монаршее приветствие?

– Хризантема? – предложил Темнейший, прищурившись и явно следя за эмоциями девушки. – Нет? Моя дивная белая роза? Тоже нет?

Да вы привереда, моя дорогая...

– Не ваша! – барон растерял страх перед хамоватым повелителем.

Зато столь нестандартная встреча, особенно приветствие, заметно снизило градус напряжения и опасения в нашей брачной компании. Злату, как и наша вчерашняя семейная перепалка с Анришем, ситуация позабавила. И свою руку из ладони Ромуса она выдергивать не спешила. После безуспешной попытки скрыть свое восхищение повелителем, она жадно, с горячим интересом смотрела, буквально не могла отвести от него изумрудных, сверкающих золотыми искрами глаз.

Мне невольно вспомнился день, когда я впервые увидела Анриша. Ледяная, бесстрастная, высокомерная «статуя» с первого взгляда привлекла мое внимание и с того момента окончательно покорила, пленила, забрала душу и сердце. Я невольно выдохнула вслух:

– Противоположности притягиваются...

Анриш и Ромус – абсолютный минус, а мы со Златой – абсолютный плюс. Можно сказать, полярные половинки одного целого.

– Все может быть, – тихо согласился у меня над ухом Анриш, с ухмылкой наблюдая за знаменательной встречей, о которой, уверена, будем рассказывать нашим общим детям и внукам.

– Ваше темнейшество, позвольте напомнить, что вы поклялись не...

– Ох, простите мою невежливость, – так и не выпустив руку Златы, Ромус обратил внимание на ее родителей. – Клянусь, я просто потерял голову от вашей очаровательной дочери!

Подхватил под локоток баронессу и, улыбаясь барону, настойчиво повел его дам к столу.

– Я понимаю, мои жена и дочь невероятно красивы, но все же...

Договорить подобрешему барону Ромус не позволил:

– Откровенно говоря, вся эта авантюра нашей драгоценной герцогини ди-ре Сол, сперва показалась мне крайне обременительной и сомнительной, мне бы пришлось поступиться слишком многим. – Пока Ромус делился своими мыслями, у Рыбок, впрочем, как и у меня, вытянулись лица от неприятного удивления. Я еще и не сразу поняла, почему авантюра матери Анриша, когда это была целиком моя идея. Но хмурые взгляды родителей Златы в мою сторону подсказали, что

герцогиня ди-ре Сол – это про меня, оказывается. – Так вот, целые сутки опасался, что беру кота в мешке. Можно сказать, ночь не спал...

– Ничего, сегодня выспишься, – сухо намекнул Анриш, что сейчас кого-то либо пошлют, либо побьют.

Мы со Златой откровенно задымили от злости, а Ромус все шире ухмылялся, продолжая развлекаться:

– Признаю, брат, что ты вчера был абсолютно прав. Теперь и я уверен, что не пожалею о данной мною клятве хранить верность этому нежному прекрасному цветку...

– Вы ее еще не давали моей дочери! – сурово напомнил барон. А потом, спохватившись, добавил: – Нижайше прошу прощения, что вынужден напомнить об этом важнейшем условии нашего договора.

Ромус улыбался, но я уловила в его черных, наглых и хитрющих глазах искорку досады. Вот зараза темная, устроил этот цирк с конями, чтобы сбить всех с толку и взять в оборот. Попытался-таки убедить нас, что все клятвы уже даны. Лакеи незаметными тенями сновали вокруг стола, предлагая блюда, но похоже, была голодной одна я. Ну еще Анриш поддерживал. Злата нервно теребила салфетку на коленях, как вчера перчатки. Ее мама откровенно трусила и просто тарасилась на будущего зятя в напряжении, а вот барон упрямо защищал интересы своей дочери. Ну а как же иначе, если ее интерес к повелителю он тоже подметил и понял, что браку быть. Вот и бдел условия сделки. Молодец, этот светлый барон, одобряю!

Неожиданно двери распахнулись и в зал впорхнула яркая красавица в очень провокационном синем платье – облегающем и с внушительным декольте, почти не оставившем простора воображению. И это по утра.

– Ромус... – замолчав, женщина «смущенно» хлопнула длинными ресницами, а потом продолжила. – Ой, ваше темнейшество, простите за опоздание, но прислуга не предупредила меня о том, что вы перенесли завтрак в этот зал.

Зазывно улыбаясь и покачивая бедрами, она приблизилась к столу. Затем окинула присутствующих цепким изучающим взглядом. Взглядом отнюдь не непонятливой дурочки, а той, кто решил ее прикинуться ради своих интересов. Все стулья за столом были заняты, рядом с Ромусом сидели я и Злата. Прекрасная незнакомка, капризно

надув губки, таким привычно-интимным жестом положив ладонь на плечо повелителя, приказала ближайшему лакею:

– Поставьте для меня стул рядом с повелителем!

– Мордалео! – громко позвал Ромус.

Высокий, крепкий, похожий скорее на военного мужчину в черной ливрее как черт из табакерки возник рядом с повелителем и поклонился:

– Ваше темнейшество?!

– Эйта ди Рам прямо сейчас отправляется в свое имение. Покои, которые она занимала, внесите в список свободных.

– На какой срок? – все же решился уточнить Мордалео, отметив побелевшее сначала от гнева, а потом страха лицо красотки.

– Эйта ди Рам, я уверен, навсегда предпочтет провинциальную жизнь замужней эйты столичной суете.

– Повелитель?! За что? – потрясенно просипела получившая отставку фаворитка.

А Ромус продолжил ледяным тоном, обращаясь исключительно к распорядителю:

– Проводи эйту, она торопится домой и замуж.

Мы с фин Рыбками таращились на Ромуса. Анриш едва заметно ухмылялся, а Мордалео встав перед эйтой ди Рам, выжидающе смотрел, пока она, бросив на повелителя отчаянный взгляд, не побрела на выход как в тумане.

После того как за ними закрыли дверь, Ромус вспомнил о чем-то важном, потому что приказал лакею подать ему бумагу. Я скосила глаза на быстро написанный им десяток фамилий, насколько поняла, и не ошиблась, потому что лист он передал вернувшемуся Мордалео со словами:

– Возьми. И этих тоже. – Поймав мрачный взгляд Златы, Ромус с секундной заминкой завершил: – Эти покои тоже немедленно освободить. Бессмысленные затраты на содержание... лишних покоев мне больше не нужны. Ты все понял?

– Да, ваше темнейшество, – заметно озадаченный поведением повелителя Мордалео мельком глянул на Злату, а в следующий момент в его глазах мелькнуло понимание, он почтительно поклонился и ушел выполнять приказ.

– Какая у вас насыщенная жизнь, ваше темнейшество, – не без ехидства отметил барон фин Рыбка.

– Нежной, но твердой руки повелительницы не хватает, тут вы абсолютно правы, – не то признал, не то вывернулся Ромус. Слегка повернув в сторону голову, он приказал слугам: – Всем выйти.

Оставшись в тесном семейном кругу, Ромус накрыл руку Златы своей и таким вот прямо мурашечным, проникновенным голосом, под которым она заметно поплыла, спросил:

– Я готов принести тебе клятву верности хоть сейчас. Ты готова ее принять? Стать моей женой?

Мне, сидевшей по правую руку от повелителя было прекрасно видно выражение лица Златы. Ее расширенные, будто под гипнозом, сияющие глаза. Она любовалась Ромусом, трепетала перед ним и добровольно, с большим желанием ответила:

– Да, согласна!

Старшая фин Рыбка горестно всхлипнула, такого зятя она явно не желала себе даже в страшном сне. А вот барон, воодушевленный выселением темных фавориток, наоборот, расслабился и подобревшим взглядом наблюдал за дочерью и ее неоднозначным женихом.

Дальше Ромус принес клятву верности, пустив себе кровь собственным скарификатором, похожим на тот, что я ношу на шее. Надел родовой перстень-артефакт Злате на палец и удовлетворенно откинулся на спинку стула. При этом филигранно «не услышал» ее болезненный «ой» после активации артефакта и недоуменно-подозрительные взгляды барона и баронессы. Еще и посмотрел на нее совсем другим взглядом, этаким собственническим, довольным, словно сделку жизни совершил. Моей новой родственнице еще предстояло узнать, что благодаря этому колечку она тоже будет верна Ромусу до конца жизни.

Поцеловав пальчики своей почти жены, вогнав ее в краску от смущения и удовольствия, Ромус объявил, удивив всех, кроме посерьезневшего Анриша:

– Брачный обряд проведем завтра. Одновременно и для вас, и для нас. Ты прав, уж больно день удачный для такого случая...

– А как же Ройзмунская академия и мой диплом? – опешила Злата.

– Дорогая, поверь, диплом Далеитской академии ничем не хуже! Спроси у Маши, она вон талантами своих светлячков всю столичную

академию на уши поставила. Мне страшно представить, что эти светлые избранные по обмену выкинут дальше. Захватят умы всего Ирмунда? Устроят переворот?

На меня уставились три пары зеленых глаз ошеломленного семейства фин Рыбок.

– Мы по мелочи не размениваемся, – зловеще усмехнулась я, подражая оскалам темных. – И готовимся захватить умы всего Хартана.

Посверлив меня недоверчивыми взглядами, светлые нахмурились, похоже, решили, что над ними подшучивают. Злата с улыбкой спросила:

– А как же бесплатные лечебницы и приюты?

Улыбнувшись, я пожала плечами и выдала, опустив все формальности:

– Анриш вчера сказал, что нас к распределению финансов из казны Ирмунда не допустят. А план предполагаемых расходов нужно предоставить за десять лет вперед. Так что я придумала, откуда нам денег взять на свои хотелки. Они еще сами к нам деньги на нужды Ирмунда придут просить.

По-видимому, фин Рыбки окончательно записали меня в неадекваты. А вот повелитель с братом были более дальновидными и очень умными. Тем более, на концерте уже побывали. И какое впечатление на толпу своей музыкой мы оказали, видели. Поэтому, одновременно подавшись в мою сторону, предупредили:

– Налоги будешь платить не Байрату, а Ирмунду!

– Вообще-то, благотворительность освобождается от налогов, – возмутилась я.

– После обсудим, – величественно махнул рукой жадный, корыстный, бессовестный повелитель.

А вот Анриш почему-то с нежностью улыбался, глядя на меня, пыхтевшую от злости. Все же загадочный мне муж достался.

* * *

Дворец мы с Анришем вскоре покинули, ведь он торопился показать мне собственный дом. И накануне важного для обеих

брачующихся пар дня неплохо было бы как следует отдохнуть и подготовиться.

В герцогской карете было мягко, тепло и довольно комфортно катиться по заснеженным улицам Далеята. Широкие улицы столицы радовали чистотой и рядами нарядных солидных домов. Множество витрин торговых рядов манили посетить лавки с местными товарами, громко кричали зазывалы в ресторации и таверны, сновали сотни прохожих. Город жил сытой и насыщенной жизнью. Анриш следил за впечатлением, которое оказывала на меня их столица. И мои восторги он принимал с облегчением и одобрением.

Сделав большой круг по городским улицам, мы вернулись к дворцу с другой стороны. Нашей целью оказался внушительный и помпезный особняк в глубине огромного ухоженного парка с расчищенными от снега дорожками и даже ледяными скульптурами. С виду этот особняк мало уступал дворцовому комплексу повелителя. Скорее это демонстративное проявление уважения в пользу рода ди-ре Соларов.

Нас ждали, потому что на широкое полукруглое крыльцо герцогского дворца сразу вышло несколько встречающих. Первой спешила эйта Ильза ди-ре Сол, мама Анриша. В пушистом меховом манто, черном глухом платье и туфлях на низком каблуке. За ней двумя рядами выстроилась прислуга в черной форме и белых фартуках, не перепутаешь.

– Мама, темнейшего тебе дня! – довольно улыбнулся Анриш, сам помогая мне спуститься по ступенькам кареты.

– Я так рада вас видеть дома, дети! – искреннее воскликнула эйта Ильза и как в прошлый раз ринулась обниматься.

И пока свекровь знакомо стискивала меня в не по-женски крепких объятиях, окунув в густой аромат темного сильного мага, Анриш наклонился к ее уху и что-то шепнул.

– Белая Эйта несказанно щедра к тебе, Анриш! – восторженно, счастливо выдохнула Ильза, хватаясь за его предплечье.

– Согласен, – усмехнулся ее сын.

– Пойдем в дом, дорогая, нечего ноги и нос морозить. Я приказала накрыть стол и...

– Я очень рада вас снова видеть, эйта ди-ре Сол! – я смогла впихнуть в их обмен любезностями свои две копейки. И добавила: –

Мы буквально час как вышли из-за стола Повелителя.

– Интересно, по какой причине твой пронырливый братец вынудил вас обедать у него, а не в собственном доме? – насторожилась Ильза.

– Собирается жениться, – хихикнула я.

Но свекровь мое веселье не разделила – побледнела от злости и гневно уставилась на сына:

– Он что – пытается лишить тебя...

– Нет, у него теперь есть своя, – Анриш одарил мать умиротворяющей усмешкой.

– Боги, Великая Белая Эйта милосердна и просто сказочно щедра к своим жрецам и Ирмунду.

– Мы вернем ей благодарность сторицей, – пообещал Анриш.

Я чуть не споткнулась после его слов. Ведь он не просто жрец, а жнец самой Смерти. Чем жнецы смерти радуют свою покровительницу догадаться не сложно. А тут столь зловещее обещание отблагодарить сторицей...

Представлять мне слуг никто не стал, как и морозить на улице. В холле Анриш объявил собравшимся слугам:

– Отныне главная ценность этого дома – эйта Эмария ди-ре Сол. Герцогиня и моя жена. Требую уважать и жаловать!

Чем их основательно потряс! Следующий час мы гуляли по герцогскому дворцу, заглядывая во все мало-мальски интересные или важные помещения. Ильза с нескрываемым удовольствием хвалилась своим домом, словно сошедшим со страниц какого-нибудь местного журнала «Дом и интерьер».

Я ходила словно по музею, любовалась, восхищалась, но никак не могла принять, что вот это все уже завтра станет официально моим. Бывшей сироты из детдома, любимой дочери провинциального обедневшего барона, которой пришлось варить зелья ради пропитания и дров для себя и десяти пенсионеров.

Анриш сжал мою похолодевшую ладонь и шепнул на ухо, согрев своим дыханием:

– Не бойся, ты со всем справишься! Мы с мамой тебе поможем. Во всем!

Я натянуто улыбнулась и крепче сжала его пальцы, цепляясь за них словно за спасательный круг в мире нежданно-негаданно

свалившихся на меня роскоши и богатства. И чуть не подпрыгнула, когда Анриш сухо и бесстрастно заявил:

– Вон из дома!

Оказалось, не то уволил, не то просто выпер слугу, замершего навтыжку у стены с ведром угля. С чего бы, чем побелевший бедолага провинился? Однако вскоре работы лишились еще несколько мужчин и женщин, встретившихся нам в доме.

К столовой мы подошли под напряженными и испуганными взглядами остальной прислуги. Ильза решила устроить хотя бы чай со свежими горячими плюшками. Судя по ее манере общения, обращалась она не совсем ко мне, а к тому, кто поселился у меня под сердцем. Плотью и кровью ее сына, а значит и любимого, давно потерянного мужа. Словно я ребенок и меня надо кормить, поить, холить и лелеять. Ладно, только бы за щеки тискать и сюсюкать не начала.

Случайно поймала грустно-ласковый взгляд Анриша на мать, подсказавший, что я права в своих подозрениях. Ильза ди-ре Сол капельку не в себе, когда дело касалось ее сына, ее внука и всего, что имело хоть какое-то отношение к ее погибшему мужу. Придется потерпеть излишнюю опеку и ласковый бабушкин тон. Зато уже третий темный полностью на моей стороне. Кровно заинтересован в моей защите и безопасности. И вот именно этой женщине будет абсолютно плевать, светлый ее внук или темный. Просто, потому что в них течет кровь ее любимых сына и мужа, она перегрызет глотку любому недругу.

В столовой меня опять застало врасплох очередное «Вон!» лакею, обслуживавшему меня за столом. Тот словно прирос к полу.

Ну хотя бы распорядитель решил уточнить:

– Прошу простить меня, ваше темное сиятельство, можно ли узнать причину вашей немилости? В чем ошибка Рерика?

– Я не потерплю в своем доме тех, кто не ценит мою светлую жену. Кто ненавидит ее, не уважает. Кто испытывает к ней даже крохотную неприязнь, – спокойно, четко разделяя слова, чтобы каждый из присутствовавшей в столовой прислуги, а их тут человек десять набралось, услышал и проникся историческим моментом.

– Мы заботимся о процветании и безопасности вас самих и ваших семей. Платим за это своей кровью и жизнями, а вы смеете не любить

нашу маленькую светлую прелесть? – добавила яростного жара Ильза к холодному гневу сына.

Я напряженно сглотнула. Ладно Анриш, таким нехитрым, но суровым способом он предупредил своих служащих, позаботился о моем комфорте и безопасности. Уволил с десятков, зато научил разуму сотню. Но Ильза... потеря любимого на ней однозначно сказалась. Внутри все сжалось от волнения, а ведь Анриш был предельно откровенным, когда предупреждал, что любовь темных сможет оценить не каждый светлый. Любовь равную одержимости...

– Ваше темное сиятельство, молю простить мне малодушие и глупость, прошу: не гоните! Я готов выполнять самую черную работу, – отмер бедняга Рерик, низко склонившись.

– Я переведу племянника в конюшни, – попросил распорядитель.

– Первый и последний раз прощаю, – ледяным тоном произнес Анриш. – С этого момента именно ты отвечаешь, жизнью, за отношение прислуги к моей жене. Даже просто глупая шутка в ее адрес или за спиной, непослушание, кривой взгляд или иные разговоры – и ты ответишь лично! Вместе с виновником!

– Я понял, ваше темное сиятельство, – испуганно прошелестел довольно тучный и до этого весьма уверенный в себе распорядитель.

Похоже, Анриш не просто так присоединил его к виновникам, видимо, и этот слуга испытывал ко мне неприязнь. Вот муж и решил сначала проучить его с помощью племянника, а потом при свидетелях наказал следить за каждым в доме, головой отвечая.

Только я тоже хочу жить и жить, желательно, счастливо. И детям моим здесь тоже жить! Поэтому я даже бровью не повела, слушая мужа. Мысленно стенать о том, что мне достался жуткий и жестокий темный маг в мужья тоже не стала. Сама выбрала! Мой фактически-муж лучше знает, как управляться с большим штатом слуг, хозяйством и прочим. У самой-то опыт весьма ограниченный, да и то справлялась исключительно благодаря риссу Арушу и риссу Парину.

– Кушай, деточка, пока булочки пышные и горячие. Тебе полезно, – ласково прожурчала Ильза, пододвинув тарелку со сдобой и погладив меня по руке своей узкой мягкой ладонью.

«Бабуля» явно отвлекала меня от неприятных разговоров. Только вот хитрющий взгляд ее сапфировых глаз подсказал, что пусть она и не в себе, но лишь капельку! А так вдова покойного второго после опять

же предыдущего повелителя вполне себе хитрая, продуманная и не менее жесткая темная. И от сына по характеру недалеко ушла.

– Благодарю, эйта ди-ре Сол, с удовольствием, – натянуто улыбнулась я. – Э-э-э... простите, ваше темное сиятельство.

– Лучше зови меня просто Ильза, Маша, – улыбнулась она, искренне и открыто, и даже назвала именем, которое услышала от сына, когда мы знакомились. – Я надеюсь, мы станем не просто родственниками, а подругами. Мне это было бы очень приятно.

– Уверена, мне тоже, Ильза, – я вернула ей не менее искреннюю улыбку.

– Что-то засиделись мы. Может прогуляемся в парке? Главное, тепло оденься! – неожиданно предложил Анриш.

Я с радостью согласилась. Действительно, уже вторые сутки в помещении сидим. Ильза проводила меня в выделенные мне как герцогине ди-ре Сол покои. Проследила, чтобы прислуга помогла тепло одеться ее «светлой прелести» и вернула сие сокровище сыну. Гулять мы отправились вдвоем.

Парк покорила зимней красотой, хрусткой, звенящей, со смолистым запахом роскошных высоченных елей. Морозный воздух щекотал нос свежестью и едва уловимым дымком, доносимым ветерком от дома. Мы неторопливо обогнули особняк, чтобы я увидела его величие и красоту со всех сторон. А когда я устала, мы свернули к большой беседке, украшенной замысловатой деревянной резьбой, со стеклами в снежных узорах. Внутри оказалось тепло от артефакта, резные садовые лавочки и столик гостеприимно манили присесть.

– Фу-ух... – выдохнула я, стянув шапку, расстегнув шубу и плюхнувшись на лавку. И призналась: – Какой суматошный день. Устала, как за месяц в академии.

Анриш с минуту рассматривал меня, не скрывая, что любовался. Затем, приблизившись, кинул свою шапку на стол и опустился передо мной на колени. Раздвинув полы шубы, сгрел меня за бедра в охапку и уткнулся лицом мне в живот. После сел на пятки и, все так же обнимая меня, повернул голову набок и положил мне на колени. Закрыв глаза, затих и расслабился.

Конечно же, я зарылась в его платиновые волосы, наслаждалась их шелковистостью. Анриш сильнее стиснул меня ладонями, словно

хотел забраться мне под кожу, соединить нас в одно целое. Неделимое!
И от этого было радостно на душе, легко и тепло.

Неожиданно Анриш приподнял голову и, заглянув мне в глаза, приглушенно признался:

– Я люблю тебя, Маш.

– Что, прости? – просипела я растерянно.

Вдруг ослышалась? Вдруг выдала желаемое за действительное?

– До безумия... – он глядел на меня, потрясенную, недоверчивую.

И с блеснувшей в его черных глазах уязвимостью хрипло добавил: – Я одержим тобой!

– А я тобой... – наверное, я проскрипела как несмазанная дверь.

Потому что горло сжалось от накрывших лавиной эмоций и штормового счастья. Сползла с лавки на колени, и мы прижались к друг другу поцелуем. Нежным, ласковым, теплым, и любящим.

Теперь я в этом уверена.

Глава 20

Древний, полутемный храм, похожий на маленькую часовенку в глухой деревушке, вызвал трепет и дрожь в коленках. Его спрятали глубоко под землей, под дворцом, пришлось долго петлять по узкому, плохо освещенному лабиринту тайных ходов. Жутковатые тени метались по беленым стенам, светильники почему-то давали не много света, воздух показался могильным, влажным и прохладным. Остро пахло свежевскопанной землей, хотя в этом каменном мешке земли не было вовсе.

Мы со Златой испуганно жались к своим мужчинам, отчего те лишь довольно улыбались. И продолжали готовить храм к обряду. Своей кровью рисовали сложнейшие руны и взывали к своей покровительнице. Сегодня день Благодарения смерти. Благодарят эту Белую Эйту за то, что забирает тех, кто готов уйти, слишком стар и немощен, чтобы нести бремя жизни дальше. За то, что забирает врагов и наказывает виновных в несправедных делах. За то, что дарит новое начало ушедшим и соединяет их с любимыми. За то, что не пришла, подарив еще немного времени насладиться жизнью.

Когда обряд начался и кровь пустили нам со Златой, я почувствовала, как по храму прошелся ледяной ветер. Душа пойманной птичкой забилась в груди, а в голове – паническая мысль: «Не забирай меня, нас, не забирай...»

Затем перед мысленным взором вспыхнул кабинет Анхеллы и жуткие трепещущие маски теней, которые она не видела, но почувствовала. Как они кинулись тогда за нами, провоцируя бежать сломя голову, не думая, не глядя куда... прямо в бездну шахты лифта. Как я летела, и следом с молчаливым азартом нас с девочками догоняли эти самые тени...

И сейчас все мое нутро, как и в шахте лифта, сжалось от ужаса – вновь ощутила тот inferнальный холод, заметив сжимавшееся вокруг нас кольцо призрачных теней. По храму разносились уверенные, мужественные голоса Анриша и Ромуса, обращенные к богине. Только почему-то их громкий речитатив словно отодвинулся на задворки, а в

мои уши ввинчивался бесполой, до самой печенки пробиравший шепот, похожий на шорох змеиных чешуек:

– Люби ее, жнец, люби... Подарок... Мой подарок...

– Она мое дыхание, мой пульс, – неожиданно прозвучал глухой ответ Анриша.

Вскинув на него взгляд, я увидела, что его глаза полностью побелели, словно у слепца, и «устремлены» в никуда.

Неужели он общался с самой Смертью? Злата напряженно таранилась на Ромуса, но не крутила головой и не прислушивалась, как если бы ничего не слышала. Так почему мне дано?

– Люби моего жнеца, отмеченная мной!

– Всем сердцем! – вырвалось у меня в ответ на этот кошмарный шепот-шорох-призыв.

– Мария... – мое старое имя будто выморозило нутро, земное, а не хартанское. Шепот, убедившись, что полностью привлек мое внимание, вновь зашуршал змеиными чешуйками, теперь будто царапая меня изнутри: – Береги душу, моего вестника... Люби!

Захотелось крикнуть, что я и без наказов Смерти вся с потрохами принадлежу Анришу, но не успела, шорох усилился, походя на inferнальный смех. И затих, оставив затихающий шлейф последних слов:

– Достойные души достались, сильные, любящие...

* * *

– Ты посмотри на этих индюков надутых! Нет, Маша, ты глянь, как носы задирают, хотя видно же, что боятся... – выдернул меня из воспоминаний тычок в плечо от Ильзы.

Поморгав несколько раз, фокусируя зрение, я вернулась в реальность. Мы со свекровью прятались в сумраке потайного балкончика дворца повелителя, с которого открывался вид на зал приемов. Начиналась церемония встречи высочайшей делегации из Байрата, царило небывалое оживление.

А я все никак не могла отойти от воспоминаний о брачном обряде и словах самой Смерти: «Достойные души достались, сильные, любящие...» Да, обряд проходили две пары: мы с Анришем и Злата с

Ромусом. И множественное число «душ» могло относиться к нам со Златой. Вероятнее всего, так и было... Только использованное Белой Эйтой мое земное имя – Мария, а не хартанское Эмария не давало покоя. Изводило отчаянной и, возможно, глупой надеждой: может ли так стать, что госпожа Смерть имела в виду нас с Женькой и Викой?

– Его темнейшество, повелитель Великого Ирмунда Ромус ди-ре Солар, – на весь зал важно прогремел бас церемониймейстера.

Главный тронный зал далейтского дворца размером лишь немногим уступал футбольному полю профессиональной лиги и тоже прямоугольной формы. Вся стена под нами зеркальная, а вот напротив сплошь во внушительных арочных окнах, через которые лился яркий солнечный свет и сегодня некоторые из них приоткрыты, позволяя разгуливать по залу свежему весеннему ветерку. В этом году последний весенний месяц выдался на удивление теплым, а сейчас, уже на границе с летом, было откровенно жарко.

Под нашим укромным местечком раскинулся трехступенчатый помост, покрытый черным бархатом с золотой гербовой вышивкой. На самом верху, в центре, красовался трон – удобное широкое кресло с высокой спинкой в виде трезубца. И прямо сейчас его занял Ромус при полном параде и регалиях.

– Его светлейшее величество, король Байрата Мандикар фин Формарр с дочерью, светлейшей принцессой Барияр фин Формарр, объявил церемониймейстер.

Следом не менее громко и торжественно прозвучали второе и третье по важности имя лица, прибывшего на празднество по случаю подписанного этим утром мирного договора между двумя странами.

Двери распахнулись и по черной ковровой дорожке, расстеленной по центру зала степенно двинулся мой бывший сюзерен. Высокий, симпатичный, поджарый мужчина средних лет с благородно-седыми висками. Наверное, не так уж и молод, как показался. На шаг позади него плавно скользила, словно не шла, а плыла довольно высокая и стройная девушка. С медовыми волосами, уложенными в сложную прическу, зелеными глазами слабенького целителя, опущенными веером густых ресниц, точеными чертами лица, светлой чистой кожей, еще не тронутой солнцем. Изысканное розово-серое шелковое платье подчеркнуло хорошую фигуру принцессы, невинной, скромной и юной

девушки, не лишенной элегантности. Придворная модистка у светлых – настоящая волшебница!

Пока король с дочерью занимали положенные им места, он сел на стул без трезубца рядом с Ромусом, а она – на ступеньку ниже, я обратила внимание, как отреагировал повелитель на принцессу, все-таки ее прочили ему в жены. За полгода нашего знакомства я успела его изучить, немного. И меня его сияющая улыбка не обманула – девушка его не заинтересовала. Вообще! А вот сам он принцессу напугал. Хотя она, пока шла к трону, смогла сохранить бесстрастный, уверенный вид. Но на расстоянии одной ступени, вдохнув его густой, вымораживающей душу магии смерти, побелела до голубого оттенка. На свой стул она едва не рухнула, похоже, колени подкосились. И руки спрятала в складках платья, чтобы скрыть дрожь. И на лице у нее читались самые безрадостные мысли о будущем.

Ведь байратская делегация до сих пор считала, что прибыла не только для подписания мирного договора, но и на помолвку принцессы Барияр с повелителем Ирмунда. Наши хитромудрые Ромус и Анриш отложили торжественное объявление о женитьбе на целых пять месяцев. Хотя весь Ирмунд так или иначе об этом уже знал, но Тайная канцелярия тщательно мутила воду. Всякие сомнительные сведения, слухи и одна дурнее другой сплетни разлетались как горячие пирожки. Только ради того, чтобы его величество Мандикар фин Формарр был по-прежнему уверен, что все это действительно лишь слухи, ведь официального сообщения от Ирмунда не было.

– Его темное сиятельство, герцог ди-ре Сол, глава Тайной канцелярии Великого Ирмунда, – прогремело на весь зал и я, невольно затаив дыхание, привычно залюбовалась своим мужем.

Анриш уверенным шагом направился к тронному помосту. Его черный с золотом наряд несколько сливался с ковровой дорожкой, но разве можно такой мелочью хоть как-то умалить эту живую силу, мощь, харизму? Наоборот, черное полотно только усиливало впечатление, чтобы даже самые недогадливые осознали, что мимо них идет сам жнец смерти.

Со стороны короля Байрата помост облепили телохранители и представители Ройзмунской академии. У нижних ступенек стояли ректор Эльват фин Жигаль с деканами, в том числе целительского факультета, мэтром Родом Мерриком. Напротив них, с другой стороны

помоста, откровенно ухмылялся преподавательский состав Далеитской академии. И я даже догадалась, откуда на лице Терраса ди Лана такая высокомерная ухмылка победителя.

Как и обещал Анриш, все тридцать светлых, прибывших в темную академию по обмену, выжили. Более того, достойно и даже задорно прошли практику, завоевав умы и сердца темных магов. Выпускники получили дипломы Далеитской академии, студенты остальных курсов – грамоты об успешном прохождении предметов программы обучения и практики.

Самое интересное случилось, когда мы получили кровью и потом заслуженные бумаги. Из двадцати девяти «смертников» лишь восемь изъявили желание вернуться на родину: Мирна Роуш, несколько природников и парочка боевиков. Да и те только потому, что от них зависели семьи. Остальные неделю назад радостными криками поддержали предложение нашего обожаемого куратора Дея Лореса остаться в Ирмунде и продолжить творческую карьеру в составе музыкального коллектива «Светлячки». Да-да, именно так я назвала наш ансамбль песни и пляски.

С учетом моего статуса герцогини ди-ре Сол, точнее размеров живота, который скоро на нос налезет, и будущих новых наследников, Анриш настоял, чтобы управлением ансамблем занимался Дей Лорес. Я же стала главным хударком и хореографом.

Начальство Ройзмунской академии нет-нет, да бросало крайне недоуменные взгляды на Дея Лореса, гадая, с чего это он стоит со стороны темных? Ничего, скоро узнают, что мэтр Лорес не только руководитель «Светлячков», но и продолжил еще на год свою карьеру преподавателя по боевой магии в Далеитской академии. Ведь его обожаемой будущей супруге, Адеис Лаш, которой он вчера сделал предложение руки и сердца, здесь учиться еще год.

Еще веселее: Анриш мне по секрету накануне сказал, что из тридцати темных студентов, учившихся в Ройзмуне, обратно вернулись тоже не все. Трoих, видимо, страшным подкупом уговорили остаться на королевской службе в Байрате. Откровенно говоря, я совсем не по-герцогски ржала, ведь узнала, как обучают темных магов. И главное – чему. Служить на благо своего народа и трона Великого Ирмунда.

Зато часть тех, кто вернулся, «прихватила» с собой светлых невест. Точнее, уже жен, темные времени зря не теряли. Это я тоже

узнала на личном опыте, припомнив как мне тайком пытались родовое колечко на палец надеть. Среди «прихваченных» из Байрата светлых даже двое парней оказалось, которых окрутили, соблазнили, в общем, свели с ума и присвоили темные девицы, ушедшие туда по обмену. Причем, эти двое светлых довольно сильными и полезными Ирмунду магами оказались.

Вон, того же Рина Шмуна повелитель с Анришем тоже и окрутили, и соблазнили, и присвоили наглým, неприкрытым подкупом. Тщательно задокументированной гарантией, что он доучится в Далейтской академии под охраной магов смерти, потом ему предоставят самую лучшую лабораторию под его артефакты. И все-все-все, что пожелает. Даже темную невесту, титул, земли и опять все-все-все. Лишний раз убедилась, что Ромус с Анришем – слишком умные, дальновидные и предприимчивые темные. Аж бесят!

– Пошли скорее, скоро ваш выход! – вцепившись в мой локоть, Ильза потащила меня за собой словно на буксире.

Придерживая живот, я семенила за свекровью, за нами тенями следовали Томаш и Ринх – личная охрана сердечка одержимого Анриша. Мы успели вовремя, Злата со своими родными одновременно с нами подошла к высоким двустворчатым дверям, готовясь предстать перед народом. Ведь сегодня наше с ней официальное представление не только Ирмунду, но и соседнему Байрату. Такой вот ироничный юмор у наших мужей.

Фин Рыбки сегодня в полном составе. Сама Злата в роскошном золотистом платье со слегка открытыми плечами, облегающим лифом, и струящимися от груди свободными складками. Еще и с короной-диадемой на голове. Ее светлые пряди уложили в не менее замысловатую прическу, чем у Барияр. Да и внешне Злата выигрышнее, вот не спутаешь, кто в этом зале повелительница, а кто принцесса. И главное, свободный крой золотого платья Златы не скрывал выступавший ненамного меньше, чем у меня, о многом говоривший животик.

На мне сегодня такое же платье, как у подруги, только серебристого цвета и герцогская диадема из белого золота, увенчавшая мою макушку и уложенные в косы шоколадного цвета волосы.

Мы обе сняли иллюзии и не прятали изумрудные, искрившие глаза магов жизни. Впрочем, как и все семейство фин Рыбок. Им

больше нечего бояться при новом титуле и положении. Опять же, Анриш накануне признался, что светлые земли барона фин Рыбки поменяют на равные у темных, в другой части королевства. Тот кусок нужен Байрату, чтобы защитить торговый пограничный тракт с другим соседом, поэтому они с братом уверены, что его величество Мандикар фин Формарр согласится на подобный обмен землями. Это темный повелитель сделал приятное любимой жене после новости о ее беременности, пообещал сохранить земли ее семьи и присоединить их к Ирмунду.

Жаль, мои земли у столицы находятся, но мне Анриш с Ромусом и так выделили всего слишком. Аруш до сих пор спокойно выдохнуть не мог, потерялся в розовых облачках счастья, любуясь на свои пальцы с кучей печатей главного поверенного всего и вся.

– Удачи! – пожелала мне взволнованная повелительница.

– И вам, – подмигнула я не только ей, но и ее родителям, двум нарядным ангелочкам сестрам и красавчику брату.

Все они будут последними, чтобы шокировать, поразить, выбить из Мандикара спесь и уверенность. В общем, обычные политические игры.

– Ее темное сиятельство, вдовствующая герцогиня Ильза ди-ре Сол, – прогремело в очередной раз. Двери распахнулись перед нами с Ильзой. И без промедления представили меня: – Ее темное сиятельство, герцогиня Эмария ди-ре Сол.

Мы со свекровью обменялись ухмылками и двинулись по ковровой дорожке, являя себя не столько темным, сколько светлым. Поравнявшись с преподавателями Ройзмунской академии, я насладились их отвисшими челюстями, особенно когда и ректор, и декан целительского рассмотрели и мой живот, и изумрудные глаза с золотыми искрами. Пусть я маг жизни, но ничто зловредно человеческое мне не чуждо!

Я настолько увлеклась мелкой мстью, что пропустила момент, когда возле меня оказался Анриш. Крепко прижал меня к себе, фактически внес на помост и усадил в кресло на ступень ниже первых лиц. Я встретилась взглядом с Барияр, смотревшей на меня круглыми глазами, в которых не смогла скрыть счастливого облегчения. Я ей искренне улыбнулась, нутром ощутив в ней хорошего, светлого человека.

Ответить мне или что-то сказать принцесса не успела. В этот момент прозвучало новое объявление, которое погрузило зал в напряженную тишину:

– Ее темнейшество, повелительница Великого Ирмунда Злата дигре Солар!

Злата, приподняв подбородок, спокойно и уверенно двинулась по проходу. Ей нечего было бояться, впереди ее ждал вставший с трона Ромус, одержимо влюбленный в свою золотую звездочку.

Такой гробовой тишины не было даже когда объявляли королей и повелителей. Наличие повелительницы у повелителя Ирмунда всех потрясло до основания. Особенно светлых.

Как и Анриш, Ромус не выдержал – встретил свою супругу на полпути к помосту. Приобняв за талию и не скрывая своих чувств, помог ей подняться по ступенькам и занять третий, до этого свободный стул по левую руку от себя. С правой – сидел король Байрата и секунды две откровенно таращился на Злату.

Я без особых проблем ощущала чужие эмоции из-за того, что носила мага смерти. И судя по злорадному флеру, сделала неутешительный вывод: такие вот «встречи» до помоста и «нетерпеж» у наших мужчин скорее демонстрация. Наказание светлых, щелчок по носу. Типа смотрите, глупцы, где столь важные для вас маги жизни, которых вы по всему Байрату собирали, а вот прокололись – сами к нам прислали. Своими руками!

И вдруг зал охнул – рядом со мной завалилась Барияр, потеряв сознание.

– Бедняжка, не справилась со счастьем, что избавилась от статуса повелительницы темных... – тихо хмыкнула Ильза, тем не менее, поспешила помочь мне усадить принцессу обратно на стул и привести ее в чувство.

Его величество Мандикар скрипнул зубами от злости и стыда. Ведь, по сути, сейчас его дважды поставили в самое неловкое положение.

А представление продолжилось:

– Его темное сиятельство князь Ирмин ди Рыбкин, светлейший брат повелительницы Ирмунда.

Старшему брату Златы Ромус выдал новый титул и земли, чтобы расширить и укрепить род магов жизни в Ирмунде. В конце концов,

магов жизни много не бывает по определению. Все пригодятся.

– Светлейший барон Маркус фин Рыбка с супругой Лидией фин Рыбка и дочерьми, родители и сестры повелительницы Ирмунда, – завершил представление светлого семейства церемониймейстер.

Я, уже не скрываясь, улыбалась, глядя на округлившиеся глаза его величества, ректора и деканов Ройзмунской академии, когда те увидели зеленые искрящиеся глаза магов жизни – барона и его детей. Да уж, Ирмунд легкой рукой перетянул к себе, можно сказать, толпу ценных магов. Вон Томаш с Ринхом буквально залипли на сестрах Златы. Да только шиш им, Злата к своим девчонкам шестнадцати и четырнадцати лет ни одну темную морду не подпустит без доказательств чистой и светлой... одержимости.

– Поздравляю, – проскрипел положенное его величество Мандикар, натянуто улыбнувшись Ромусу.

Затем бросил такой говорящий взгляд на ректора Эльвата фин Жигалья и незнакомого мне мужчину в сером камзоле, что я бы на их месте попросила политическое убежище в Ирмунде. Ректор, побледнев, пошатнулся, похоже, лишь чудом не потерял сознание. Но, слава богу, его успел поддержать один из деканов покрепче.

– По случаю подписанного утром мирного договора с Байратом, а также нашего с братом обретения своих половинок и скорого рождения наследников, мы решили устроить скромный концерт. Как ознаменование нового времени, мирного и добрососедского! – радостно объявил Ромус.

Кто не знает повелителя, счел бы его улыбку доброжелательной. Мы со Златой знали и иллюзий не питали. Ромус наслаждался местью врагу, тому, чей отец убил его родителей. Я скрипнула зубами. Какой же он мстительный редис, ы-ы-ы... Он же слышал наш вчерашний прогон, узнал, с чего мы начнем концерт. И специально выбрал такие слова.

– Мы будем очень рады послушать красивую нежную музыку. Вы правы, мой темнейший собрат, – согласился Мандикар.

Ромус царственно кивнул, блеснув темным, мрачным триумфом в глазах и под сводами торжественного зала опять громогласно объявили:

– Выступает темнейший ансамбль под личным покровительством его темнейшества, повелителя Великого Ирмунда Ромуса ди-ре Солара

– «Светлячки»!

Что? Темнейший ансамбль? Под личным покровительством Ромуса? Пыхтела я, пока лакеи просили народ отойти к стенам, освобождая широкий круг для сцены и заноса крупногабаритные инструменты и стойки с чашами и гонгами. Как все приготовили, церемониймейстер добавил под ласковый смешок Анриша:

– Художественный и хореографический руководитель и создатель ансамбля, ее темное сиятельство герцогиня Эмария ди-ре Сол.

Я радостно выдохнула, выбросив из головы политику. Ведь сейчас будет музыка! В зал вошли избранные по обмену в полном составе. Увы, скоро восемь из них уедет, но замену им мы уже нашли. Точнее, с огромным трудом отобрали из толпы желающих темных. Лица ректора и преподав нашей бывшей академии надо было видеть. А ведь это лишь самое начало...

Виктор за своей ударной установкой смотрелся вальяжным сытым львом, Анхиль, Алесан и Этеис с гитарами в руках – воинами. Вокалистом сегодня будет Дитмар в облегающих его мускулистое поджарое тело кожаных брюках и жилетке на обнаженном торсе. Впрочем, сегодня на сцене все в коже, и парни красовались голой мускулистой грудью. Я чуть не пищала от восторга, ведь передо мной боги рока! Р-р-р!

И понеслось. Сначала подпевка, потом пространство наполнило соло Этеиса, пронизывающий до самого нутра гитарный риф в его исполнении. Невозможно было не любоваться тем, как его пальцы порхали над струнами. Как и невозможно было остаться равнодушным к композиции, которая набирала силу, заставляя забыть обо всем всех присутствующих.

Да, песня «Thunderstruck» австралийской хард-рок группы AC/DC, которую написали Малкольм Янг и Ангус Янг, мало подходила к ознаменованию мирного договора, скорее звала к новым победам. Однако я уверена, именно она сплотит два королевства, потому что музыка Земли захватит умы светлых и темных. И мои «Светлячки» нам помогут!

Эпилог

Центральная площадь Далеята была настолько заполнена людьми, что их поднятые вверх руки создавали настоящую волну, как пшеница в поле под ветром. Балконы, окна окружающих домов и даже крыши, столбы и заборы – все было заполнено народом, собравшимся на выступление «Светлячков». Концерт устроила торговая гильдия, которой удалось заключить сразу несколько взаимовыгодных договоров с нашими северо-восточными соседями. С оборотнями!

Веками оборотни вели закрытый образ жизни, предпочитая вести дела исключительно между своими кланами. И самым жестоким образом пресекали любые поползновения людей на их разделенные на кланы территории. По сути, они служили некой естественной преградой между большей частью светлых и темных земель. Лишь Ирмунд оказался по «эту» сторону, а за оборотнями, условно темными как магически, так и территориально по источникам магии, расположены еще более «темные» королевства с сильными источниками. Хотя были там и «серые» зоны, где источники давно выгорели.

И вот пришло время, когда Большой совет кланов принял решение о расширении связей, создании торговых и дипломатических миссий. К слову, Ирмунд даже выделил квоты на студентов оборотней во всех своих магических и нет учебных заведениях для укрепления связей. Впрочем, Байрат также поспешил это сделать, чтобы угнаться за темным соседом в конкурентной борьбе.

Вот кто бы мог подумать, что столь плачевно начавшийся обмен студентами между двумя академиями ради мирного договора стремительно перерастет в нечто большее. Нет, не в мир-дружбу-жвачку, а в здоровый дух соперничества. Всего месяц прошел с торжественного подписания мирного договора и возвращения... части пожелавших вернуться на родину студентов с той и другой стороны, а отношения начали меняться пугающе стремительно. И музыка, что для меня совершенно не удивительно, стала одним из главных толчков этого процесса.

Сегодня на площади соорудили специальный помост для повелителя и повелительницы со свитой, заодно и для нас с Анришем рядом с братом удобные кресла поставили. Гостей от торговой гильдии усадили ниже, на лавках. В центре площади выступали мои ребята, причем в составе «Светлячков» работали уже и темные артисты.

Наслаждаясь музыкой и вокалом, я рассеянно рассматривала восторженный народ и поглаживала свой животик, где толкался малыш. Это было настолько удивительно, что все мое внимание сосредоточилось на нем.

– Опять? – мою руку на пузике накрыла ладонь Анриша, согрела и сместилась, чтобы тоже ощутить возню нашего главного и уже такого любимого суетолога, что поселился во мне.

Я подняла лицо к Анришу и улыбнулась. Муж светился, магия смерти вновь зашалила, окрашивая его глаза то в черный, то в белый цвет.

– Не опять, а снова, – хихикнула я, – весь в папочку, очень деловой. Ни минутки на отдых не тратит!

Анриш посмотрел на меня, и я уже привычно замерла, не в силах и не желая разрывать наш зрительный контакт. Благодаря сыну я теперь все время ощущала эмоции и чувства окружающих, но, если от других отстранялась, защищалась, то Анриш... Он буквально купал меня в своей нежности и любви. В обожании, безумном и всепоглощающем. Его черные глаза не просто смотрели, они вбирали всю меня, поглощали, жадно следили за каждым движением, эмоцией. Любовались, наслаждались тем, что видят, сияли счастьем.

Легко ли стать для кого-то всем? Дыханием и пульсом, как Анриш признался самой Смерти. Нет, это страшно. Страшно потерять это чувство всемогущества, когда ты все для кого-то. И страшно потерять того, кого ты больше, чем любишь, кем одержим. Но вместе бояться не так страшно, как в одиночку. Нам с Анришем повезло. Мы знаем, что ничего дороже друг друга у нас нет.

Из любовного дурмана меня вырвал иностранный гость, из тех, что приехали для представления повелителю Ирмунда от оборотней. Стоило Алисе завершить песню «Нентори» переделанную под трагичную судьбу несчастной влюбленной, потерявшей любимого, а аплодисментам – немного стихнуть, мужчина громко крикнул вокалистам:

– Ребят, прошу прощения, но вы ошиблись. Это не рдийская легенда, а аматори!

До меня не сразу дошел смысл слов оборотня, а вот сердце, запнувшись, пустилось вскачь. Алиса Шаль, которая исполняла песню, пожала плечами и улыбнулась, ей было все равно, кому из древних, давно ушедших народов принадлежала эта легенда. И только я одна на всем Хартане знала, что рдийцев в этом мире нет и не было, потому что песня с Земли, а легенду придумала Вика!

Когда эта мысль достигла сознания, как и смысл слов ничего не подозревавшего оборотня, продолжавшего спокойно сидеть внизу, я все еще заторможенно встала. Сердце грохотало в ушах, мне не хватало воздуха и единственное, на что меня хватило, это податься всем телом к бортику помоста.

В ту же секунду помост окружила темная стена, народ испуганно прыснул в сторону, вокруг нас началась пока еще локальная паника. Анриш заслонил меня от всего мира, укрыв своей магией в дополнительный защитный кокон.

– Родная, что случилось? – напряженно спросил он.

Ромус закрыл собой Злату, судорожно рыская взглядом по толпе и пытаясь выявить неизвестную и непонятную угрозу. Телохранители стремительно оцепили помост повелителя. В общем, паника набирала обороты, а я, наконец, смогла вдохнуть. Указав на оборотня пальцем, с мольбой попросила Анриша:

– Приведи его, пожалуйста. Он мне очень-очень нужен, чтобы задать вопрос. Только осторожнее с ним, он... он очень важный...

Через несколько мгновений, таких мучительно тянувшихся, перепуганный оборотень замер напротив меня в окружении темных, готовых его на ленточки порвать.

– Скажите, уважаемый, почему вы решили, что эта песня принадлежит аматори?

Мужчина вытаращился на меня, явно счел неадекватной и, сглотнув, похоже смачивая пересохшее от напряжения горло, осторожно ответил:

– В Даргланде об этом все знают.

– Откуда? – потом мотнула головой и пояснила, уже торопясь выяснить главное. – Кто именно ее поет?

– Штш, – коротко ответил мужчина.

– Что, простите? – не поняла я.

Оборотень пожал плечами и выговорил тщательно, по буквам:

– Группа «Ш-т-ш».

По моим щекам потекли слезы. Группа «ШТШ» образована из первых букв наших прозвищ: Шпала, Томат и Шапокляк. А в груди буквально ураган из чувств набирал силу.

– Где они? Кто они? Откуда? – просипела я.

– Родная, что происходит? – прохрипел Анриш, не понимая отчего я плакала и сходила с ума и терял контроль от бессилия и ярости.

– Я все объясню, только дайте мне узнать! – посмотрела с отчаянием на оборотня, наверное, окончательно принявшего меня за спятившую.

– Наши, даргланские оборотни. В группе певцы из нескольких кланов. Но верховодит всеми юная сова. Простите, темнейшая, но лично с ними я не знаком, к сожалению. И не смогу вам подробнее про них что-либо рассказать. Они разъезжают по Даргланду и людским королевствам и поют свои песни. Вот парочку из них и ваши пели...

У меня закружилась голова, руки тряслись от счастья.

– Живы... они тоже живы! – просипела я, все еще не в силах до конца поверить, осознать, что мои девчонки тоже на Хартане.

– Машенька, посмотри на меня, объясни, любимая, что происходит? Или, я клянусь, сейчас кого-нибудь испепелю или пушу в жертву Белой Эйте, – зарычал Анриш.

Вскоре концерт продолжился, правда без повелителя и его брата с супругами. Мою истерику списали на последствия беременности и увели с глаз народа. В наших с Анришем дворцовых покоях я призналась самым близким на Хартане людям, кто я и откуда. И как сюда попала. Прежде всех удивил полностью успокоившийся Анриш, нежно прошептавший:

– Машенька... – прижимая к себе крепче, словно боялся, что отберут, чуть помолчал и глухо выдохнул: – Подарок от самой Великой Белой Эйты своему жнецу.

Его реакции я опасалась больше, чем других. А ему было все равно на тайну моего рождения или перерождения. Главное, я у него на коленках, в безопасности и перестала плакать.

– Ты всегда был ее любимчиком, – мрачно усмехнулся Ромус, не менее крепко прижимая к себе свою звездочку Злату.

– Благодаря подарку Великой и ты получил заслуженную награду, – полыхнул белым огнем в глазах Анриш.

И почему-то Ромус сконфуженно поморщился и согласился:

– Ты прав, прости.

Анриш с невыразимой нежностью приласкал мое наверняка покрасневшее, опухшее от слез лицо и зловеще пообещал:

– Ничего не стоит твоих слез, любимая! Мы найдем ту сову. И ты точно узнаешь, кто она: еще один подарок высших или просто залетная птица, нечаянно услышавшая твою песню и нагло превратившая ее «родословную» с несуществующих рдийцев на аматори. Хорошо?

– Да! – выдохнула я восторженно и благодарно. И целуя его лицо, счастливо шептала: – Я люблю тебя, Анриш, больше всего на свете!

Конец